

© *Петербургское библиотечное общество, 2017*

УЧРЕДИТЕЛЬ
ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 575 70 66
e-mail: pbo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ
“Северо-Западное окружное
Межрегиональное ТУ МПТР России”
от 03 марта 1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал “Петербургская библиотечная
школа” обязательна

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)
Отпечатано в ООП Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Тираж 100 экз. Зак. № 79
Номер подписан в печать 24.07.2017 г.

Маркова Т.Б. Валерий Павлович
Леонов — библиотекарь, учёный и
педагог..... 3

Научные исследования

Белова Л.Б. Собрание Владимира
Васильевича Лукьянова в отделе
рукописей БАН..... 7

Жабрева А.Э., Лугавцова М.Ю.
Спецодежда XX века в истории костюма
Библиотеки Российской академии
наук 14

Хотеев П.И. К вопросу о круге чтения
Леонарда Эйлера (Материалы для
комментария к «Table-talk»
А.С. Пушкина) 24

Люди и книги

Батюто С.А. П. Витязев и его книга
«Частные издательства в Советской
России» (1921): К истории издательского
дела в России в 1917–1921 годах..... 28

Комарова О.А. «Как деды-прадеды
строили...» (Из личных воспоминаний
А.Д. Сыщикова)..... 42

Леонов В.П. Питер Уотерс и Библиотека
Академии наук: вспоминая февральский
пожар 1988 г. 50

Пивоваров Е.Г. «Повесть кривых
лет»..... 65

Изучаем Восток

Кульматова Т.В. Экземпляр оттиска
из Академического собрания БАН
с дарственным автографом академика
В.М. Алексеева (Идеи даосизма
в творчестве Н.С. Гумилёва)» 71

Новожилова Е.А. Тематическая
направленность книг, поступающих
в Библиотеку Российской академии наук
по программе «Окно в Корею»..... 78

Президент ПБО

Чалова З.В.

Главный редактор

Леонов В.П.

Редакционная коллегия

Басов С.А.

Батюто С.А.

Колтакова Н.В.

Рудая З.А.

Холмогорова О.В.

Технический редактор

Томишина М.В.

В оформлении обложки использован
рисунок Кульматовой Т.В.

Фирсова В.С. Опыт японских
библиотек по предоставлению
цифрового контента 85

Библиотечные технологии

Белинская М.А., Тилева Е.А.
Фактографические базы данных
в обеспечении сохранности фондов 89

Перекрест С.В. К истории создания
библиотечно-библиографической
классификации по биологии в первой
половине XX века 95

Пономарева Н.В. Современные
проблемы профессионализма
библиотекаря и вызовы времени 101

Цевелева И.В. Отработка технологии
инкапсулирования 106

Информация

Горская Л.И., Люлеев М.В.
«Библиофест-2017»
(Санкт-Петербургский
государственный институт
культуры, 16–25 мая 2017 г.) 111

Кудрин А.А. «Путь археографа»:
научные чтения в честь 80-летия
Николая Юрьевича Бубнова 113

Приложение к журналу 117

ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ ЛЕОНОВ – БИБЛИОТЕКАРЬ, УЧЁНЫЙ И ПЕДАГОГ

АННОТАЦИЯ

Статья подготовлена к юбилею научного руководителя Библиотеки Российской академии наук Валерия Павловича Леонова. Он настоящий хранитель Библиотеки. Увлеченность, интерес к библиотечному делу и уважение к профессии пронизывает его научную, общественную и педагогическую деятельность. В его трудах библиотека предстает живым существом, с собственной жизнью и судьбой.

Ключевые слова: хранитель библиотеки, библиография, библиотека, книга, биографический метод, Валерий Павлович Леонов.

20 октября научный руководитель Библиотеки Российской академии наук Леонов Валерий Павлович отмечает свой юбилей.

Заслуженный работник культуры РФ, выдающийся учёный в области книговедения, библиографии и библиотековедения, Валерий Павлович Леонов работает в БАН 30 лет. За эти годы он исследовал структуру и свойства библиотечно-библиографических процессов в системе документальных коммуникаций; разработал методы алгоритмизации реферирования и аннотирования научной литературы; представил новые и оригинальные концепции библиотеки, библиографии и книги; руководил множеством исследовательских проектов и программ. Среди них: «Малая энциклопедия БАН» (1999), «История Санкт-Петербурга – Петрограда, 1703–1917» (2000; 2005; 2007; 2010); «Летопись Библиотеки Академии наук. Т. 1» (2002), «Библиография изданий Академии наук СССР: 1941–1945» (Вып. 1–5, 2006–2010); «Почаевский сборник» (2007); «Русские в Шанхае» (2008); «Американцы – члены Императорской академии наук» (2010); В.М. Алексеев. «Рабочая библиография Китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая» (2010);

комментированное издание «История русской библиографии до начала XX века» Н.В. Здобнова (2012).

После окончания Ленинградского государственного института культуры в 1969 г. Валерий Павлович поступил

в аспирантуру и в 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Исследование информативности реферативного издания» по специальности «Библиотековедение и библиография». Им впервые изучены и предложены механизмы библиографического свертывания научной литературы, в частности аннотирования и реферирования в традиционном и автоматизированном режимах. Этой теме посвящена докторская диссертация, защищённая в 1987 г. в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина в Москве. Профессор с 1992 г. В.П. Леонов является одним из ведущих специалистов в области библиотековедения, библиографоведения и книговедения. Его работы неоднократно представлялись на международных и всесоюзных конференциях, широко известны как в нашей стране, так и за рубежом.

В Библиотеке Академии наук Валерий Павлович работает с 1987 г. сначала в должности заместителя директора по научной работе, а с ноября 1988 г. в должности директора БАН. На этом поприще он прослужил 28 лет, до 2016 г. С 2016 г. он научный руководитель БАН. Как настоящий хранитель Библиотеки Валерий Павлович обладает хорошей памятью, энциклопедической эрудицией, огромной работоспособностью; наделен удивительной простотой и скромностью. Поле его деятельности разнообразно и обширно — это научная и педагогическая деятельность, общественная работа, участие в конференциях, семинарах и научных заседаниях.

Значительным научным достижением следует считать разработку В.П. Леоновым концепции развития библиотековедения как фундаментальной науки, направленной на исследование структуры и свойств библиотечно-библиографических процессов в системе документальных коммуникаций. Библиотека представлена им как живой организм, как культурное пространство, имеющее определённые жизненные циклы развития. На основе биографического метода он

реконструировал историю БАН, раскрыл ментальность людей, работавших в ней в разные исторические периоды, выявил и описал их цели, намерения и переживания, подчеркнув ещё раз уникальность и своеобразие БАН. Её сердцем, по его мнению, является наука, а телом — библиотекари и общество.

Особо следует сказать о библиографии, которую Валерий Павлович определяет как часть литературного процесса и связывает её с искусством и поэзией. Им введен термин «поэтика библиографии», как особый раздел теории библиографии, изучающий структуру и закономерности эволюции библиографического процесса, а также способы воплощения авторского замысла конкретных периодов и направлений её развития.

Тематика взаимоотношений книги и человека, взаимосвязей книги и космоса получила раскрытие в многочисленных публикациях Леонова в периодической печати. Разгадку происхождения книги, по его мнению, нужно искать в генетическом коде человека для выявления того, что объединяет разные культуры и народы и отражает их взаимосвязи.

Используемый Валерием Павловичем биографический метод показывает, какую важную роль в развитии библиотеки, в истории общества играет личностный фактор и сохранение культурной памяти. Тема памяти и личных воспоминаний истинных подвижников библиотечного дела; вопросы библиофильства и коллекционирования отражены в его трудах и публикациях. С 2002 г. в БАН периодически издаются полные библиографические указатели трудов В.П. Леонова.

Плодом многолетней работы и несомненной заслугой В.П. Леонова является подготовка и издание серии: «Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ» (1993–1998), а также «Библиотечный синдром», в котором раскрыта история пожара БАН в воспоминаниях, документах и литературных доносах. Пожар Библиотеки 1988 г.

воспринят Валерием Павловичем как личная трагедия. Он возглавил штаб из ведущих сотрудников БАН по координации деятельности в этой ситуации, привлек всю отечественную и международную общественность к восстановлению утраченных и повреждённых фондов.

В.П. Леонов пять раз (в 1989, 1995, 2001, 2006 и 2011 г.) избирался на должность директора Библиотеки РАН. За двадцать восемь лет руководства Библиотекой определились деловые качества В.П. Леонова — умение планировать и координировать работу, правильно подбирать кадры, — что помогло в кризисных условиях не только сохранить, но и умножить научный потенциал Библиотеки, которая сегодня является одним из ведущих научных учреждений страны в области библиотковедения, библиографоведения и книговедения.

В.П. Леонов внес весомый вклад в подготовку профессиональных кадров. В течение ряда лет он был профессором кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского филиала Московского государственного университета печати. В 1998–2007 гг. возглавлял диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций в БАН. Под его научным руководством защищено 7 кандидатских и одна докторская диссертация.

В настоящее время В.П. Леонов продолжает активную научную деятельность, является автором более 500 научных публикаций, в том числе 15 монографий, две из которых переведены на английский язык и вышли в свет в немецком издательстве K.G. Saug в Мюнхене, что свидетельствует о международном признании научных результатов В.П. Леонова в области исследования истории отечественного библиотечного дела и библиографии.

Научная и общественная деятельность В.П. Леонова получила достойную оценку как в нашей стране, так и за рубежом. В.П. Леонов — заслуженный работник культуры РФ (2002), награжден

юбилейной медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга» (2003), медалью Комиссии по делам национального образования (Польша, 2005), дипломом и серебряной медалью в связи со 100-летием ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом, 2005), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2008) и многочисленными грамотами Президиума РАН и Президиума СПбНЦ РАН.

Сотрудники Библиотеки Российской академии наук поздравляют В.П. Леонова с юбилеем, желают ему здоровья и творческих успехов.

Ниже публикуется перечень основных научных работ В.П. Леонова.

1. *Леонов В.П.* Реферирование и аннотирование научно-технической литературы / отв. ред. Б.С. Елепов; ГПНТБ СО АН СССР. Новосибирск : Наука, 1986. 176 с.

2. *Леонов В.П.* Библиотечно-библиографические процессы в системе научных коммуникаций / Библиотека РАН. СПб. : БАН, 1995. 139 с.

3. *Леонов В.П.* Библиотечный синдром : записки директора БАН. СПб. : Облик, 1996. 629 с.

4. Академическое дело, 1929–1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле : док. и материалы следств. дела, сфабрик. ОГПУ / Библиотека РАН ; сост. М.П. Лепехин ; редкол. : Ж.И. Алферов, Б.В. Ананьич, В.П. Леонов (отв. ред.), Е.В. Лукин, В.М. Панеях, С.В. Степашин, А.Н. Цамутали. СПб. : БАН, 1998. Ч. 1, 2. СXXXI, 764.

5. *Леонов В.П.* Судьба библиотеки в России : роман-исследование / Библиотека РАН. СПб., 2000. 415 с.

6. *Леонов В.П.* Пространство библиотеки : библ. симфония. М. : Наука, 2003. 123 с.

7. *Леонов В.П.* Библиография как профессия. М. : Наука, 2005. 128 с.

8. *Леонов В.П.* «Besame mucho» : путешествие в мир книги, библиографии и библиофильства. М. : Наука, 2008. 268 с.

9. *Леонов В.П.* Библиография как часть литературного процесса //

- Книжная культура. Особенности становления и развития: материалы Рос.-Укр. науч. форума (Киев, 11 июня 2008 г.). М., 2008. С. 52–60.
10. *Леонов В.П.* Книга как врожденная программа человека // Книга. Исследования и материалы. М., 2008. Сб. 88, ч. 1. С. 77–83.
11. *Леонов В.П.* Движение души: о возможности поэтического книговедения / Библ. дъло. 2008. № 23. С. 16–19.
12. *Леонов В.П.* Об изучении связей печатной книги и электронной // Библиотекосведение. 2009. № 5. С. 8–11.
13. *Леонов В.П.* Петр Великий и Библиотека Академии наук // Библиотекосведение. 2010. № 6. С. 64–69.
14. *Леонов В.П.* Эволюционный синтез библиографии // Библиография. 2011. № 1. С. 20–29.
15. *Леонов В.П.* Будущее библиотеки как предмет изучения // Науч. и техн. б-ки. 2012. № 9. С. 51–68.
16. *Леонов В.П.* Библиотека Академии наук: Опыт биографии. М.: Наука, 2013. 199 с.
17. Поверх барьеров из истории российско-американского сотрудничества в области образования и культуры. Профессиональный опыт директора Библиотеки РАН В.П. Леонова: Сб. документов / сост. А.С. Крымская; Библиотека РАН. СПб., 2013. 204 с.
18. *Леонов В.П.* «Голландская болезнь» российской библиографии // Библиография. 2013. № 2. С. 15–20.
19. *Леонов В.П.* О гравитации печатной и электронной книги // Книга. Исследования и материалы. М., 2013. Сб. 100. С. 61–69.
20. *Леонов В.П.* БАН — первая государственная академическая библиотека России // Библ. дъло. 2014. № 18. С. 29–32.
21. *Леонов В.П.* Иоганн Даниель Шумахер: между Библиотекой, Академией и Двором // Петерб. библ. шк. 2014. № 3(47). С. 3–5.
22. *Леонов В.П.* Международная ассоциация библиофилов (Association Internationale de Bibliophilie — AIB): Заметки о встречах на конгрессах и коллоквиумах / Библиотека РАН. СПб.: БАН, 2015. 448 с.
23. Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ: Вып. 9. Часть 1–3: Обвинение. Приговоры. Реабилитация / сост. М.П. Лепехин; предисл.: А.Н. Цамутали, М.П. Лепехин; редкол.: Ж.И. Алферов, Б.В. Ананьич, В.П. Леонов (отв. ред.), Е.В. Лукин, В.М. Панеях, С.В. Степашин, А.Н. Цамутали. СПб.: БАН, 2015. — 1642 с.
24. *Леонов В.П.* Библиотечный синдром — 2: Документальное продолжение. СПб.: БАН, 2016. 119 с.
25. *Леонов В.П.* Международная ассоциация библиофилов (AIB) как центр изучения мировой книжной культуры: Опыт Библиотеки Академии наук // Научное и культурное взаимодействие в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 8–10 ноября 2016 г.). М.: Наука, 2016. С. 114–118.
26. *Леонов В.П.* Петр I и Библиотека Академии наук: формирование центра информационного обеспечения науки в России // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред.: А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов. М.: Этерна, 2016. С. 584–599.
27. *Леонов В.П.* Очерк эволюции поэтики библиографии. СПб.: Европейский дом, 2017. 227 с.
28. *Leonov V.P.* The Library Syndrome. München: K.G. Saur, 1999. 295 p.
29. *Leonov V.P.* Libraries in Russia: History of the Library of the Academy of Sciences from Peter the Great to Present. München: K.G. Saur, 2005. 245 p.
30. The Academy of Sciences library: episodes biography. Compiled and edited by Valerii P. Leonov. Saint Petersburg: The Russian academy of sciences library, 2014. 176 p.

СОБРАНИЕ ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛУКЬЯНОВА В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ БАН

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории формирования собрания ярославского коллекционера Владимира Васильевича Лукьянова, хранящегося в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук. В записях на рукописях, сделанных владельцем собрания, содержатся сведения о прежних владельцах рукописей, букинистах, коллекционерах Ярославля, Ростова, Ленинграда.

Ключевые слова: Владимир Васильевич Лукьянов, Федор Тихонович Васильев, Александр Андреевич Великанов, Григорий Антонович Палкин, Виталий Феофанович Груздев, Федор Антонович Каликин, букинисты, коллекционеры, Отдел рукописей Библиотеки Академии наук.

Владимир Васильевич Лукьянов (1908–1986) — известный ярославский коллекционер, собиравший рукописные и печатные книги, документы, монеты. Технический переводчик, инженер-технолог по специальности, и в то же время увлеченный археолог, краевед, автор описаний и обзоров рукописей, хранящихся в музеях и архивах Ярославской области. С 1954 по 1959 г. — внештатный сотрудник Пушкинского Дома, с 1959 по 1969 г. — заведующий Отделом книжных и рукописных фондов Ярославско-Ростовского музея-заповедника [1].

В 1964 г. коллекция рукописных книг В.В. Лукьянова при содействии Владимира Ивановича Малышева была приобретена Библиотекой АН СССР для Отдела рукописной и редкой книги [2]. В 1965 г. в Отдел поступили старопечатные книги из собрания Лукьянова, среди которых четыре издания XVI в. [3]. Рукописи, приобретенные им в последующие годы (97 книг), В.В. Лукьянов передал в Древлехранилище Пушкинского Дома, где они хранятся в составе фонда «Отдельные поступления» (поступления до 1972 г.) и в фонде В.В. Лукьянова (с 1972 г.) [4].

Собрание В.В. Лукьянова в Отделе рукописей БАН насчитывает 337 единиц

хранения XVI–XX вв. Три рукописи с записями о принадлежности В.В. Лукьянову выявлены в собрании Федора Антоновича Каликина (Калик. 141, Калик. 146, Калик. 186), которое поступило в Отдел в 1952 г.

В 1954 г. Владимир Иванович Малышев описал рукописи из собрания В.В. Лукьянова в обзоре частных собраний Ярославля, Калуги, Москвы и Ленинграда [5]. Практически все из описанных им рукописей поступили в БАН. Одна из них — в составе собрания Ф.А. Каликина (Калик. 186).

На многих рукописях собрания В.В. Лукьяновым сделаны записи с указанием где, когда и у кого была приобретена та или иная рукопись, а также, что особенно важно, указаны имена прежних владельцев.

Начало собирательской деятельности Владимира Васильевича относится к 30-м гг. XX в. В эти годы в Ленинграде, где он жил до 1939 г., им приобретены несколько рукописей, среди которых дневниковые записи Ивана Михайловича Булгакова, сделанные на чистых листах печатного Санкт-петербургского календаря 1758 г. (Лукьян. 86). На книге два владельческих знака: на титульном листе — штамп с гербом Троицкого Сергея

Николаевича (1882–1948) с инициалами «С.Т.» [6], а на внутренней стороне верхней обложки — экслибрис князя Аргутинского-Долгорукова Владимира Николаевича (1874–1941) [7]. Оба прежних владельца — сотрудники Государственного Эрмитажа (С.Н. Тройницкий с 1917 по 1926 г. был директором Эрмитажа), коллекционеры [8]. Книга была куплена В.В. Лукьяновым в 1935 г. в магазине старой книги на Литейном проспекте.

В 50-е годы в Ленинграде он приобрел несколько рукописей XVIII — нач. XX в., в том числе пять у известного учёного и коллекционера Виталия Феофановича Груздева, доцента Военно-Медицинской академии, собирателя материалов по русской истории, древнерусской литературе, народной медицине (Лукьян. 139, 173, 210, 227, 298).

На одном из листов сборника документов XVIII в., полученных от В.Ф. Груздева (Лукьян. 139), сделана помета прежнего владельца в виде инициалов «Ф.Т.В.» и номера документа в собрании. Такая же помета есть на другом документе собрания Лукьянова (Лукьян. 190). В Основном собрании Отдела рукописей нами выявлены еще две рукописные книги с аналогичными пометами (4.3.7 и 4.3.8). Пользуясь тем, что один из документов собрания Лукьянова связан с Казанским уездом (Лукьян. 190) [9], осмелимся предположить, что эти инициалы скрывают имя известного казанского коллекционера, купца, старообрядца белокрыницкого согласия Васильева Федора Тихоновича.

Федор Тихонович Васильев был родом из Боровска, поселился в Казани в начале 1890-х годов, где он получил статус временного казанского купца. Собрание Ф.Т. Васильева включало нумизматическую коллекцию, иконы, предметы старинного быта, коллекцию рукописных и старопечатных книг. Им сделано несколько публикаций о некоторых предметах из своей нумизматической коллекции и коллекции икон. Две рукописи собрания были изданы владельцем на собственные средства. После смерти

Ф.Т. Васильева коллекция монет была отправлена в Нижний Новгород, а книги в Боровск [10]. В 1919 г. родственники передали рукописные книги в Боровскую Спасскую церковь. В 1941 г., по сведениям В.И. Малышева, там хранилось менее половины переданных книг [11]. Дальнейшая судьба собрания старообрядческой Боровской общины, где находились книги Федора Тихоновича, неизвестна. Отдельные книги из его собрания попали в Калужский краеведческий музей [12].

Виталий Феофанович Груздев, которому принадлежал один из документов с пометой «Ф.Т.В.», начинал свою собирательскую деятельность в Казани, где он учился в университете на медицинском факультете, и у него вполне могли оказаться какие-то документы из собрания Ф.Т. Васильева.

Одна из рукописей, полученных у Груздева, написана в 10-е гг. XX в. отставным унтер-офицером Кавалергардского е.и.в. Марии Федоровны полка, трубачом Федором Варфоломеевичем Праховым (Лукьян. 210). С 1891 г., как сказано в записи, он служил в должности помощника швейцара высочайшего двора. Рукопись, содержащая Житие Захария и Елизаветы (с посвящением Елизавете Алексеевне Нарышкиной), украшена цветными открытками, изданными в Одессе в хромофотографии Е.И. Фесенко. В Вятском собрании Отдела хранится ещё одна рукопись, написанная Ф.В. Праховым в 1917 г. (Вятск. 167) и также украшенная открытками того же издателя. В ней, на л. 207 об., он пишет о себе следующее: «...Я, как человек неученый, мне ныне 72-й год со дня рождения, родился я в 1845-м году на 17 февраля, пишу сии строки старческой рукой, ныне 24-е октября 1917 год. Я сумел себя приучить к чтению священнаго писанию, при военной служебной обязанности находил время для чтения и писания сего шрифта, я не скрыл своего таланта. Пусть меня называют как умеют, ныне ученых много, посмотрите на профессоров и академиков кому подобны они».

В 1957 г. у В.Ф. Груздева Лукьянов купил печатное Скитское покаяние XIX в. (Лук. 298). В те же годы им была получена машинописная копия списка рукописей, проданных В.Ф. Груздевым в 1955 г. академику М.Н. Тихомирову и в Публичную библиотеку в Ленинграде (Лукьян. 315).

В 1957 г. был приобретён альбом записей гостей, посещавших приёмы во дворце-коттедже великого князя Бориса Владимировича Романова в Царском Селе в 1899–1915 гг. (Лукьян. 245), принадлежавший известному книговеду, библиофилу Куфаеву Михаилу Николаевичу [13]. Среди автографов членов императорской семьи, друзей великого князя стихи его друга, полковника Бориса Всеволодовича Каховского, погибшего в бою в августе 1914 г. В последний раз он был на обеде у великого князя 26 февраля 1914 г.

Среди рукописей собрания четыре принадлежали коллекционеру В.А. Крылову (Лукьян. 18, 269, 271, 310), на двух из них записи о приобретении от В.А. Крылова в Ленинграде в 1948 г. В собрании Текущих поступлений Отдела хранятся 11 рукописей В.А. Крылова (Тек. пост. 1176–1185 и F № 409), которые были приобретены Библиотекой, так же как и собрание В.В. Лукьянова, в 1964 г. [14].

В Ярославле собрание пополнилось рукописными книгами ярославских книжников старообрядцев Александра Андреевича Великанова и Григория Антоновича Палкина. Благодаря записям В.В. Лукьянова мы имеем возможность выделить их библиотеки в составе собрания.

Всего в собрании В.В. Лукьянова 12 рукописей XVII–XX вв. из собрания ярославского иконописца А.А. Великанова [15]. На всех рукописях есть записи В.В. Лукьянова о принадлежности их Великанову. На двух из них есть указания, у кого и когда они были приобретены. Лицевой Синодик работы А.А. Великанова (Лукьян. 76) был получен в 1954 г.

в Ярославле у А.И. Сулова в обмен на книги. Из записи В.В. Лукьянова следует, что Синодик после смерти А.А. Великанова приобрёл у его наследников архиепископ Ярославский и Ростовский Димитрий (Градусов), а затем подарил её А.И. Сулову [16]. У последнего в 1956 г. была приобретена рукопись с приписываемыми А.А. Великанову рисунками к русским народным сказкам (Лукьян. 178). В описи собрания и в описании лицевых старообрядческих рукописей БАН к работам А.А. Великанова Н.Ю. Бубновым отнесено также несколько настенных листов из собрания В.В. Лукьянова: Лукьян. 164 (л. 5–11) и Лукьян. 336 [17]. В одной из рукописей, принадлежавших А.А. Великанову (Лукьян. 45. Беседы духовные Макария Египетского), есть запись о написании её в 1689 г. иеромонахом Крестомаровской Воздвиженской пустыни Макарием. Упоминание в записи имени игумена Иоасафа дополняет список настоятелей пустыни, перечисленных в словаре П. Строева [18].

Собрание другого ярославского писца и оформителя рукописей — Григория Антоновича Палкина представлено 29 рукописями XVI–XX вв. [19], из которых 18 были приобретены в течение четырёх лет (с 1954 по 1957 г.) у К.А. Лобанова. В составе собрания Апостол XVI в., принадлежавший жителю г. Галича Ивану Иванову сыну Потепалову (Лукьян. 31), сборники житий, учительная литература, старообрядческие сборники. Пять рукописей написаны и украшены заставками и инициалами Григорием Палкиным в 10–30-х гг. XX в. (Лукьян. 115, 180, 182, 184 и 314). В Сборнике повестей, слов и поучений о милостыни и добрых делах (Лукьян. 115) две записи сделаны рукой Г.А. Палкина: о написании рукописи в 1924 г. (л. 76 об.) и написании 5 мая 1925 г. выходной миниатюры с изображением Иисуса Христа. В конце рукописи он помещает традиционное обращение к читателям с просьбой об исправлении ошибок [20]. С рукописью ознакомились и оставили

свои записи единоверческие епископы Вассиан Саткинский (Веретенников) [21] и епископ Павел Керженский (Волков) [22]. Рукописи, созданные Г.А. Паликиным, выделяются своим оформлением. Он использует для их украшения орнаменты разных стилей. Встречаются заставки и инициалы тератологического (Лукьян. 180, 184, 314), балканского стиля (Лукьян. 180, Лукьян. 184); на основе известных ему орнаментов он создаёт собственные варианты. Оформление рукописей свидетельствует о знакомстве писца с разными стилями орнаментов, которые он мог видеть не только непосредственно в рукописях и кириллических изданиях, но и в издании В.В. Стасова [23].

В 1940 и 1944 гг. у В.И. Смирнова были приобретены три рукописи из библиотеки содержателя театров в Ярославле и Ростове Василия Андреевича Смирнова (Лукьян. 62, 249 и 250): пьесы С.А. Геденова («Смерть Ляпунова»), А.Н. Плещеева («Крестница») и Г.Ф. Квитка-Основа («Серебряная свадьба»). Списки театральных пьес из собрания В.А. Смирнова хранятся в Ярославском музее-заповеднике [24].

Две рукописи (Лукьян. 1 и 3), приобретенные у В.И. Смирнова, принадлежали, по словам продавца, иеромонаху Пахомию. Одна из них (Номоканон Матфея Властаря) была подарена Владимиру Васильевичу в 1937 г. его матерью Татьяной Ефимовной Лукьяновой. В 1953 г. Обиход на крюковых нотах ему подарил отец, Василий Михайлович (Лукьян. 57). В 1956 г. настоятель Ярославского Феодоровского собора иеромонах Никодим через Василия Михайловича передал ему в подарок Сборник житий ярославских святых (Лукьян. 176).

В 50-е годы в Ярославле было приобретено шесть рукописей из собрания Сергея Николаевича Зайцева [25], среди них цельногравированное издание Синодика XVIII в. (Лукьян. 41), Житие архим. Кирилло-Новоезерского монастыря Феофана (Лукьян. 28).

В 30-е и 50-е гг. у С.А. Ласточкина в Ярославле Владимир Васильевич приобрёл десять рукописей XVIII–XIX вв., в их числе: Повесть о Тверском Отроче монастыре (Лукьян. 12); Повесть о создании церкви Николая Чудотворца, что на Пенье и Федоровской в г. Ярославле и Сказание о чудесах от иконы Богоматери Федоровской (Лукьян. 8); альбом рисунков, выполненных разными лицами (в том числе владельцем рукописи) в 20-х гг. XIX в. в Бобруйске, Мозыре, Москве, принадлежавший Карлу Тизенгаузену (Лукьян. 163); Дневник главы Большесельской ратуши Ярославской губ. Николая Ивановича Блохина за 1764–1807 гг. (Лукьян. 231).

В составе собрания есть материалы из архива художницы Нины Федоровны Енгальчевой-Буриной, ученицы И.И. Левитана. Пояснительные записи на документах и фотографиях сделаны рукой В.В. Лукьянова (Лукьян. 179).

Несколько рукописей были получены В.В. Лукьяновым у разных лиц в Ростове. В 1955 г. у Д.И. Шетнева он приобрёл 14 рукописей, из которых 12 из библиотеки ростовского художника, краеведа И.И. Семеновского-Шетнева [26].

Одна из приобретенных у Д.И. Шетнева рукописей — альбом портретов работы художника-самоучки из села Угодич Ярославской губернии Василия Григорьевича Башкова (Лукьян. 9) — принадлежала Якову Александровичу Артынову, сыну известного ростовского этнографа, фольклориста, краеведа Артынова Александра Яковлевича, родом из села Угодич. В 1871 г. он подарил её Николаю Константиновичу Бабурину. В 1899 г. альбом экспонировался на юбилейной Пушкинской выставке в Ярославле [27]. У Шетнева была получена рукопись Слов и поучений Ильи Минятия (Лукьян. 109), принадлежавшая ранее Ростовскому Спасо-Яковлевскому Димитриеву монастырю.

Среди рукописей из собрания ростовского художника, краеведа Ивана Ивановича Шетнева-Семеновского — Сборник

житий XVI в. (Лукьян. 138), сочинения Катифоро и Крешкина о Петре I (Лукьян. 127), а также собрание рисунков самого художника (Лукьян. 335) [28].

В Ростове у М.И. Талицкой был приобретён «Пасквиль» на Екатеринославского губернатора Григория Александровича Цевель фон Кригера (Лукьян. 59), у А.И. Урусовского — Летописец Угличский (Лукьян. 77) и Сборная рукопись, содержащая Арифметику, Сказание Афродитиана и Хождение игумена Даниила (Лукьян. 79), у Е.Н. Морозовой — альбомы стихотворений (Лукьян. 80 и 82), Дневник М.М. Кайдаловой (Лукьян. 84).

Есть записи о приобретении нескольких рукописей в сёлах Ярославской области: в селе Некрасово у С.И. Голубевой — Записки Екатерины Ивановны Назанской (Лукьян. 201) и сборник стихотворений (Лукьян. 202) XIX–XX вв.; в деревне Ильинское от А.И. Крыловой — Сборник житий XIX в. (XIX в.).

Некоторые рукописи Владимир Васильевич приобретал в обмен. Так, у А.И. Сулова в обмен на книги был получен уже упоминавшийся лицевой Синодик нач. XX в. работы А.А. Великанова (Лукьян. 76), а у В.Г. Гладиловича — Сборная рукопись XVIII в. (Лукьян. 61), Келейный летописец Дмитрия Ростовского — у В.Г. Брюсовой (Лукьян. 212). Предметом обмена были и старинные монеты: «Римская история» Тельневского (Лукьян. 172) была получена в 1955 г. в Ярославле у Д.Д. Дубровского в обмен на монеты.

Большая часть рукописей, переданных В.В. Лукьяновым в БАН, приобреталась владельцем, судя по записям на книгах, у ярославских и ростовских букинистов В.И. Смирнова [29], С.А. Ласточкина, К.А. Лобанова, Д.И. Шетнева, у коллекционеров и в книжных магазинах Ленинграда, Ростова и Ярославля. На рукописных книгах, приобретённых им позднее и переданных в Древлехранилище Пушкинского Дома, записей, содержащих сведения о букинистах и коллекционерах, нет.

Почти треть рукописей собрания (108) подробно описана в разных томах серии описаний Отдела рукописей БАН. Практически все документальные и исторические материалы собрания вошли в описание исторических сборников XVIII–XIX вв. В готовящиеся в настоящее время в Отделе описания рукописей также войдут рукописи из собрания В.В. Лукьянова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Бударагин В.П.* Владимир Васильевич Лукьянов — собиратель и исследователь русской старины // ТОДРЛ. Т. 43. М., 1990. С. 431–433.

2. *Кукушкина М.В.*: 1) Поступления рукописей в БАН СССР в 1964 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 103–104; 2) Рукописи Библиотеки Академии наук СССР, собранные при участии В.И. Малышева // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 404–405.

3. Кириллические издания Отдела редкой книги БАН. 1493–1600: каталог / сост.: М.Ю. Гордеева, А.А. Романова. СПб., 2010. С. 17.

4. *Бударагин В.В.* Владимир Васильевич Лукьянов — собиратель и исследователь русской старины // ТОДРЛ. Т. 43. М., 1990. С. 433.

5. *Мальшев В.И.* К вопросу об обследовании частных собраний рукописей // ТОДРЛ. Т. X. М.; Л., 1954. С. 449–450.

6. См.: *Богомолов С.И.* Российский книжный знак 1700–1918. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010. С. 830, № 15925. Штамп ставился не только на обороте гравюр, как указывает автор справочника, но и на титульных листах книг.

7. См. воспроизведение экслибриса: *Богомолов С.И.* Российский книжный знак 1700–1918. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010. С. 54, № 587а.

8. См. о них: *Власова В.Д., Балашова Е.Л.* Владычские знаки на гравюрах

и литографиях. На материале отдела гравюры Государственного Русского музея. СПб., 2003. С. 48–49 (№ 32), 30–31 (№ 13).

9. Указ от 25 июня 1767 г., разрешающий А.А. Всеволожскому постройку мельницы в Казанском уезде и губернии. См.: Описание Т. 3, вып. 3. С. 353, № 119 (помета на листе не указана).

10. *Карташева Е.И.* Старообрядцы в культурном пространстве Казани: личные коллекции // Судьба старообрядчества в XX — начале XXI вв.: история и современность. К 75-летию со дня рождения ведущего научного сотрудника Библиотеки Российской академии наук Николая Юрьевича Бубнова. Сб. науч. тр. и материалов. Вып. 5. Киев; Винница, 2011. С. 277–285.

11. *Мальшев В.И.* Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов // ТОДРЛ. Т. VII. М.; Л., 1949. С. 468.

12. *Маслов Н.М.* Боровское собрание рукописей Калужского областного краеведческого музея // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1955. С. 487–488.

13. На внутренней стороне нижней крышки переплёта сделана запись карандашом «От Куфаева М.Н. Л-д 1957».

14. *Мальшев В.И.* Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов // ТОДРЛ. Т. VII. М., Л. С. 460; *Кукушкина М.В.* Поступления рукописей в БАН СССР в 1964 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 104; Собрание В.А. Крылова. СПб., 2013. С. 188–191 (Описание рукописей БАН сделаны М.В. Корогодиной. Рукопись Лукьян. 269 не учтена).

15. Лукьян. 42, 43–47, 49–50, 54, 56, 76, 178. Шесть из этих рукописей вошли в разные тома серии описаний Отдела.

16. В 1955 г. уже бывший архиеп. Ярославский Димитрий подарил В.В. Лукьянову Сборник молитв (Лук. 92).

17. На этих настенных листах записей В.В. Лукьянова о принадлежности их к собранию А.А. Великанова нет. О лицевых рукописях Великанова см.: *Братчикова Е.К.* А.А. Великанов — мастер «подстаринного» письма // От Средневековья к Новому времени. Сб. статей в честь О.А. Белобровой. М., 2006. С. 655–668; Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 10, вып. 1: Лицевые старообрядческие рукописи XVIII — первой половины XX веков / авт.-сост.: Н.Ю. Бубнов, Е.К. Братчикова, В.Г. Подковырова. СПб., 2010 (Лукьян. 42, 44, 76, 164, 336).

18. *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. М., 2007. С. 622.

19. Лукьян. 31, 39, 55, 60, 63, 65–68, 110–115, 137, 158, 171, 180, 182, 184, 187–188, 197–198, 218, 288, 314, 326.

20. Лукьян. 115, л. 79 — «О братие и сестры, друзи и любимицы мои, аще что обрящите в письме книги сей описи или ошипки от неразумения и малоумия моего да не будет мене ради слово Божие во уничижении и книга сия в призрении, то прошу и молю вас простить мя любве ради всесвятых и живоначальные Троицы. Аминь».

21. Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 252–253 (статья В.В. Марковчина). Епископ Саткинский Вассиан (1877–1937) в 1936 г. был арестован за антисоветскую пропаганду и в 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1965 г.

22. Лукьян. 115, л. 79 об.: «Смотрел сию книгу и удивлялся трудам и терпению написавшаго ея ревнителю и хранителю закона Христова и святых отец предания рабу Божию Григорию Антоновичу Палкину. Епископ Вассиан Саткинский православностарообрядческий сентября 4-го дня 1928 года», «К мнению еп. Вассиана вполне присоединяюсь и я, недостойный еп. Павел Керженский; да укрепит Господь силы Григория Антоновича на сии спасительные труды. 31-го марта 1931 г. Еп. Павел Керженский».

Научные исследования

23. *Стасов В.В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Т. 1–3. СПб., 1884–1887.
24. *Лукьянов В.В.* Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея // Краеведческие записки. Вып. III. Ярославль, 1958. № 244 (708–710), 251 (719), 263 (713–715), 270 (711–712), 271 (717), 296 (705–707).
25. Лукьян. 17, Лукьян. 28, Лукьян. 41, Лукьян. 70, Лукьян. 71, Лукьян. 89.
26. Лукьян. 116–117, Лукьян. 119, Лукьян. 122–124, Лукьян. 126–129, Лукьян. 138, Лукьян. 335.
27. *Колбасова Т.В.* Ростовский рисовальщик Василий Григорьевич Башков // История и культура Ростовской земли. 2004. Ростов, 2005. С. 271–284.
28. *Подковырова В.Г.* Собрание рисунков ростовского художника-краеведа Ивана Ивановича Шетнева в фондах рукописного отдела БАН // История и культура Ростовского земли. 2003. Ростов, 2004. С. 232–240.
29. См.: [https://ru.openlist.wiki/Смирнов_Венедикт_Иванович_\(1878\).Антиквар_Венедикт_Иванович_Смирнов_\(1878-?\)_в_1933_г._был_арестован_и_ослан_на_три_года_на_Урал._Реабилитирован_в_1989_г._Судя_по_записям_о_покупке_у_него_рукописей_в_1936_г.,_из_ссылки_он_вернулся_и_продолжал_заниматься_книго-торговлей.](https://ru.openlist.wiki/Смирнов_Венедикт_Иванович_(1878).Антиквар_Венедикт_Иванович_Смирнов_(1878-?)_в_1933_г._был_арестован_и_ослан_на_три_года_на_Урал._Реабилитирован_в_1989_г._Судя_по_записям_о_покупке_у_него_рукописей_в_1936_г.,_из_ссылки_он_вернулся_и_продолжал_заниматься_книго-торговлей.)

СПЕЦОДЕЖДА XX ВЕКА В ИСТОРИИ КОСТЮМА БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АННОТАЦИЯ

В статье обобщён опыт собирательской, научной и выставочной деятельности по теме «Специальная и защитная одежда Библиотеки РАН», изучаемой в рамках проекта «Библиотечный стиль: из истории костюма», осуществляемого с 2014 года. Рассматриваются письменные, устные, вещественные, изобразительные источники. Впервые представлена редко используемая для выставочной работы стенная газета «Библиотекар» (1960–1990-х годов.).

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, история костюма, материальная культура, исторические источники двадцатого века.

Известно, что книги и каталожные карточки очень сильно накапливают пыль и являются местом концентрации всевозможных микробов. В таких крупных и старинных книгохранилищах, как Библиотека Академии наук, эти свойства книг особенно ощутимы, и борьба с ними особенно трудна. Все эти негативные факторы разрушительно действуют как на здоровье библиотечных работников, так и на их одежду. Естественно поэтому, что в Советский кодекс законов о труде был включен пункт о том, что библиотечным работникам полагаются халаты.

Акт от 10 ноября 1946 г. об обследовании книгохранилищ БАН (СПбФА РАН, ф. 158, оп. 3(1946), д. 11, л. 28–29)

В мае 2016 г. в рамках выставочного проекта «Библиотечный стиль: из истории костюма» авторами данной статьи в музейных витринах второго этажа основного здания Библиотеки Российской академии наук была подготовлена экспозиция «Этот тёмный рабочий халат», посвящённая истории специальной одежды библиотечно-библиографического персонала БАН. Показанные на выставке более 80 подлинных предметов одежды и средств защиты вместе с подборкой тематических фотографий и регламентирующих документов позволили воссоздать образ и внешний вид сотрудников Библиотеки на протяжении почти целого столетия.

В процессе подготовки экспозиции была проведена собирательская работа по выявлению редких, ранее не публиковавшихся фотографий и подлинных

вещей сотрудников, имеющих культурно-историческую ценность и музейное значение. По итогам предварительной работы авторы проекта смогли в основном определиться с перспективными путями научно-экспозиционной работы по разным группам музейных предметов и важнейшим письменным и изобразительным источникам. Часть этих материалов была озвучена на конференциях и представлена в публикациях 2014–2016 гг. [1–4].

Изучение спецодежды для библиотечных сотрудников основывалось на анализе исторических и ныне действующих регламентов по её применению, зафиксированных в постановлениях и распоряжениях вышестоящих организаций и в ГОСТах. Также было уделено внимание публикациям в журналах мод, в том числе и материалам в тематических номерах, рекламирующих коллекции

рабочей одежды. Для знакомства с материалом об отдельных моделях специальной и служебной одежды были выборочно просмотрены журналы «Крестьянка», «Работница», «Silluett», «Журнал мод» за 1930–2000-е гг. из фондов Библиотеки и Музея. Эти, казалось бы, не имеющие отношения к научной литературе издания со временем превращаются в ценный источник информации не только для историков костюма.

Значительную роль в воссоздании исторических интерьеров основного здания и внешнего вида сотрудников, работавших в Библиотеке в середине 1920-х гг., играют фотографии из так называемого «Альбома Марии Мартыновны Голланд», оформленного в 1926 г. сотрудником БАН Павлом Дмитриевичем Литвиновым (1893–?). Более поздние снимки (1930–1990 гг.) на экспозиции выставки представляли собой портреты и групповые постановочные фотографии, запечатлевшие коллективы подразделений и отделов на рабочих местах и в минуты отдыха.

Количество собранных для музейного хранения фотографий год от года растёт. Отсутствие имен и дат на сохранившихся оригиналах или позднейших копиях не позволяет атрибутировать их со всей возможной полнотой. Поэтому в процессе подготовки выставок проекта «Библиотечный стиль» уже несколько лет ведётся поиск и уточнение сведений о конкретных персоналиях и запечатлённых на фотографиях событиях.

Важным источником по изучению истории костюма Библиотеки служат воспоминания сотрудников, как опубликованные, так и устные, для фиксации которых ведётся электронная картотека и разработана специальная карта интересующего (1).

Новым источником, вводимым авторами данной статьи в научный оборот, является корпус стенгазет, выпускавшихся в Библиотеке на протяжении многих лет. На сегодняшний момент выявлены

63 единицы хранения (1970–1990-е гг.), находящиеся в процессе изучения и оформления их в качестве самостоятельной музейной коллекции. Научное значение стенгазет для изучения истории костюма БАН трудно переоценить: чрезвычайно интересна и важна не только информация о знаковых событиях, проходящих в стенах нашей Библиотеки, но и материал о реалиях повседневной профессиональной жизни сотрудников. Поражает тематическое разнообразие сохранившихся стенных газет, юбилейных бюллетеней, в том числе и фото бюллетеней с репортажной съёмкой мероприятий, оригинальных по изобразительному исполнению информационных листовок, подготовленных в отделах. Важную часть будущей музейной коллекции составляют выпуски стенгазеты «Библиотекарь», органа дирекции, партийного бюро, местного комитета и комитета ВЛКСМ Библиотеки АН СССР. Газета выходила 4–6 раз в год, имела хронологическую нумерацию, структурированный по тематическим рубрикам оригинальный авторский и переводной контент, качественное оформление и художественные иллюстрации.

Историю библиотечной спецодежды XX в. можно уверенно начинать с 15 сентября 1919 г., когда Профсоюз Советских работников издал, а Нарком труда В. Шмидт и Председатель ВЦСПС М. Томский подписали «Положение о специальной и производственной одежде». Согласно этому «Положению», служащие при архивах, библиотеках и картотеках должны были получать халаты, а машинистки – передники и нарукавники из черной материи; все вещи должны были выдаваться в готовом виде и быть сшитыми «по образцам, установленным Отделом Охраны Труда Наркомтруда по согласению с Прозодеждой» [5, с. 177]. Швейцары (а таковые в БАН тоже были в первой трети XX в.) должны были получать «валяные сапоги на 2 зимних сезона, шинель или пальто на 2 года» [5, с. 176]. В 1920–1930-х гг. многие

работники, связанные с получением литературы, её обработкой, расстановкой и хранением, носили халаты в течение всего рабочего дня. Сотрудники, обслуживающие читателей, ходили в своей повседневной одежде и обуви.

Действительно, на сохранившихся фотографиях 1920–1940-х гг. мы видим сотрудников в халатах разных фасонов. Многие халаты, как светлые, так и тёмные, имеют характерные особенности медицинских: прямой фасон, завязки сзади, плотно прилегающий к шее воротник-стойка. Возможно, они были материальным наследием 166-го сводного эвакуационного военного госпиталя, располагавшегося в стенах БАН во время Первой мировой войны. Их преимущественно носили мужчины, а также сотрудницы фондов при работе в магазинах. Халаты, как свидетельствуют фотографии 1924 г., полагались и наёмным работникам, занятым перевозкой книг из Кунсткамеры в новое здание.

Другая часть халатов (для женщин) и рабочих курток (для мужчин) того периода была сшита из ткани с узором в виде тёмных мелких квадратов по светлому фону или в мелкую клетку; с застёжкой сзади или спереди, с отложными или стоячими воротниками, с крупными пуговицами, с окантовкой тёмного цвета. Длина женских халатов обычно опускалась ниже колен. Носились халаты и рабочие куртки поверх сорочек, джемперов, платьев, блуз и юбок. В этих производственных одеждах запечатлены сотрудники отделов обработки и систематизации, фондов, читальных залов.

Фотографии 1930-х — начала 1940-х гг. неопровержимо доказывают активное использование халатов на работе, их добротность и даже элегантность, создаваемую, разумеется, и такими элементами костюма, как кружевные воротнички, шарфы и броши. Два групповых снимка 1930-х гг. показывают крайне скромную одежду сотрудников, на фоне которой халаты, особенно «крапчатые», могли быть признаны достойной повседневной одеждой на рабочем месте.

К сожалению, ни одного халата первой половины XX в. не сохранилось, поэтому на выставке 2016 г. были представлены многочисленные фотографии, мемориальные аксессуары и детали повседневной одежды того времени, а также белый медицинский халат второй половины XX в., сохранивший основные принципы кроя прежних лет.

Такая номенклатура изделий, как валенки, ватники, брезентовые фартуки, утеплённые куртки, прорезиненные перчатки и прочие специальные предметы одежды в библиотеках полагаются работникам хозяйственных, производственных и инженерно-технических служб, а также сотрудникам, рабочие места которых находятся в книгохранилищах. Но в истории Библиотеки Академии наук было два особенно тяжёлых испытания, когда применение этих средств защиты оказалось жизненно необходимым всем библиотечным и научным сотрудникам. Это случилось в 1941–1945 гг. и в период ликвидации пожара 1988 г.

Во время Великой Отечественной войны Библиотека оставалась открытой для читателей, несмотря на то что уже 14 ноября 1941 г. от трёх взрывов было выбито более 75% оконных стекол [6], а 9 февраля 1943 г. снаряд, попавший во внутренний двор, уничтожил более 1000 стёкол [7]. Повседневной одеждой стали шубы, ватники, валенки, вязаные платки и шали. Молодые девушки — бойцы МПВО во время дежурств на крыше носили защитные каски и ватники. Ватник, аутентичный запечатлённым на фотографии 1941 г., был подарен в фонды Музея в 2015 г.

Холод, поселившийся в стенах Библиотеки, долго не отступал и после окончания войны; сотрудники находились по восемь часов в помещениях с бетонным полом и железными перилами, часто лелели. 10 ноября 1946 г. комиссия местного комитета обследовала книгохранилища и выявила, что температура в БАН составляет +2–3°, при этом в 1946 г. «для штата библиотечных работников в количестве

177 чел. выделено всего 7 халатов и 4 ватника», а «работники филиалов спецодждой не удовлетворялись вовсе». В конце акта об обследовании имеется резолюция: «Ввиду изложенного Комиссия считает, что работающие в книгохранилищах лица должны быть снабжены ватниками, валенками и халатами (последние для предохранения собственной одежды от пыли и износа)» [8, л. 28]. Комиссия написала строки, актуальные до сего дня, которые мы вынесли в эпиграф данной статьи.

Снабжение персонала достаточным количеством спецоджды было непростым вопросом для администрации и профсоюзной организации БАН и в последующие годы. Так в своём докладе на отчетно-выборной профсоюзной конференции 10.10.1979 г. председатель месткома Ольга Юльевна Годелюк (1922–2001) в связи с составлением «Плана критических замечаний» отметила, что «большинство критических замечаний затрагивало проблемы, связанные с охраной труда, обеспечением сотрудников Библиотеки спецодждой, питьевой водой» [9].

Старейшие сотрудники Библиотеки Мария Максимовна Лапина и Людмила Степановна Солдатенко вспоминают, что в конце 1950-х и в 1960-х гг. для работников фондов, в которых сохранялись холодные бетонные полы, выдавали чёрные суконные тапки на толстой подошве и войлочный коврик (на него можно было поставить ноги), поскольку в фонде постоянно была пониженная температура воздуха. С этой же целью в то время выдавались чёрные или тёмно-синие ватники и валенки [10]. Некоторые из этих предметов сохранилась, и в октябре 2016 г. Л.С. Солдатенко передала в Музей истории БАН валенки и войлочные туфли без каблуков для работы в фонде.

Тёплые вещи и рабочие халаты вновь и в большом количестве потребовались при ликвидации последствий пожара 14 февраля 1988 г. На фотографиях той трудной зимы мы видим сотрудников, тепло одетых в казенную спецоджду

с использованием предметов из личного гардероба (халаты, куртки, передники, головные уборы разных фасонов, перчатки, резиновые сапоги) [11, 12]. Сотрудники филиалов БАН при академических институтах, участвовавшие в работах по спасению фонда в главном здании, приносили халаты и защитные средства с собой.

Особенности библиотечной работы и по сей день вынуждают сотрудников пользоваться халатами. Согласно типовым нормам халаты должны быть из хлопчатобумажных и смесовых тканей определённой плотности. Одиннадцать халатов 1970–1990-х гг. из коллекции Музея истории БАН являются изделиями массового пошива (в основном производства Ленинградского объединения «Роспромспецодежда»). Они позволяют составить представление о качестве пошива и разнообразия фасонов.

Казённый хлопчатобумажный или вискозно-лавсановый халат второй половины XX в. был однобортным, с пуговицами и большими накладными карманами. Некоторые модели снабжены пояском или имеют вшитый хлястик. Традиционные цвета «библиотечного» халата — чёрный, синий, коричневый, серый, тёмно-голубой, воротник и карманы обшиты кантами из тканей более светлых или контрастных оттенков. Халатами белого цвета пользуются сотрудники Научно-исследовательского отдела консервации и реставрации библиотечных фондов (НИОКиРФ), работающие с химическими реактивами. Свой заслуженный синий халат передала в Музей заведующая сектором иностранного фонда Отдела фондов и обслуживания (ОФО) Александра Владимировна Комлева. Её дар был показан на выставке «Самые первые» в Санкт-Петербургском научном центре РАН во время акции «Ночь музеев» 21–22 мая 2016 г.

Помимо описанных ранее стандартных моделей в Библиотеке использовались для работы и более оригинальные халаты. Так, в начале 1980-х гг. носили

модели из материи в мелкую клетку на светлом фоне, сделанные на заказ по меркам сотрудников. Один из таких раритетов с большими утратами чудом сохранился и был подарен в Музей Татьяной Владимировной Зверевой (1931–2016). В конце 1980-х гг., в момент полного отсутствия в торговых организациях спецодежды, отдел материально-технического снабжения и закупок приобрёл обычные ситцевые халаты из тонкой ткани синего и вишневого цвета с мелкими белыми цветочками. Один из них был показан на выставке-презентации проекта «Библиотечный стиль: из истории костюма» в Санкт-Петербургском государственном университете технологии и дизайна в рамках XVIII международной конференции «Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии» 27 мая 2015 г.

Любопытные сведения о применении спецодежды в качестве оригинального спортивного костюма были обнаружены в одной из стенгазет «Библиотекарь». 20 октября 1979 г. команда сотрудников БАН участвовала в финале массовых соревнований по производственной гимнастике на первенство ЛТС «Спартак». Соревнования 60 ленинградских коллективов (среди них — Военно-медицинская академия, торговые фирмы «Пассаж», «ДЛТ», «Гостинный двор», типография «Печатный двор» и др.) проходили во Дворце культуры им. С.М. Кирова. Каждая команда, состоявшая из десяти человек, имевшая свою форму одежды и эмблему, демонстрировала оригинальный комплекс упражнений. В команду БАН входили Н.К. Давиденкова, М.Е. Петухова, И.Л. Юргенс, А.Е. Темаш, П.Е. Дурнопейко, М.А. Иванова, Н. Костюченко, С.Я. Сомова, Е.Д. Савенкова, Н.Н. Иванова, одетые в одинаковые серые халаты. Набрав 186 баллов из 200 возможных, команда БАН заняла II место среди академических учреждений и вообще XI место. Занять более высокое место команде помешало несколько причин, среди них — сложный комплекс упражнений при недостаточном количестве

общекомандных тренировок и слишком молодой состав участников (участникам старше 40 лет начислялись дополнительные баллы). Эти сведения изложены в небольшой заметке стенгазеты «Библиотекарь» за 1979 г. [13].

Автор сообщения Николай Васильевич Медведев, проработавший в Библиотеке более 50 лет, так описывал внешний вид команды: «Наши товарищи, выступавшие в халатах стального цвета с эмблемой, изготовленной художником В.М. Хвощевским, выполняли комплекс упражнений с гимнастическими палками» [13]. Упомянутая в заметке эмблема, выполненная на ткани красками вручную, сохранилась в фондах Музея истории БАН без атрибуции [14]. Высокое художественное качество работы и оригинальность замысла позволяли предполагать авторство многолетнего сотрудника БАН и самобытного художника Виктора Михайловича Хвощевского (1928–2009). Данную версию косвенно подтверждал тот факт, что В.М. Хвощевский профессионально был связан с миром моды, работая по совместительству в 1972–1979 гг. в Ленинградском доме моделей одежды. Стенгазета «Библиотекарь» не только предоставила полную информацию об авторе работы, но и сохранила на своих страницах красочную иллюстрацию с изображением эмблемы. В газетном варианте она имеет размеры 12 × 18 см и выполнена на ярко-голубом фоне.

Сегодня халаты носят сотрудники всех отделов фондодержателей и филиалов БАН при академических институтах. В зависимости от температуры помещения их надевают сверху на блузку, свитер или белье, поверх юбки или брюк. Весь рабочий день в халатах почти никто не ходит, их используют при выполнении технических операций: во время расстановки, передвижки, документальной проверки и обеспыливания фонда, приёмки и распаковки новой литературы и пр. Многие сотрудники облачаются в эти наряды только в санитарные дни. Главное

назначение рабочего халата — защитить библиотекаря от всепоглощающей пыли книжного фонда и карточных каталогов.

Для защиты рук от воздействия пыли и воды библиотекари традиционно используют собственные защитные средства: одевают на руки резиновые перчатки, укрывают волосы косынками, дыхательные пути предохраняют марлевыми повязками или респираторами. Сотрудник Отдела научной систематизации литературы Елена Дмитриевна Гугина в 2015 г. передала в дар Музею кожаную перчатку, много лет защищавшую её руку при вливании карточек в Систематический каталог.

Тишина, всегда ценимая и тщательно оберегаемая в читальных залах, достигалась в том числе и тем, что сотрудники должны были носить мягкую обувь на плоской подошве. Так выдающийся библиограф Наталья Михайловна Розова (1923–2016) поделилась в начале 2000-х гг. воспоминаниями о том, что в 1955 г., когда она поступила на работу в Главный читальный зал, ей настоятельно рекомендовали купить тёмный халат и мягкие парусиновые туфли (типа домашней обуви), которые она и приобрела за 30 руб. Ещё в 1980-е гг. в Библиотеке не допускалось использование на работе туфель с высокими, стучащими при ходьбе, каблучками.

Рабочие халаты, которые так часто создают образ библиотечного сотрудника, выполняют важную защитную миссию и остаются необходимой принадлежностью нашей профессии. Они стоят в одном ряду с формой пожарных, халатами врачей, комбинезонами рабочих. Возможно, в будущем, когда карточные каталоги окончательно уйдут в прошлое, а книги по полкам начнут расставлять роботы, тёмные халаты будут окончательно сданы в Музей. А пока и библиотечным, и научным сотрудникам приходится облачаться в рабочую одежду, переставлять и протирать книги, вытряхивать пыль из каталожных ящиков. Кстати, именно в такие минуты можно прикоснуться

к старинному переплёту, натолкнуться на интересное издание с автографом или на дивную иллюстрацию, с которых начнётся увлекательное исследование.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В карте интервьюируемого фиксируется дата интервью, данные о персоне, тема (несколько тем) и выявленные факты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Жабрева А.Э.* Вицмундир, халат, бейдж... : к вопросу о форменной одежде сотрудников БАН // Библиотека Академии наук: 300 лет служения науке: юбилейная науч. конф., посвящ. 300-летию Библиотеки Рос. акад. Наук : [тез. докл.]. СПб., 2014. С. 32–33.

2. *Жабрева А.Э.* Вицмундир, халат, бейдж... : к вопросу о форменной одежде сотрудников Библиотеки Академии наук // Петерб. библ. шк. 2015. № 4(52). С. 48–53.

3. *Жабрева А.Э., Лугавцова М.Ю.* Из истории костюмов сотрудников Библиотеки академии наук // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии: материалы 18-й Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–29 мая 2015 г.) / С.-Петербург. гос. ун-т технологии и дизайна; Рос. этногр. музей. СПб., 2015. С. 22–28.

4. *Жабрева А.Э., Лугавцова М.Ю.* Выставочный проект «Библиотечный стиль: из истории костюма» // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии: материалы 19-й Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–27 мая 2016 г.) / С.-Петербург. гос. ун-т технологии и дизайна; Рос. этногр. музей. СПб., 2016. С. 233–239.

5. Специальная и производственная одежда для работников советских, общественных и торговых учреждений и предприятий // Справочник о прозодежде / Отдел материального снабжения Петроград. Губерн. Совета Проф. Союзов. Пг. : изд. Петроград. Губпрофсовета, 1921.

Научные исследования

6. Библиотека Академии наук в первый год войны : События. Факты. Люди / Б-ка РАН; сост. : А.А. Балакина, Н.В. Бекжанова. СПб. : БАН, 2015. С. 21.

7. Библиотека Академии наук 1943–1945 гг. : События. Факты. Люди / сост. : А.А. Балакина, Н.В. Бекжанова. Рукопись.

8. Акт от 10 ноября 1946 г. об обследовании книгохранилищ БАН (СПбФА РАН, ф. 158, оп. 3(1946), д. 11, л. 28–29).

9. *Кондратьева Р.* С профсоюзной отчетно-выборной // Библиотекарь : стенгазета. 1979. № 5. Музей истории БАН.

10. Интервью 20.05.2016 г. Картотека интервью. Музей истории БАН.

11. Главный читальный зал : фотография 1988 г. // Музей истории Библиотеки

русской академии наук : [буклет] / БАН; фот. : А.М. Мелентьев, И.С. Шинкар. СПб., 2011. С. 12.

12. Интервью с Н.В. Животовской, Т.В. Зверевой, 2015 г. Картотека интервью. Музей истории БАН.

13. *Медведев Н.В.* Начало положено // Библиотекарь : стенгазета. 1979. № 5. Музей истории БАН.

14. На лоскуте 22 × 16 см хлопчатобумажной ткани светло-зеленого цвета выполнена эмблема: на фоне 5 фолиантов синего цвета помещена оливковая ветвь с 5 листьями; на верхнем поле рисунка расположена аббревиатура стилизованным под древнерусский стиль шрифтом «БАН», внизу продолжение надписи «СССР», выполненная шрифтом в классическом стиле.

Рис. 1. «Библиотечный стиль: из истории костюма», май 2016 г.
Фрагмент экспозиции в коридоре второго этажа БАН

Научные исследования

Рис. 2. Сотрудники читального зала: А.П. Ядимович (сидит), Д.Д. Шамрай и В.Н. Высоцкая (стоят). Фотография из «Альбома М.М. Голланд», 1926 г.

Учреждение: Университет
 Директор Библиотеки ИИ ССРП: Труфанова И.И.
 А. С. И., профессор: Филив В. А.

Утверждена: Лагурина В.Б.

Нормы бесплатной выдачи спецодежды и спецобуви сотрудникам Библиотеки ИИ ССРП.

№ п/п	Ф. И. О.	Должность	Наименование спецодежды	Срок носки
1.	Траилова О.А.	м.н.с.	халат Х/Б перчатки резиновые	12 мес. февральские
2.	Дейкова Н.Н.	книжничка	халат Х/Б	12 мес.
3.	Дегтев А.В.	—	халат Х/Б фартук резиновый	12 мес.
4.	Иванова В.В.	зав. отделом	халат Х/Б	12 мес.
5.	Леонова М.М.	книжничка	—	—
6.	Марова М.Я.	—	халат Х/Б	—
7.	Маршенинова Н.И.	—	халат Х/Б перчатки резиновые	—
8.	Мурашова Г.В.	дежурный	халат Х/Б перчатки резиновые	12 мес. февральские
9.	Иванова В.П.	книжничка	халат Х/Б фартук резиновый	12 мес.

Рис. 3. Нормы бесплатной выдачи спецодежды и спецобуви сотрудника Библиотека АН СССР. Фрагмент ведомости 1980-х гг.

УТВЕРЖАЮ:
 Директор Библиотеки АН СССР
 д.б.н., профессор
В.Б. Лазуркина

УТВЕРЖАЮ:
 Постановлением профсоюзного комитета
 от 4.10.1988 г. № 39
 Председатель профсоюзного комитета
Лазуркина В.Б.

ПЕРЕЧЕНЬ
 спецодежды для служащих и рабочих Библиотеки АН СССР,
 оставшейся в соответствии с Распоряжением Президиума
 АН СССР от 3.05.81 № Ю143-1446

№ п/п	Профессия	Распоряжение	Наименование спецодежды	Сроки по сезону (лет)	Количество
1	2	3	4	5	6
1.	Библиотекарь, ст. библиотекарь	Ю143-81	халат высоковольтно-лавазовый	12	600
2.	Реставратор, м.н.с., дизайнер (отдел гильзы)	Приказ Минотерства культуры № 1 от 5.01.72	- " -	12	14

Рис. 4. Перечень спецодежды для служащих и рабочих Библиотеки АН СССР. Фрагмент ведомости 1988 г.

Рис. 5. Эмблема участника соревнований 20 октября 1979 г. Музей истории БАН

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выставки проекта «Библиотечный стиль: из истории костюма», 2015–2017 гг.

1. Выставка «Библиотечный стиль: из истории костюма. Сезон № 1», 6.03.2015–1.07.2015
 Место проведения: выставочная площадка Музея главного здания БАН. На выставке было впервые представлено около 250 вещественных, печатных и изобразительных источников, освещающих 300-летнюю историю костюма сотрудников Библиотеки РАН, которая складывалась из трёх направлений: повседневный городской костюм XVIII–XX вв., форменный костюм гражданских чиновников XIX – начала XX вв. и специальный производственный костюм XX в.
2. Выставка «Презентация проекта “Библиотечный стиль: из истории костюма”», 28 мая 2015 г.
 Место проведения: Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна. Выездная выставка была приурочена к XVIII Международной научной конференции «Мода и дизайн: исторический опыт и новые технологии» и стала презентацией нового выставочного проекта Музея истории БАН.
3. Выставка «Времен связующая нить», 11.11.2015–15.01.2016
 Место проведения: выставочная площадка Музея главного здания БАН. Выставка представляет работы сотрудников БАН и предметы из личных коллекций, иллюстрирующие развитие искусства вышивки за последние 150 лет. В витринах Музея истории БАН экспонировались около ста изысканных произведений, представляющих различные виды рукоделия, в том числе аксессуаров, украшавшие повседневную и праздничную одежду сотрудников Библиотеки.
4. Выставка «Библиотечный стиль: из истории костюма. Сезон № 2: Этот тёмный рабочий халат», 18.05.2016–15.09.2016
 Место проведения: выставочная площадка Музея главного здания БАН. Экспонаты выставки дают представление о характерных особенностях библиотечной спецодежды

Научные исследования

и производственного костюма сотрудников Библиотеки Академии наук в XX — начале XXI в. На выставке было впервые представлено около 250 вещественных, печатных и изобразительных источников.

5. Выставка и семинар «Проект «Библиотечный стиль: из истории костюма. Сезон № 2», 31 мая 2016 г.

Место проведения: Читальный зал Славянского фонда. Выставка была приурочена к XIX Международной научной конференции «Мода и дизайн: исторический опыт и новые технологии» и стала презентацией выставочного проекта Музея истории БАН по истории костюма. На экспозиции временной выставки был представлен пленарный доклад сотрудников Библиотеки РАН А.Э. Жабревой и М.Ю. Лугавцовой «Выставочный проект «Библиотечный стиль: из истории костюма», а в Славянском зале Библиотеки для участников конференции была подготовлена выставка экспонатов из частной коллекции реставратора Государственного Эрмитажа Л.Е. Ковалевой «Пуговицы и застежки XIX — XX вв.» и экспозиция вышитых работ сотрудницы отдела научной систематизации литературы Д.М. Омельченко.

6. Выставка «Самые первые», 21–22 мая 2016 г.

Место проведения: Санкт-Петербургский научный центр СПб РАН. Впервые в

своей истории Музей принял участие во всероссийском общемузейном мероприятии «Ночь музеев». Экспозиция рассказывала об истории БАН, как первой государственной научной Библиотеки общественного пользования в России и одной из крупнейших библиотек мира уже более 300 лет, работающей на благо отечественной науки. Были представлены документы, фотографии, предметы нумизматической коллекции, филателистический материал и экспонаты из коллекции по истории костюма (вещевой фонд).

7. Выставка «Союз мечты и рук» проекта «Русский Север — заповедник души», 20 мая 2017 г.

Место проведения: Санкт-Петербургский научный центр СПб РАН. Музей истории БАН принял участие в общероссийском мероприятии «Ночь музеев–2017», посвященном проходящему в России «Году экологии». Одна из выставок программы Музея истории БАН была посвящена национальному развитию важнейших областей декоративно-прикладного искусства, связанных с научными разработками, производством и практической деятельностью М.В. Ломоносова. В музейных витринах были расположены редкие образцы материалов и художественных работ из бисера, стекляруса и речного жемчуга XIX–XX вв. Работы XX в. представляли собой фрагменты декора праздничных нарядов.

К ВОПРОСУ О КРУГЕ ЧТЕНИЯ ЛЕОНАРДА ЭЙЛЕРА

(Материалы для комментария к «Table-talk» А.С. Пушкина)

АННОТАЦИЯ

Среди заметок и исторических анекдотов, собранных А.С. Пушкиным и объединенных им под общим названием «Table-talk», есть рассказ о гороскопе, составленном по распоряжению императрицы Анны Иоанновны петербургским профессором Леонардом Эйлером. Историческая достоверность этого рассказа подтверждается за счет документальных материалов, которые свидетельствуют о подробном знакомстве Эйлера с астрологической литературой, выдававшейся ему из Библиотеки Академии наук в 1730-е годы.

Ключевые слова: Александр Сергеевич Пушкин, собрание заметок и анекдотов «Table-talk», Леонард Эйлер, гороскоп, император Иоанн VI Антонович, читательские интересы, астрологическая литература, Библиотека Академии наук.

В подборку историко-литературных материалов с общим названием «Table-talk» («Застольные беседы») А.С. Пушкин включил следующий короткий рассказ, слышанный им от его доброй знакомой Н.К. Загряжской (1) [1]:

«Когда родился Иван Антонович, то императрица Анна Иоанновна послала к Эйлеру приказание составить гороскоп новорожденному. Эйлер сначала отказывался, но принужден был повиноваться. Он занялся гороскопом вместе с другим академиком — и, как добросовестные немцы, они составили его по всем правилам астрологии, хоть и не верили ей. Заключение, выведенное ими, ужаснуло обоих математиков — и они послали императрице другой гороскоп, в котором предсказывали новорожденному всякие благополучия. Эйлер сохранил, однако ж, первый и показывал его графу К. Разумовскому, когда судьба несчастного Ивана VI совершилась» [2].

Этот рассказ принадлежит к разряду исторических анекдотов. Здесь описан эпизод, связанный с судьбой императора Иоанна VI Антоновича, который родился в 1740 г., немногим более чем через год, еще в младенческом возрасте,

был свергнут с престола Елизаветой Петровной, а позднее, в 1764 г., уже при Екатерине II, трагически погиб в Шлиссельбургской крепости. В книге Якоба Штелина «Originalanekdoten von Peter dem Großen», в одном из примечаний, имеется беглое упоминание о том, что подготовка гороскопа для новорожденного Иоанна Антоновича поручалась профессору Петербургской Академии наук Георгу Вольфгангу Крафту [3], и если сведения Штелина сопоставить с текстом анекдота из «Table-talk», то станет очевидным, что именно вместе с Крафтом Эйлер и составил оба варианта гороскопа для младенца Иоанна. Таким образом, соображение Штелина и данные Пушкина дополняют друг друга и дают правильную, объективную картину происшедшего.

В 1990 г. в печати появилось несколько неожиданное мнение по поводу анекдота об Эйлере и гороскопе, причём основная мысль сводилась к следующему: «Нет оснований считать, что случай с предсказанием судьбы Ивана Антоновича действительно имел место» [4]. Данное категорическое утверждение, хотя и не подкрепленное никакими аргументами, казалось бы, ставило под сомнение

достоверность рассказа Н.К. Загряжской. Однако в действительности ничего невероятного, ложного или ошибочного в её рассказе нет. Не секрет, что Анна Иоанновна была очень суеверна и прислушивалась к разного рода предсказаниям. По сообщению того же Штелина, ещё в период её пребывания в Митаве в качестве вдовствующей герцогини Курляндской её личный врач, математик и составитель календарей, доктор медицины Бухнер (2) [5] будто бы предрек ей вступление на российский престол. Позднее, будучи уже императрицей, Анна Иоанновна стала обращаться за астрологическими прогнозами к петербургским учёным — членам Академии наук [6]. Таким образом, профессорам Эйлеру и Крафту приходилось заниматься прорицаниями буквально по долгу службы, выполняя задания самой императрицы (3) [7].

Что касается Наталии Кирилловны Загряжской, то здесь нужно вспомнить, что она была урожденная графиня Разумовская, и историю о Леонарде Эйлере и гороскопе она услышала, вероятнее всего, непосредственно от одного из участников тех событий, а именно, от своего отца, графа Кирилла Григорьевича Разумовского, который, как известно, был близко знаком с Эйлером, общался с ним и в России, и за границей. А.А. Васильчиков, автор труда «Семейство Разумовских», пишет, что Эйлер показал подлинный, первоначальный вариант гороскопа К.Г. Разумовскому, когда тот находился на учёбе в Берлине, то есть в 1744 г. [8]. Возможно, это случилось и в другое время, но как бы то ни было нет никаких причин считать, что история с гороскопом, записанная Пушкиным со слов Загряжской, — это плод её воображения, вымысел её отца или же досужая выдумка, возникшая в придворной среде.

В принципе, исторический анекдот в силу своих жанровых особенностей не нуждается в каком-либо подтверждении надёжности сообщаемых в нём фактов. Однако в нашем случае совершенно ясно, что сюжет с гороскопом имеет

реальную основу. Иными словами, это тот случай, когда сведениям, содержащимся в историческом анекдоте, можно полностью доверять.

И, тем не менее, мы считаем уместным привести здесь ещё один довод в пользу исторической достоверности рассказа Н.К. Загряжской. Леонард Эйлер, учёный с широким кругозором, взялся за составление гороскопа, конечно, не только потому, что он получил соответствующее распоряжение от императрицы Анны Иоанновны, но и потому, что он был в состоянии выполнить эту работу: он имел чёткое представление об астрологии, хотя, как учёный, и не разделял её принципов. Мы располагаем документальными материалами, которые позволяют, в частности, судить о том, какую астрологическую литературу читал Эйлер в интересующее нас время. В Санкт-Петербургском филиале академического Архива сохранились перечни книг, выданных Эйлеру на прочтение из Библиотеки Академии наук в 1730-е гг. [9].

Судя по этим материалам, наряду с прочими печатными изданиями, наряду с трудами по классической астрономии таких авторитетных учёных, как Томас Стрит (автор популярной книги «*Astronomia Carolina*»), Джон Флемстид (королевский астроном, руководитель Гринвичской обсерватории), Дэвид Грегори (друг и последователь Ньютона), Эйлер брал на дом из фондов Библиотеки Академии наук сочинения по меньшей мере шести европейских астрологов.

Так, 20 марта 1733 г. Эйлер взял из Библиотеки средневековое сочинение, составленное, по-видимому, в XIII в. и напечатанное в XV столетии под названием «*Compilatio Leopoldi Ducatus Austriae filii de astrorum scientia decem continens tractatus*» (Venetiis, 1494. 4°). Точных данных об авторе этой работы у нас нет [10]. В тот же день Эйлеру выдали книгу «*Christian astrology modestly treated of in three books*» (London, 1647. 4°), написанную Уильямом Лилли, одним из крупнейших английских астрологов XVII в.

16 мая 1733 г. Эйлер получил ещё одно издание на английском языке — «*Astrometeorologica, or Aphorism's and discourses of the bodies coelestial, their natures and influences*» (London, 1686. 2°). Автор этого трактата — Джон Гоуд, естествоиспытатель, который стремился одновременно использовать в своих изысканиях традиционные астрологические данные и результаты многолетних метеорологических наблюдений.

В 1733 и 1735 гг. Эйлер брал из Библиотеки труды известного учёного XVI в. Генриха Рантцау — руководство по практической астрологии «*Tractatus astrologicus de genethliacorum thematum iudiciis pro singulis nati accidentibus*» (8°) и календарь с астрологическими материалами «*Diarium, sive Calendarium Romanum, oeconomicum, ecclesiasticum, astronomicum*» (Lipsiae, 1596. 4°). Наконец, тогда же, в 1730-е гг., из академической Библиотеки Эйлеру выдавались сочинения двух знаменитых немецких астрологов XV–XVI вв. — Региомонтана и Генриха Корнелия Агриппы Неттсгеймского.

Следует особо подчеркнуть: в основном это была литература, которая использовалась при составлении гороскопов. Конечно, расположение небесных светил интересовало Эйлера в первую очередь с точки зрения классической астрономии. Он не был сторонником астрологии, но, скорее всего, ему приходилось считаться с тем, что в условиях XVIII столетия эта отрасль знаний до известной степени сохраняла свои позиции в научной и околонучной среде.

Кстати сказать, другому великому учёному, Иоганну Кеплеру, жившему за сто с лишним лет до Эйлера, принадлежит мысль о том, что астрология — это дочь астрономии и мать испытывала бы крайнюю нужду, если бы дочь не зарабатывала им обеим на жизнь.

Так или иначе, Эйлер сознавал необходимость знакомиться с астрологической литературой, которая, оказывается, была неплохо представлена в фондах

академической Библиотеки. Есть полная уверенность в том, что если Эйлер шёл в Библиотеку, среди тысяч томов находил там необходимую ему книгу и брал её на дом, то, конечно же, он работал с ней, прочитывал её — либо полностью, либо хотя бы частично.

Итак, сведения об Эйлере, приведенные Пушкиным в «*Table-talk*», включая и слова о том, что Эйлер вместе с коллегой-немцем составил гороскоп «по всем правилам астрологии», теперь помимо всего прочего подтверждаются материалами о круге чтения великого математика в 1730-е гг. Совершенно очевидно, что уже тогда Эйлер обладал определённым запасом астрологических знаний. Он был начитан, он был сведущ в этих вопросах. И нет ничего невероятного в том, что в 1740 г. по повелению императрицы Анны Иоанновны он взялся за составление гороскопа для её внучатого племянника младенца Иоанна Антоновича.

Судя по всему, изложенные выше данные о знакомстве Леонарда Эйлера с астрологической литературой могут быть учтены при составлении нового варианта комментариев к «*Table-talk*» Пушкина.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Есть сведения о встречах Пушкина с Н.К. Загряжской в 1830, 1833 и 1835 гг.

2. Митавский врач Николаус Бухнер (Nicolaus Buchner, ум. в 1749 г.) — это реальное историческое лицо.

3. Известно, что петербургский профессор астрономии Жозеф Никола Делиль до приезда в Россию был вынужден зарабатывать на хлеб, занимаясь преподаванием математики и астрологическими предсказаниями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 161.

Научные исследования

2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. [Б. м.], 1949. Т. 12. С. 169, 404, 451; Левкович Я.Л. «Table-talk» Пушкина // Русская литература. 1987. № 1. С. 70–77.
3. Stählin J. von. Originalanekdoten von Peter dem Großen: Aus dem Munde angesehenen Personen zu Moskau und Petersburg vernommen, und der Vergessenheit entrissen von Jacob von Stählin. Leipzig, 1785. S. 367, 368, Anm.
4. Плужников В.И., Симонов Р.А. Гороскоп Петра // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 98.
5. Brennsohn I. Die Ärzte Kurlands vom Beginn der herzoglichen Zeit bis zur Gegenwart: Ein biographisches Lexikon nebst einer historischen Einleitung über das Medizinalwesen Kurlands. Zweite wesentlich vermehrte und erweiterte Ausgabe. Riga, 1929. S. 115, 116.
6. Stählin J. von. Originalanekdoten von Peter dem Großen. S. 367, Anm.
7. Chapin S.L. Delisle Joseph-Nicolas // Dictionary of scientific biography. New York, [1981]. Vol. 4. P. 23; Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 126, 134.
8. Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 1. С. 55, 56.
9. СПбФА РАН. Ф. 158. Оп. 1. № 408. Л. 23–25; № 421. Л. 18 об., 20, 21 об. Эти материалы опубликованы в кн.: Хомеев П.И. Читатели Библиотеки Академии наук: По данным за 1724–1728 и 1731–1736 годы. СПб., 2010. С. 122–126.
10. Grössing H. Leopold von Österreich // Neue Deutsche Biographie. Berlin, [1985]. Bd. 14. S. 299, 300.

**П. ВИТЯЗЕВ И ЕГО КНИГА
«ЧАСТНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ» (1921):
К ИСТОРИИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В РОССИИ В 1917–1921 ГОДАХ**

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вызывавшей много споров среди историков книжного дела книге П. Витязева «Частные издательства в Советской России» (Петроград, 1921). Прочтение книги по-новому позволяет снять во многом необоснованные упреки её автору в «легковесности» и «тенденциозности», а также признать его весомый вклад в теорию издательского дела.

Ключевые слова: Феропонт Иванович Седенко (П. Витязев) (1886–1938), книга «Частные издательства в Советской России» (1921), история издательского дела в России (1917–1921 годы)

Долгое время, без малого полвека, историки книги советского периода старались обходить стороной в своих работах имя Феропонта Ивановича Седенко (1886–1938), известного также под псевдонимом П. Витязев. Его книга «Частные издательства в Советской России» была издана автором, как значится на титуле, в 1921 г. в Петрограде «на правах рукописи» (отпечатана в Москве; сведения о типографии, как и о цензурном разрешении — Р.В.Ц., не приводятся), причём предполагалось её бесплатное распространение: «Брошюра (так у Витязева. — С.Б.) эта предназначена для *раздачи* членам Совнаркома, членам Ц.К. Р.К.П., президиумам В.Ц.И.К., В.С.Н.Х., В.Ц.С.П.С, Московского Совета и Петросовета, членам коллегий: Наркомпро-са, Главкустпрома, Центропечати, Севцентропечати, Госиздата, Московского и Петроградского Отделов печати, членам редакции “Известия”, “Правда” и других органов повременной прессы, различным писательским, издательским союзам и объединениям, а также всем тем отдельным лицам, которые интересуются судьбами издательского дела в Советской России» [1, с. 2]. Если же без упоминаний о Витязеве обойтись не могли, то говорили

о нём и его книге «Частные издательства в Советской России» с неизменными эпитетами «легковесный» [2] или «тенденциозный» [3], упоминали о ней вскользь, словно сквозь зубы. Между тем по прошествии девяноста с лишним лет становятся очевидными некоторые факты, без которых прояснить картину невозможно.

В энциклопедическом словаре «Книговедение» (1982) [4] и более позднем «Книга» (1999) [5] сведений об этом издательском работнике не так уж много: советский (российский) историк, библиограф, издатель. Судя по появившейся во втором издании подписи к словарной статье, в обоих случаях их автором являлся А.В. Ратнер (1). Тогда считалось, что П. Витязев (под таким псевдонимом он фигурирует в обоих энциклопедических изданиях) возглавлял издательство партии социалистов-революционеров «Революционная мысль» в 1917–1918 и «Колос» в 1918–1926 гг. Что касается первого издательства, то документальными и архивными данными подтверждения этому найти не удалось (2).

В газете «Дело народа» за 1 апреля 1917 г. было помещено объявление следующего содержания: «Кооперативное издательское товарищество “Революционная

мысль” открыло свои действия. Товарищество ставит своей целью создание и распространение книг, брошюр и прочих произведений печати социально-революционного содержания. Запись в члены товарищества и приём паевых взносов производится казначеем товарищества Виктором Павловичем Кранихфельдом» (3) [6]. Уже 13 апреля в той же газете появляется другое объявление: «Правление кооперативно-издательского товарищества “Революционная мысль” приглашает всех литераторов социалистов-революционеров на собрание по вопросу о плане изданий, о распределении между собой тем и пр. Собрание состоится в воскресенье, 16 апреля, в 1 ч. дня, ул. Жуковского, д. 38, кв. 12» [7].

Правление товарищества располагалось сначала по адресу: Литейный пр., 49, кв. 8, но уже с 10 июля контора и склад товарищества были переведены в дом № 22 по Литейному пр. (в помещении конторы газеты «Дело народа») [8].

В той же газете за 3 августа читаем: «Правление кооперативного издательского товарищества социалистов-революционеров “Революционная мысль” доводит до сведения членов товарищества, что 5 августа... в помещении правления товарищества (Литейный пр., 22) назначено общее собрание членов товарищества. Программа: 1) доклад правления, 2) план будущей деятельности, 3) смета, 4) выборы правления и совета, 5) выборы ревизионной комиссии, 6) текущие дела» [9].

Данное собрание не состоялось в указанный срок, а было проведено 12 августа. В номере за 10 августа в той же газете был опубликован баланс кооперативного издательского товарищества социалистов «Революционная мысль» с 1 апреля по 1 августа 1917 г. В конце приведённых данных следуют подписи председателя правления товарищества Якова Тимофеевича Дедусенко и казначея В.П. Кранихфельда.

Более того, известно, что в 1917 г. Витязев вышел из партии социалистов-

революционеров, а уже к середине того же года в недрах издательства «Революционная мысль» назревает идея о перемене направления издательства и превращении его из сугубо партийного в культурно-просветительное с выпуском «общеинтересной» литературы. Идея эта, надо полагать, принадлежала не кому иному, как Ф.И. Седенко (4). Вероятно, являясь, наряду с Н.С. Русановым (5) и А.А. Гизетти (6), редактором начавшего выходить в «Революционной мысли» собрания сочинений П.Л. Лаврова, он начинал тяготиться сугубо партийной принадлежностью указанного издательства.

Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» было образовано по инициативе Ф.И. Седенко 11 июля 1918 г. Его Устав зарегистрирован 20 декабря 1918 г. [10].

В нашей статье «О статусе частных и кооперативных издательств в советской России» (К истории издательского дела в России в 1917–1921 годах) мы показали, что к началу 1921 г. положение этой группы издательств было угрожающим: политика «военного коммунизма» и национализация книжных складов и магазинов в Москве и Петрограде привели к тому, что частнокооперативный издательский сектор мог прекратить своё существование и был как будто обречён. П. Витязев в своей книге «Частные издательства в Советской России» достаточно подробно передал сложность ситуации тех дней: «Борьба ведётся слишком неравная. У наших противников вся полнота власти, в их руках вся повременная и периодическая печать. Вам выносят смертный приговор и не дают даже права сказать хотя бы одно слово в свою защиту. Все попытки автора выступить легально в “дискуссионном порядке” не дали никаких положительных результатов. И для него остался только один старый и уже не раз выработанный путь — прибегнуть к помощи “вольного печатного станка” и выпустить свою брошюру “явочным порядком”» [11].

Выходу этой книги предшествовало своеобразное анкетирование «по вопросу

о национализации частных издательств и отдачи всего издательского дела в Государственное издательство», предпринятое П. Витязевым в начале 1921 г. Текста самой анкеты до настоящего времени обнаружить не удалось. Однако в его фонде в РГАЛИ (ф. 106) находятся присланные ему ответы И.П. Павлова (7), Э.Л. Радлова (8) и П.А. Сорокина (9). Они опубликованы нами, и довольно давно [12]. Различные по объёму, эти «ответы на анкету» не совпадают и по стилю.

Сдержанно-лаконично написано несколько старомодным языком послание И.П. Павлова, где он, в частности, отмечал: «Но и вообще всегда, при нормальном положении вещей... свободное по существу, щепетильное, животрепещущее дело облекания знаний, мыслей и чувствований человеческих в обязательные формы печати, подлежащие, в тонко приспособленном виде, возможно широкому использованию в человеческой массе, сосредоточить в сухо официальных, всё шаблонирующих, всё мертвящих руках государственного чиновничества — это плохо думать о высшей стороне человеческой натуры и желать подавить и задавить её» [13]. Изящество и образность мысли отличает послание Э.Л. Радлова, который называет в своём ответе Витязеву государство «великим левиафаном» и пишет: «Особенно пагубно всякое принуждение в области духовной, ибо наука и литература только и могут жить в условиях свободы. Объединение всякого издательства в руках государства, т.е. лиц, защищающих идею государства-левиафана, есть введение цензуры на произведения человеческого духа; такая цензура может вести лишь к фальсификации науки и литературы. 9 февр<аля> 1921» [14].

П.А. Сорокин же не ограничивается кратким ответом, а присылает Витязеву целый трактат, в котором отмечает: «Закрытие частных издательств и окончательное огосударствление их, с моей точки зрения, будет иметь совершенно определённые следствия и для науки,

и для искусства, и для всей общественной жизни. Главные из этих последствий таковы:

1) ещё большее падение издательского дела и дальнейшее увеличение книжного кризиса, ибо на место уничтоженных издательств не будет создано ничего, что бы заменяло эту потерю <...>;

2) дальнейшее подавление научного творчества и распространения его результатов, ибо при ликвидации частных издательств не могут быть опубликованы те работы, которые до сих пор издавались благодаря им;

3) рост «религиозной ортодоксии и догматизма» (хотя бы и коммунистического) за счёт науки, ибо наука без свободы мысли, критики и борьбы мнений существовать не может, а государственные монополизаторы... издавать работы, противоречащие их догме и почему-либо им неугодные, не будут <...>;

Обращаясь к данным опыта, мы теперь уже имеем основания для подтверждения этого прогноза. Усилилось ли издательское дело со времени национализации? Не издаёт ли весь аппарат Гос<ударственного> издательства меньше книг, чем издавало их раньше одно частное издательство, например, Сытина (10)? А какова научная ценность издаваемых книг? Научных книг почти не издаётся. <...> Большинство изданных до сих пор научных работ принадлежит «Чичиковым от науки» <...>» [15].

Лейтмотив всех этих документов — страстная защита свободы печати от посягательств государственно-бюрократического аппарата. Корреспонденты Витязева единодушны в том, что частные и вообще все негосударственные издательские образования — залог успешного свободного развития интеллектуальной и духовной жизни общества. При всей иногда свойственной ему парадоксальности суждений (и Маркс и Энгельс иронически упомянуты в числе «всемирных учителей и святителей») ответ П.А. Сорокина, как и высказывания И.П. Павлова и Э.Л. Радлова, свидетельствуют о величайшем

уважении ими свободы творчества и свободы печати.

Факт наличия в фонде Витязева ответов ряда видных представителей русской интеллигенции на анкету по вопросу о национализации частных издательств вдвойне примечателен. Он свидетельствует об уважительном отношении Витязева — издателя и литератора к мнению авторитетных людей. С другой стороны, — и это становится всё более очевидным, — суждения Витязева в его книге «Частные издательства в Советской России» опирались на данные опроса, полученные в результате анкетирования.

В том же фонде в РГАЛИ находится письмо ближайшего сотрудника П. Витязева по издательству «Колос» А.Г. Горнфельда (11), который в письме от 7 мая 1921 г. писал ему: «Очень Вам благодарен за книжку («Частные издательства в Советской России». — С.Б.), которую я прочёл с великим интересом и удовольствием. Факты отлично подобраны, всё выяснено с достаточной убедительностью, тон решителен, и статья эта не литература, а гражданский акт» [16]. Этот отзыв А.Г. Горнфельда является также и непосредственной реакцией на письмо к нему П. Витязева от 6 мая 1921 г., в котором есть такие примечательные строки: «Посылаю Вам свою книжку о частных издательствах, которую я выпустил в Москве (в два дня!). Она наделала много шума в Москве и “сорвала” вопрос о нашей национализации в Комиссии Троцкого (12). Меня очень интересует Ваше мнение об этой книжке» [17].

Здесь же в ф. 106 находится и письмо Р.В. Иванова-Разумника (13) Ф.И. Витязеву, датированное 8/V 1921 г.: «Ферапонту Ивановичу — привет, поздравления с праздниками — прошедшими — а прежде всего — с прекрасной брошюрой (после этого рукой Витязева сделан знак сноски и указано, что речь идёт о книге «Частные издательства в Советской России». — С.Б.), которую я лишь мельком просмотрел у Сорокина» [18]. И этот положительный отзыв следует записать в актив Витязеву.

В 1988 г. Н.П. Лавров — автор монографии «Книгоиздание и литературный процесс» [19] предпринял попытку переосмысления взглядов издателя и библиографа П. Витязева на книгоиздательское дело, ограничившись, впрочем, кругом лишь относящихся к теме его книги вопросов: роль издателя и «материализация» идей автора, «дух издательства», репертуар и направление деятельности издательства, критерии оценки издательской деятельности. Примечательно, однако, что выводы П. Витязева по указанной проблематике автором расцениваются преимущественно в позитивном плане. А на с. 182 монографии Н.П. Лаврова мы находим и вовсе многозначительное добавление: «...и последующая издательская деятельность (после выхода в свет книги «Частные издательства в Советской России» в 1921 г. — С.Б.), и рассмотренные нами его (П. Витязева. — С.Б.) соображения о роли книгоиздания дают основание, на наш взгляд, для более взвешенной оценки» [20].

Придется всё же обратиться к разделу «Частные и кооперативные издательства» из т. 2 «Истории книги в СССР. 1917–1921: в 3 т. / под общ. ред. Е.Л. Немировского и В.И. Харламова. М.: Книга, 1983–1986». Его авторы С.В. Белов и С.С. Ишкова писали там: «Кульминацией идеологической борьбы против принципов советского книгоиздания стал выпуск брошюры (так у авторов. — С.Б.) “Частные издательства в Советской России” (1921). Её автор — издательский работник П. Витязев, сделав *тенденциозный* обзор деятельности частных издательств, выдвинул обвинения в адрес Госиздата как органа, якобы стремящегося лишь к подавлению частной инициативы. Заканчивалась брошюра *программными* доводами в защиту частных издательств (курсив везде мой. — С.Б.)» [21].

Л.А. Везирова, автор первой документальной биографии П. Витязева, опубликованной в сборнике «Книга: Исследования и материалы» [22], также повторила вслед за вышеупомянутыми авторами,

пусть и в гораздо мягкой форме, упреки П. Витязеву в тенденциозности его книги, без чего, надо полагать, в 1986 г. упоминать имя и книгу последнего было ещё невозможно.

«Большой энциклопедический словарь» содержит три значения термина «тенденциозность»: 1) последовательное проведение определённой идеи, тенденции, 2) пристрастность или предвзятость, необъективность, 3) в искусстве: а) предвзятое или одностороннее раскрытие (истолкование) темы произведения, б) реже, — открытая тенденция в художественном произведении [23]. Исходя из такого толкования, становится понятным одно: Витязев как автор книги «Частные издательства в Советской России», будучи последовательным в проведении своей идеи, тенденциозен в «хорошем» смысле, а его критики, относящиеся к его труду «пристрастно или предвзято, необъективно», именно тенденциозны по отношению к нему в «плохом» смысле. Речь надо, вероятно, вести о том, что наряду с линией повсеместного огосударствления издательского дела, которую олицетворял собою Госиздат, существовала противоположная точка зрения, подкреплённая многочисленными убедительными примерами (о чём сообщал П. Витязеву, например, в письме к нему А.Г. Горнфельд — см. выше). Она сводилась к тому, что частная инициатива в издательском деле должна иметь равные права на существование, наряду с государственным книгоизданием. Витязев, таким образом, был, как мы бы сказали позже, инакомыслящим, а это уже тогда признавалось нежелательным. К 1930 г. — времени создания ОГИЗа — частные издательства были поставлены фактически вне закона, а затем и ликвидированы.

Следует напомнить, что руководителями издательского дела первых пореволюционных лет, и прежде всего наркомом просвещения А.В. Луначарским (14), высказывалась следующая точка зрения. С ней были практически согласны

В.В. Воровский (15) и Н.Л. Мещеряков (16). Её приверженцы полагали, что необходимо использовать все издательские ресурсы, а для этого нужно не только сохранить частные издательства, занимавшие лояльную позицию по отношению к советской власти, но и оказывать активную поддержку тем из них, которые признавались «общеполезными».

Вот что писал А.В. Луначарский в письме В.В. Воровскому 24 февраля 1920 г.: «Мне кажется, что сейчас отнюдь не своевременно закрывать последние большие книгоиздательства. Если тяжёлое время в смысле бумажного и типографского кризиса продолжится, то я думаю, что мы ничего не выиграем от умерщвления частной инициативы, которая хотя как-нибудь умеет бороться с тяжёлым временем и всё-таки больше помогает, чем вредит работе Государственного издательства» [24]. Точка зрения руководителя Госиздата В.В. Воровского, как видно из нижеследующего, частично совпадала с линией А.В. Луначарского. «Поскольку они (т.е. частные издательства. — С.Б.) делают работу, нужную в данный момент для государства, — писал В.В. Воровский, — издавая хорошую политическую или педагогическую литературу, Государственное издательство, конечно, идёт им навстречу, помогая им деньгами и бумагой. Если же эти издательства ставят своей задачей распространение литературы, безразличной для политической и экономической работы пролетариата и Советской власти, Государственное издательство занимает по отношению к ним, так сказать, пассивную позицию: оно не закрывает их, не ставит им умышленно препятствий, но и не поощряет их деятельности, считая не своевременным и не целесообразным растрчивать на это дело бумагу, типографские средства или деньги» [25].

Как видно из предисловия, автор книги «Частные издательства в Советской России» преследовал следующие цели: «1) вытолкнуть разрешение вопроса о частных издательствах из замкнутого

круга чисто ведомственных распоряжений, где он сейчас находится, на более широкое поле его общественного обсуждения, 2) вызвать в советской печати и в среде коммунистической партии дискуссии по поднятому вопросу, 3) суммировать воедино все доводы в защиту частных издательств и 4) выявить в данном вопросе ту точку зрения, каковая, по его мнению, является наиболее целесообразной и правильной» [26].

Автор книги подвергает резкой критике нового руководителя Госиздата И.И. Степанова (Скворцова) (17), сменившего на этом посту В.В. Воровского. Приход нового руководителя сопровождался кардинальной переменой отношения Госиздата к частным и кооперативным издательствам. По мнению П. Витязева, факты, приводимые И.И. Степановым исключительно в целях дискредитации последних, не выдерживают серьёзной критики. «Деятельность солидных фирм, — цитирует Витязев И.И. Степанова, — на 90, если не на 99% является деятельностью старьевщиков...» [27]. В этом фрагменте статьи руководителя Госиздата шла речь о том, что частные издательства занимались «переизданием старых работ». Витязев соглашался с этим постулатом, прибавляя от себя: преимущественно этим занимались московские издательства «Гранат» и «Мир». Однако, добавляет он, перепечатки делались по специальному заказу Наркомпроса и Госиздата. Об этом свидетельствуют подписанные последним договоры. Не логично ли сделать вывод, говорит Витязев, что эти «старые издания» были не столь уж плохи, как их расценивает нынешний руководитель Госиздата И.И. Степанов.

На следующих страницах книги автор помещает развёрнутый обзор деятельности наиболее крупных частных и кооперативных издательств Петрограда и Москвы. Приводимая им статистика буквально опрокидывает доводы госиздатовского руководителя относительно никчёмности частных и кооперативных издательств. Витязев отмечает, что

в период с 1917 по 1920 г. включительно в одном только Петрограде усилиями подобных издательств было выпущено 506 названий, из которых только 121 являлось повторным (что составило всего 23%).

И применительно к московскому издательству М. и С. Сабашниковых упрёк в перепечатке прежних изданий также оказывается несостоятельным: с 1918 по 1920 г., по данным Витязева, оно выпустило 61 издание, из них повторных 27. В число последних попали различные курсы, учебники и пособия по зоологии, ботанике, биологии, химии — т.е. учебные издания по естественным наукам. Критерием ценности для подобного вида литературы является как раз количество выдержанных изданий, т.е. переизданий. Кстати, добавляет Витязев, в труднейшие для страны 1920-е годы это издательство выпускало оригинальные издания в серии «Памятники мировой литературы», что безусловно следует считать богатейшим вкладом в нашу литературу. В издательстве «Задруга» за тот же период 1918–1920 гг. соотношение новых и повторных изданий составило 50: 113. Но и этому есть объяснение: издательство выпускало столь необходимые учебные пособия по заказу того же Наркомпроса и самого Госиздата. Что касается московского издательства «Альциона», то в его книжной продукции были представлены только оригинальные издания, выпущенные к тому на отличном полиграфическом уровне.

По наблюдениям П. Витязева, внешний вид книги и её техническое исполнение намного выше именно у частных издательств, что как раз свидетельствует о результатах «частного творчества и инициативы».

Следующий раздел, озаглавленный «Советская цензура, частноиздательская инициатива и судьбы русской литературы», судя по всему, обладает основной взрывной силой, являясь своего рода детонатором. Доводы Витязева сводятся к следующему. В арсенале Госиздата

находится множество всякого рода приёмов, будь то различное торможение, выливающееся в задержках целыми месяцами разрешения на печатание новых книг; или издание различных нелепых распоряжений, вроде «обезличивания» бумаги; или не уплаты денег по счетам и договорам. Всё это создавало тяжелые условия и нередко ставило под сомнение существование тех или иных издательских начинаний.

Не должно удивлять, что Витязев приводит немало примеров подобного вмешательства извне из практики наиболее близкого ему книгоиздательского товарищества «Колос». Действия комиссара по печати М.И. Лисовского (18) в Петрограде, ставшие притчей во языцех, послужили поводом для обращения к нему с письмом А.М. Горького [28].

У частных и кооперативных издательств, несмотря на многочисленные чинимые им помехи в работе, налицо заметные успехи — таков вывод можно сделать из обзора их деятельности, представленного П. Витязевым. Есть ещё одно обстоятельство, на котором следует остановиться особо. Многие авторы не шли в Госиздат по чисто политическим причинам. Нежелание сотрудничества с Госиздатом заключалось в том, что в частных и кооперативных издательствах рукописи можно было увидеть изданными значительно быстрее. По меткому выражению П. Витязева, Госиздат за короткий срок успел превратиться в «похоронное бюро» для многих из них.

На дальнейших суждениях автора следует также остановиться. Каждое частное или кооперативное издательство, развивает свою мысль П. Витязев, «в процессе своей работы неизбежно создаёт вокруг себя определённое литературное наслоение, своеобразное ядро, которое состоит из ряда писателей, органически связанных с этим издательством. Они смотрят на него как на своё родное, близкое им дело. Это особенно сильно сказывается, если писатели ещё состоят пайщиками такого издательства, как это

бывает в кооперативных объединениях» [29]. Этот круг писателей «создаёт собой литературное направление, превращая эти издательства в особую литературную или культурную индивидуальность. Для писателей этого “круга” само издательство есть как бы “знамя”» [30]. Подобные суждения, глубокие по своему значению, звучали в то время очень сильно.

На необходимости плюрализма в литературном и издательском деле П. Витязев настаивал и в дальнейшем, например, в опубликованной за границей статье «Советская цензура, частноиздательская инициатива и судьбы русской литературы» [31]. Ряд своих теоретических положений Витязев формулирует уже в 1921 г., в атмосфере критической и тревожной для судеб частных и кооперативных издательств.

Немаловажное значение для литераторов и писателей играло вознаграждение за их произведения. Витязев в своей книге «Частные издательства» признавал, что нередко частные и кооперативные издательства сознательно шли на нарушение существовавших авторских ставок. Некоторые из них действовали на основании уставных документов, зарегистрированных соответствующими органами советской власти, другие руководствовались исключительно гуманными побуждениями. Некоторые издательства давали авторам определённый процент с номинала книги. Витязев утверждал, что ни для кого не является секретом, что авторские ставки, утверждённые Госиздатом, сильно отстают от жизни и не дают писателю возможности полноценно существовать. Литературный заработок для писателя скорее случайное явление, до последнего времени в Советской России не существовало специального писательского или литературного пайка.

Интересен взгляд П. Витязева по вопросу об издательском аппарате. Штат в частных издательствах сокращён до минимума (2–3 человек). Люди эти преданы своему делу, нередко они работают

с самого основания предприятия в течение многих лет (19).

Последний раздел книги посвящён «доводам в защиту частных издательств». Принципам советской власти не противоречит существование наряду с государственными «свободных объединений по труду», как называет автор кооперативные издательства. Государство должно лишь регулировать сферу приложения их усилий в зависимости от насущности тех или иных решаемых задач. Одновременно государство должно осуществлять регламентирующую функцию (распределительно-хозяйственную) согласно общему плану. По мысли П. Витязева, книгоиздательское дело в стране должно развиваться именно по такому сценарию. В перспективе государство возьмёт на себя функцию координации работы кооперативных издательств и станет размещать в их среде свои заказы, но ни в коем случае речь не должна идти об их вытеснении и поглощении.

Поскольку кооперативные объединения основаны на принципах сотрудничества, где отсутствует эксплуатация чужого труда и наблюдается равное для всех участие в творческом и трудовом процессе, они по своей сути прогрессивны. И почему, искренне недоумевает автор книги, в других отраслях народного хозяйства такие формы его ведения допустимы (при ВСНХ и Наркомземе существовал особый главок для поощрения «кустарно-кооперативной промышленности»), а в издательском деле они не получают должного развития?

Основными «критериями» в упоминавшейся выше статье И.И. Степанова, направленной против частных и кооперативных издательств, выступают «недоверие и подозрительность»: «Не всегда разберёшь, солидный ли это капиталист, или кулак, или подрядчик, нашедший в поставках на социалистическое государство чрезвычайно благоприятные условия для первоначального накопления» [32].

Некоторые частные издательства (например, К.Т. Солдатёнова (20) и

Ф.Ф. Пантелеева (21)) стояли особняком — прибыль не была главным смыслом их деятельности, тираж изданий определялся с учётом общественных потребностей. Это так называемые «идейные издательства», по терминологии автора книги. И в современных условиях их немало, отмечает П. Витязев: Ф.Ф. Павленкова (22), Н.П. Полякова (23), «Русское богатство» (24), Вятского товарищества (25) и др. К ним абсолютно не применимы такие определения: «спекулянты», «дельцы», «кулаки», «подрядчики», «капиталисты», «буржуазная накипь» (в терминологии И. Степанова).

«Создание хорошей книги есть также своего рода творчество, — пишет П. Витязев, — и... здесь, как и в области искусства, требуется прежде всего и больше всего свободной инициативы и как можно меньше каких-либо указаний со стороны государства» [33]. Это высказывание поднимает книжное дело до высокого уровня искусства, что не может не восхищать своей смелостью. Итоги слишком централизованной политики Госиздата как будто налицо: целый ряд учёных обществ и институтов не может выпускать своих известий, бюллетеней, журналов, трудов; обмен мысли между различными представителями русской науки стал слишком незначительным, «результаты новых открытий и опытов не оглашаются, а молодые учёные не имеют возможности развиваться и пробовать свои силы в научной литературе и т.д.» [34]. В книге также отмечалось: «...Госиздат прямо вычёркивает из русской жизни всю художественную литературу и все научные и философские работы, ибо всё то, что не относится к коммунистической или марксистской идеологии, несомненно окажется выброшенным вон, как произведение, “дышащее буржуазной ограниченностью”» [35]. Это положение прямо перекликается с аналогичными суждениями П.А. Сорокина, высказанными П. Витязеву в ответ на его анкету. В случае «вливания» частных и кооперативных издательств в Госиздат «безнадёжно

погибнет индивидуальная литературная окраска каждого издательства... Все те литературные направления и течения, которые олицетворялись тем или иным издательством, будут этим самым вычеркнуты из русской литературы... Целый ряд писателей, литераторов... исчезнет для русской литературы. То же случится и с редакторами этих издательств, которые также окажутся вне литературы... Всё... будет сковано в своём развитии казённой, формализмом, партийным доктринёрством, централизацией...» [36].

Достаточно подробно остановившись на основных положениях работы П. Витязева, мы подходим к самому главному: какая оценка должна быть ей дана сегодня? В том, что книга П. Витязева — явление неординарное, по точному выражению А.Г. Горнфельда «не литература, а гражданский акт», сомневаться не приходится. Вопрос объективности — необъективности отпадает сам собой: «анкеты», разосланные автором книги в начале 1921 г. в адрес лиц, мнением которых он дорожил, и касающиеся судеб частных и кооперативных издательств в тот период, а самое главное — полученные на них «ответы» позволили ему избежать элементов субъективизма в своей работе. Они, надо полагать, начисто отметают и конъюнктурные нарекания в «тенденциозности» и «легковесности» в адрес автора книги «Частные издательства в Советской России» и являются веским аргументом для взвешенной оценки его работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ратнер Александр Владимирович (1948–1991) — историк революционного движения, библиограф, с 1980 г. редактор журнала «Советская библиография».

2. Как нам удалось установить, издательство «Колос» существовало в 1918–1927 гг. См.: *Батто С.А. Curriculum vitae Ферапонта Ивановича Седенко (Витязева) (1886–1938): Штрихи к биографии известного революционера,*

исследователя, библиографа, библиофила и издателя // Петерб. библиошк. 2017. № 1(57). С. 89–90, примеч. 35.

В РГАЛИ (в фонде Ф.И. Витязева) хранится Curriculum vitae (ф. 106, оп. 3, ед. хр. 5, л. 1–6), автором которого, как нам представляется, является сам Ф.И. Седенко-Витязев. И в этом документе ничего не говорится о том, что он *возглавлял* издательство «Революционная мысль». Имеющиеся в том же фонде «Библиографические материалы о литературной деятельности Ферапонта Ивановича Витязева. 1912–1933» в разделе «Издательская работа в кооперации» содержат указание: «В 1917–1918 гг. — член правления кооперативного издательства “Революционная мысль”. Петроград» (ф. 106, оп. 1, ед. хр. 199, л. 22). В колосовском издании (Вперёд: сб. статей, посвящённых памяти П.Л. Лаврова. 1900 — 7 февраля — 1920 / под ред. П. Витязева. Пг., 1920) на с. 62–63 помещена «Хроника». На с. 63 находим: «...В 1918 г. в Петрограде было приступлено к первому в России собранию сочинений П.Л. Лаврова в издательстве товарищества “Революционная мысль” (состав редакции был коллективным — Н.С. Русанов, А.А. Гизетти и П. Витязев (гл. редактор)) <...> После закрытия “Революционной мысли” (июль 1918 г.) издание сочинений П.Л. Лаврова перешло при прежней редакции к кооперативному книгоиздательскому товариществу “Колос”». Возможно, отсюда берут начало ошибочные сведения о том, что П. Витязев *возглавлял* издательство «Революционная мысль» (см. у А.В. Ратнера в словарных статьях «Витязев П.» в энциклопедических изданиях «Книговедение» (М., 1982) и «Книга» (М., 1999)).

«Революционная мысль» — издательское товарищество партии социалистов-революционеров открыло свои действия с 1 апреля 1917 г. в Петрограде (Дело народа. 1917. № 15. 1 апр.). Действовало вплоть до 11 июля 1918 г. Иные сведения содержатся в статье-воспоминании С.П. Постникова (1883–1965) — литератора,

библиографа, политического деятеля. С.П. Постников вспоминал: «Во главе чисто хозяйственной части издательства <“Революционная мысль”>...» стоял Яков Тимофеевич Дедусенко, «молодой талантливый кооператор», эсер. Председатель правления — Сергей Порфирьевич Постников. Он же председатель Литературного совета, в другом месте он назван секретарем правления. Кроме них, участвовал Александр Васильевич Турба, член правления; по образованию инженер. Газета социалистов-революционеров «Дело народа» — «дело его рук». 6 августа 1918 г. расстрелян большевиками (ГАРФ. Ф. 6065 С.П. Постников. Статья-воспоминание. Б. д. Оп. 1. Д. 4; Оп. 1. Д. 2. Отрывки из воспоминаний и статей. Б. д. Л. 36 — об А.В. Турбе). «За первые месяцы революции <“Революционной мыслью”> было издано свыше 40 брошюр» (ГАРФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 2. Л. 18: «В 1917 г. <Постников> основал издательство “Революционная мысль”, впоследствии переименованное в издательство “Колос”»). См.: Дойков Ю. С.П. Постников: Материалы к биографии (1883–1965). Архангельск, 2010. С. 51, 53, 57.

Явная aberrация памяти мемуариста. Судя по всему, воспоминания писались в те годы, когда упоминания о некоторых лицах могли быть неблагоприятны для обеих сторон. Вместе с тем, представляется, что в данном случае, возможно, не обошлось и без своего рода эгоцентризма со стороны автора мемуаров.

К этому можно, например, добавить, что П.А. Сорокин опубликовал в «Революционной мысли» пять брошюр: «Вечный мир и всемирное единение народов», «О свободах: Неотъемлемые права человека и гражданина», «Проблема социального равенства», «Что такое монархия и что такое республика?», «Что такое социализм?». Было выпущено пятое издание «Истории русской общественной мысли» (в 4-х т.) Р.В. Иванова-Разумника. По инициативе П. Витязева и при участии Н.С. Русанова и А.А. Гизетти в 1917 г. в этом издательстве начало

выходить первое в России Полное собрание сочинений П.Л. Лаврова. Витязев выступал как главный редактор Редакции собрания сочинений П.Л. Лаврова и как составитель.

3. Кранихфельд Виктор Павлович (ум. 1923) — народоволец, служащий Народного банка (1918), брат Владимира Павловича Кранихфельда (1865–1918), литературного критика журнала «Русское богатство»; на причитающееся ему наследство — 20 000 золотых руб. приобрёл книжный магазин на Невском пр. в Петербурге (в наст. время — Книжная лавка писателей), разорён.

4. В подтверждение этому см. письмо М.П. Негрескул Ф.И. Седенко с условной датировкой <после 1/V–1917>, хранящееся в его фонде в РГАЛИ:

«Ферапонт Иванович, вчера у меня был Исаак и говорил мне о ваших разговорах с ним по поводу материальной стороны издания трудов отца. Меня тронуло, что вы обратились к нему как моему доверенному по делам (а от кого вы узнали?), а не говорили со мной.

Да, вы для меня инициатор и исключительно прекрасный исполнитель дорогого для меня дела. В числе доводов Исаака было и указание, что издательство “Рев<олюционная> мысль” меняет свои задачи и будет издавать не только партийную литературу, но и общеинтересную. Даже свое название хочет изменить. Это меняет и мое отношение к вопросу. Я согласилась с Исааком и прошу вас продолжать с ним вести все деловые разговоры, так как он давно уже освободил меня от всяких материальных переговоров с кем бы то ни было. Еще раз благодарю вас за вашу деликатность... Сегодня я совсем больна <...> Жму руку. М<ария> Н<егрескул>» (ф. 106, оп. 1, ед. хр. 114, л. 15–16 об.).

Исаак — речь идет о втором муже дочери М.П. Негрескул Ольги Эммануиловны Котылёвой (Розенфельд) (псевд. О. Миртов) (1875–1939) Розенфельде Исааке Максимовиче (псевд. И.М. Ольгин), журналисте, публицисте,

в 1912–1913 гг. редакторе журнала «Новая жизнь». «Нового журнала для всех», сотруднике редакции петербургской газеты «День».

Под «трудами отца» подразумевается прежде всего Собрание сочинений П.Л. Лаврова и его отдельные работы, начавшие выходить в издательстве «Революционная мысль» и продолженные изданием в «Колосе».

5. Русанов Николай Сергеевич (1859–1939) — русский революционер, народоволец, затем эсер. С 1895 г. сотрудник журнала «Русское богатство». Редактор Собрания сочинений П.Л. Лаврова. В 1918 г. эмигрировал.

6. Гизетти Александр Алексеевич (1888–1938) — член партии социалистов-революционеров (с 1907 г.), литературовед. С 1907 г. учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, с 1911 г. в ссылке в Пермской губернии; вернувшись из ссылки, окончил университет в 1913 г. С 1915 г. редактор газ. «Народная мысль» (совместно с П. Витязевым и П. Сорокиным), с 1917 г. сотрудник газ. «Дело народа». Один из редакторов сочинений П.Л. Лаврова. Неоднократно арестовывался советской властью (в 1921, 1924, 1930, 1933, 1938 гг.); расстрелян.

7. Павлов Иван Петрович (1849–1936) — русский физиолог, создатель науки о высшей нервной деятельности, лауреат Нобелевской премии в области медицины и физиологии.

8. Радлов Эрнест Львович (Леопольдович) (1854–1928) — русский философ, историк философии, филолог, переводчик, редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (с 1899), член-корр. Российской академии наук (1920). С 1917 по 1924 г. — директор Публичной библиотеки в Петрограде (Ленинграде).

9. Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) — русский и американский социолог, член партии социалистов-революционеров (до 1918 г.), однокурсник П. Витязева по юридическому факультету Петербургского университета (с 1910),

в 1922 г. выслан из России, профессор Гарвардского университета (США).

10. Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) — русский предприниматель, книгоиздатель, просветитель. Выпускал учебную, детскую литературу, энциклопедии, собрания сочинений русских классиков художественной литературы; популярные периодические издания «Вокруг света», «Искры», а также «Правда Божия» и специальные медицинские («Хирургия»), владелец газеты «Русское слово».

11. Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867–1941) — русский и советский литературовед, литературный критик, переводчик и публицист. Окончил юридический факультет Харьковского университета, одновременно занимался на филологическом факультете у А.А. Потебни. Продолжил образование в Берлинском университете. В Петербурге с 1893 г.

12. Троцкий Лев Давидович (псевд.; наст. имя Лейба Давидович Бронштейн, 1879–1940) — революционный деятель XX в., идеолог троцкизма — одного из течений марксизма.

13. Иванов-Разумник (наст. фамилия Иванов) Разумник Васильевич (1878–1946) — русский литературовед, социолог, литературный критик. В 1910–1920-х гг. близок к партии эсеров. Товарищ председателя Вольной философской ассоциации (1919–1924). С 1919 г. неоднократно арестовывался, перед войной жил в Пушкине (бывш. Царском Селе), в марте 1942 г. оказался в Восточной Пруссии, в 1945 г. — в союзной оккупационной зоне в Германии, умер в Мюнхене.

14. Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — российский революционер, советский государственный деятель, драматург, переводчик, публицист, критик, искусствовед. С октября 1917 г. по сентябрь 1929 г. — первый нарком просвещения РСФСР.

15. Воровский Вацлав Вацлавович (Wacław Worowski) (1871–1923), российский революционер, публицист,

литературный критик; дипломат. В 1919 г. заведующий Госиздатом. Убит белоэмигрантом М. Конради в Лозанне.

16. Мещеряков Николай Леонидович (1865–1942) — российский и советский историк литературы и общественного движения, публицист, деятель советской печати. Чл.-корр. АН СССР (1939).

17. Скворцов-Степанов Иван Иванович (наст. фамилия — Скворцов, литературный псевдоним — И. Степанов, 1870–1928) — советский государственный и партийный деятель, публицист, в 1917 г. — первый народный комиссар финансов РСФСР.

18. Лисовский Моисей Ионович (1887–1938) — большевик, редактор «Красной газеты», комиссар по делам печати, агитации и пропаганды Петроградской коммуны (1918).

19. Наш анализ состава пайщиков книгоиздательского кооперативного товарищества «Колос» подтверждает это положение Витязева: за все годы существования издательства выбытие пайщиков объяснялось объективными причинами — смертью, призывом в действующую армию, выездом за границу на постоянное место жительства.

20. Солдатёнков Кузьма Терентьевич (1818–1901) — книгоиздатель, владелец художественной галереи. В 1856 г. совместно с Н.М. Щепкиным основал издательство Солдатёнкова и Щепкина, с 1862 г. продолжал книгоиздательскую деятельность в одиночку. Выпускал сочинения русских беллетристов и историков, переводы зарубежной научной исторической литературы. По его завещанию нераспроданные книги и личная библиотека переданы Румянцевскому музею в Москве (ныне РГБ).

21. Пантелеев Лонгин Фёдорович (1840–1919) — российский издатель-просветитель, публицист, общественный деятель. Член «Земли и воли», отбывал ссылку в Сибири. В 1877 г. организовал издательство научной литературы.

22. Павленков Флорентий Фёдорович (1839–1900) — русский книгоиздатель и просветитель.

23. Поляков Николай Петрович (1843–1905) — русский книгоиздатель и просветитель.

24. «Русское богатство» — литературный, научный и политический журнал, издававшийся в 1876–1918 гг. Основан Н.Ф. Савичем в Москве; в середине 1876 г. издание перенесено в Петербург (журнал выходил три раза в месяц); с 1879 г. — ежемесячник. С 1880 г. издавался артелью писателей народнического направления: Н.Н. Златовратский, С.Н. Кривенко, А.М. Скабичевский, Г.И. Успенский, Н.С. Русанов, Н.Ф. Бажин, Н.И. Наумов, П.В. Засодимский, В.М. Гаршин, Л.Н. Трефолов и др. С 1914 г. до марта 1917 г. журнал выходил под названием «Русские записки»; в 1918 г. был закрыт декретом Советской власти как издание, выступавшее против диктатуры пролетариата.

25. Вятское книгоиздательское товарищество было организовано интеллигенцией Вятки на свои средства с целью издания и распространения дешёвых книг для народа. 19 человек внесли 24 мая на общую сумму 3600 руб. Председателем был избран Н.А. Чарушин, его помощником — Н.П. Ложкин, ставший главным организатором и активным деятелем товарищества. Позднее в число пайщиков вошли публицисты М.П. Бородин, П.А. Голубев, писатель А.Н. Баранов, издатель А.П. Чарушников. К концу 1902 г. в обществе состояло уже 42 чел. В 1905 г., после закрытия типографии, где печаталась книжная продукция, председатель книгоиздательского общества Н.П. Ложкин и несколько членов переезжают в Петербург, и товарищество, уже под новым названием — Вятское книгоиздательское товарищество «Народная библиотека» — продолжает работу в столице. Здесь под грифом Издание Вятского Товарищества вышло до 1918 г. более 200 книг популярных в народе авторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Витязев П.* Частные издательства в Советской России. Пг., 1921. 63, [1] с.

Ср.: [Витязев П.] Частные издательства в Советской России (издание товарищества «Задруга», товарищества «Колос», товарищества «Книгоиздательство писателей» и М.В. Сабашникова). Пг. (Типография бывшего товарищества «Задруга» в Москве, Крестовоздвиженский пер., 9), 1921. *На правах рукописи.* (13,9 × 26,3), 63 +(1)с. 700 экз. (без цены) (РГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 199, л. 9. Библиографические материалы о литературной деятельности Ферапонта Ивановича Витязева. 1912–1933. Машинописная копия).

2. См., например: Динерштейн Е.А. Начало советского книгоиздания // Книга: Исследования и материалы. Сб. 15. М., 1967. С. 97; Посадсков А.Л. Сибирская книга и революция 1917–1918. Новосибирск, 1977. С. 260.

3. См., например: Белов С.В., Ишкова С.С. Частные и кооперативные издательства // История книги в СССР: в 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 112; Везирова Л.А. Ферапонт Иванович Витязев // Книга: Исследования и материалы. Сб. 53. М., 1986. С. 89.

4. Книговедение: энциклопедический словарь / редкол.: Н.М. Сикорский (гл. ред.) и др. М.: Сов. энциклопедия, 1982. С. 114.

5. Книга: энциклопедия / редкол.: И.Е. Баренбаум, А.А. Беловицкая, А.А. Говоров и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С. 140; см. также: Ратнер А.В. Под псевдонимом Петр Витязев // Сов. библиография. 1986. № 3. С. 55–56.

6. Дело народа. 1917. № 15. 1 апр.

7. Дело народа. 1917. № 23. 13 апр. С. 4.

8. Дело народа. 1917. 9 июля. С. 1.

9. Дело народа. 1917. № 117. 3 авг. С. 1.

10. ГАЛО. Ф. Р-3959. Отдел кустарно-кооперативной промышленности, оп. 13, д. 392, л. 61.

11. Батюто С.А. 1) О статусе частных и кооперативных издательств в советской России. (К истории издательского дела в России в 1917–1921 годах). (В печати.); 2) Кооперативное книгоиздательское

товарищество «Колос» 1918–1927 годы: Опыт исторической реконструкции деятельности. Введение. О статусе частных и кооперативных издательств в советской России в 1917–1921 годах. (В печати.); Витязев П. Частные издательства в Советской России. Пг., 1921. С. 2.

12. Батюто С.А. Неизвестные автографы И.П. Павлова, Э.Л. Радлова, П.А. Сорокина // Русская литература. 1990. № 3. С. 165–167.

13. Батюто С.А. Неизвестные автографы И.П. Павлова, Э.Л. Радлова, П.А. Сорокина... С. 165.

14. Батюто С.А. Неизвестные автографы И.П. Павлова, Э.Л. Радлова, П.А. Сорокина... С. 165.

15. Батюто С.А. Неизвестные автографы И.П. Павлова, Э.Л. Радлова, П.А. Сорокина... С. 165–166.

16. РГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 41, л. 4.

17. РГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 255, л. 1.

18. РГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 64, л. 29.

19. См.: Лавров Н.П. Книгоиздание и литературный процесс: читатель — писатель — издатель в 20-е годы. М.: Книга, 1988. 198 с.

20. Лавров Н.П. Книгоиздание и литературный процесс... С. 181.

21. Белов С.В., Ишкова С.С. Частные издательства // Истории книги в СССР. 1917–1921: в 3 т. / под общ. ред. Е.Л. Немировского и В.И. Харламова. М.: Книга, 1983–1986. Т. 2. С. 112–113.

22. Везирова Л.А. Ферапонт Иванович Витязев (1886–1938) // Книга: Исследования и материалы. М., 1986. Сб. 53. С. 79–96.

23. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 2, испр. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 1191.

24. Цит. по: Гулев В.В. Организация издательского дела и борьба против буржуазной идеологии в первые годы Советской власти (1918–1921 гг.) // Исторические записки. 1979. Т. 104. С. 78–79.

25. Витязев П. Частные издательства в Советской России. Пг., 1921. С. 3.

26. *Витязев П.* Частные издательства в Советской России... С. 2.

27. *Степанов И.* Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия // Книга и революция. 1920. № 6. С. 5.

28. *Витязев П.* Частные издательства в Советской России... С. 31–32; *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма : В 24 т. Т. 13. Июнь 1919–1921. М., 2007. С. 16–17 (письмо М. Горького М.И. Лисовскому от 9 июля 1919 г. Петроград). В письме упоминается запрет на издания: «Записки мечтателей» — два сборника; «Кризис культуры» Андрея Белого; «Скрижали и электро» А. Ремизова; «Цель творчества» К. Эрберга, «Прометей» Иванова. В конце содержится просьба снять запрет с указанных изданий.

29. *Витязев П.* Частные издательства в Советской России... С. 31–32.

30. *Витязев П.* Частные издательства в Советской России... С. 32.

31. *Витязев П.* Советская цензура, частноиздательская инициатива и

судьбы русской литературы // Русская книга (Берлин). 1921. № 7–8. С. 13–17 (статья представляет собой перепечатку одноимённого раздела из книги «Частные издательства в Советской России»; поскольку книга Витязева увидела свет в начале мая месяца — см. письма корреспондентов Витязева к нему, публикацию статьи в «Русской книге» за июль-август 1921 г. справедливо рассматривать как расширение её читательской аудитории за пределами страны); см. также: Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос». 1918–1923. Л. : Колос, 1924. 104 с.

32. *Степанов И.* Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия... С. 5.

33. *Витязев П.* Частные издательства в Советской России... С. 39.

34. *Витязев П.* Частные издательства в Советской России... С. 39.

35. *Витязев П.* Частные издательства в Советской России... С. 27.

36. *Витязев П.* Частные издательства в Советской России... С. 43.

«КАК ДЕДЫ-ПРАДЕДЫ СТРОИЛИ...»

(Из личных воспоминаний А.Д. Сыщикова)

АННОТАЦИЯ

Публикация посвящена биографии и личным воспоминаниям о детстве, студенчестве, научной работе на Русском Севере Александра Дмитриевича Сыщикова — научного сотрудника Библиотеки Академии наук, исследователя истории Санкт-Петербурга, истории книги, русско-немецких научных связей, русской диалектологии.

Ключевые слова: научный сборник, Библиотека Российской академии наук, старoverы, книги, диалектологическая экспедиция.

В 2014 г. Библиотека РАН подготовила и выпустила в свет двухтомный биографический словарь [1], в котором свыше 3000 персоналий представлены краткими биографическими данными. Это значительный биографический материал, дающий первое, самое общее, представление о социальных характеристиках персонального состава БАН за 300 лет. Однако формат справочника позволил лишь в самых общих чертах наметить факты судеб, не говоря уже об историческом фоне, на котором они разворачивались. А ведь каждая судьба уникальна — при всей схожести типовых общественных рамок, которые на нее накладывает общество. Интерес представляют описываемые в воспоминаниях повороты судьбы (факты), окружение (среда), пересечение судеб (встречи), быт (условия жизни). Эти личные подробности не фиксируются официальными биографическими справочниками, но способствуют лучшему пониманию и личности автора воспоминаний, и самого социума.

Порой в ходе биографических разысканий приходится сталкиваться с тем, что имеет место расхождение между фактами, зафиксированными в официальных биографиях, и фактами, приводимыми в личных воспоминаниях. Бывает, что в биографиях и воспоминаниях разное

толкование фактов. Эти сведения в научных биографиях сопоставляются и комментируются. Однако самое интересное, на наш взгляд, это то, что в биографиях не учитывается, — описание быта, нравов, обычаев и т.п., — того, что помогает почувствовать историю не как собственно науку, а как ее живое течение с множеством подлинных деталей, характерных для описываемой эпохи. К сожалению, следует отметить имеющее место у некоторых сотрудников БАН отсутствие желания делиться воспоминаниями о событиях своей жизни, чему причину можно видеть не столько в отсутствии свободного времени, сколько в том, что порой жизненные обстоятельства оставляют такой грустный эмоциональный след, что к ним лишней раз и возвращаться не хочется.

Данное впечатление сложилось у автора, разумеется, не из-за общения с Александром Дмитриевичем Сыщиковым, с которым, напротив, оно было и приятным, и информационно насыщенным. С 2007 г. (зadolго до появления в БАН идеи биографического словаря сотрудников), когда началась плановая научная работа над воспоминаниями библиографов Библиотеки Российской академии наук. Тема НИР автора имела первоначально несколько более общую формулировку «Биографии сотрудников

БАН в контексте истории России первой половины XX века: биографическое исследование», затем было решено ограничиться биографиями библиографов. Изначально сбор материала велся в виде записываемых на магнитофон интервью, что позволяло собрать интересные сведения и дать проявиться личности «портретируемого». Эта методика весьма трудоемка; в ней сочетаются и переплетаются первоначальная запись и серия уточняющих записей, расшифровка записанного материала и переводение его в электронную форму, проверка (по возможности) личных воспоминаний сведениями из архивов, литературная редакция с учетом стилистических особенностей речи интервьюируемого. Однако она была выбрана именно из-за того, что позволяет показать крупным планом ЧЕЛОВЕКА. Автору не раз приходилось сталкиваться с «излишней скромностью» сотрудников БАН и их отказами в ответ на просьбу позволить записать на пленку их воспоминания.

И все же не хотелось отказываться от идеи, которая доньше представляется плодотворной. Дело в том, что БАН — это огромный коллектив, в котором трудятся уникальные люди — и по своим профессиональным качествам, и по масштабу научных и культурных интересов и запросов, а также по огромному багажу жизненного опыта, который, кстати сказать, характеризует не только жизнь конкретного человека, но и всю страну.

Представляем возможность читателю самому познакомиться с личными воспоминаниями научного сотрудника НИОБиБ Александра Дмитриевича Сыщикова, посвященными годам его службы в БАН. Александр Дмитриевич Сыщиков (род. в 1937 г.) — научный сотрудник БАН, автор более 30 статей по истории книги, Санкт-Петербурга, русско-немецких связей, русской диалектологии. Участвовал в создании ретроспективных библиографических указателей по общественным наукам: «История дореволюционной России в дневниках и

воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах» (М., 1985–1986); библиографии «История Санкт-Петербурга — Петрограда, 1703–1917» (СПб., 2000–2005. Т. 1. Вып. 1–2; СПб., 2007–2013. Т. 3. Вып. 1–4) и по естественным наукам: «Вопросы эволюции органического мира: указатель отечественной и иностранной литературы» (Л. (СПб.), 1970–1996. Вып. 1–28); «Птицы СССР: библиографический указатель 1881–1917» (Л., 1972); Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (СПб., 1996–2005). Составил терминологический словарь «Лексика крестьянского деревянного строительства» (СПб., 2006).

От Алтая до Санкт-Петербурга, или О детстве и юности

Родился я в городе Барнауле, а в войну, когда нечем стало кормиться, мы отправились к деду с бабкой в деревню. Мать посадила нас, малышей, в сани, старшая сестра и младше меня на год брат, между нами всеми два года разницы, а сама — километров семьдесят-восемьдесят пешочком — шла рядом. Большая степная деревня, по обоим берегам реки. Река мелкая, это приток Бии, по-моему, река Еландинка. Деревня Еланда, по-татарски «змея». Там тьма ягод, дикая клубника, которой здесь никто не видел, а там всё красно. Степь — она не зеленая, а красная. Алтайский край, в ста километрах от города Бийска. Это Алтай, но ещё даже не предгорье, Алтайская степь. Горы я увидел на горизонте, уже уезжая оттуда, в виде синего облачка. Совершенно другая природа, богатейшая, нужно сказать.

Потом перебрались в Белоруссию, оттуда я уже попал в Ленинград.

Мой отец в юности коров пас, а ушёл на фронт добровольцем в первые дни войны заводелом культуры газеты «Алтайская правда». Дослужился до майора, в сорок третьем погиб под Смоленском. От прямого попадания бомбы, так было написано в похоронке. Мама умерла уже здесь, у сестры, которую отправили

работать после окончания текстильного института в Тверь, тогда Калинин, мама к ней перебралась, я к ним ездил часто.

По дорожке, протоптанной моей двоюродной сестрой, которая поступила в Ленинграде в Первый медицинский, я приехал и поступил в библиотечный институт (Ленинградский государственный библиотечный институт им. Н.К. Крупской. — *О.К.*). Обычно студенческие годы вспоминают как самое яркое время, а тут что вспоминать — в библиотечном институте бедно мы жили, в ночлежке. Общежитие было при институте, вход в дом — с Марсова поля, со стороны Суворова (памятник — *ред.*) крайнее окно — это наше общежитие, бывшие царские конюшни.

После окончания библиотечного института в шестидесятом году я был направлен по распределению в МГУ, только не Московский, а Мордовский госуниверситет, в Саранск. Распределяли по всей стране — вплоть до Хабаровска и Владивостока. Я в Саранске недолго выдержал, год примерно я там отбыл, и мои друзья переманили меня в Петрозаводск, в Карельский филиал Академии наук. Откуда с течением времени попал в БАН. Сначала я участвовал в работе, которая представляла собой свод документов, связанных с Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Понравилось мне в отделе. В нем работали люди разных специальностей: физики, биологи и другие. Физики даже составляли отдельную группу из трёх человек, они делали библиографию физическую.

Весной и осенью нас посылали на работу в колхоз. За две недели, что мы проводили в колхозе, люди превращались в некую объединённую группу. Картошка ещё плотнее связывает, чем поход. Ну а какие еще работы там были? Я, например, однажды держал корову за рога. Коровам делали уколы, а чтобы они не дергались и не бодались, их нужно было держать. Что меня они боднуть могли, это мало кого волновало. Прожив с пяти до четырнадцати лет в деревне,

я не помню, чтоб я держал коров за рога, не доводилось.

«Мои университеты»

В Саранске я однажды увидел на столбе объявление, что на заочное германское отделение филфака набираются студенты, и поступил заочно. А я, надо сказать, до библиотечного пробовал в иняз поступить. Учился я в провинциальной школе, в городе Кричеве Могилевской области, язык мне давался легко. Поскольку у меня уже был диплом, мне засчитывались многие дисциплины. Учил я, собственно, язык, ну и географию страны. Там были прекрасные преподаватели, в основном ссыльные москвичи и ленинградцы. Они так нас натаскали, что на госэкзамене я полтора часа говорил по-немецки. Сейчас я так не смогу. Пользуюсь языком для работы — у нас много мемуаров иностранцев, приехавших в Россию, среди них очень много немцев. Через год примерно меня мои бывшие сокурсники перетащили в Карельский филиал Академии наук, в Петрозаводск. Шесть лет заочное обучение, я два раза в год ездил из Петрозаводска в Саранск на сессию. Сурово. Помню, однажды весь вагон был так забит, шага не сделать. Общий вагон, Петрозаводск — Саранск. Десять часов стоя...

Петрозаводск и поездки на Соловки. Шестидесятые годы

Ранним субботним утром вышел на улицу, на улице — ни души, чистый прозрачный воздух, тишина, улицы все спускаются к Онего — так местные жители называют Онежское озеро. Такое чувство, что вода стоит выше нижних домов. Озеро как море. И такое же опасное. Когда там ходят байдарочники, как на Ладоге, можно перевернуться. Петрозаводск мне очень нравится. Там было много ленинградцев, выпускников ленинградских вузов, они так и осели там. Я сразу «попал к своим». Там я набирался библиографической премудрости, там была интересная форма работы, которая

помогла мне расширить горизонт. Там четыре филиала Академии наук: три естественнонаучных, четвертый — языка, литературы и истории. Мы должны были чётко знать тематику всех институтов, всех их сотрудников и по мере поступления раз в неделю информировать, если что-то есть по их тематике. Писать карточку и отправлять.

Там были два товарища, однокурсники Игорь Пономарев и Олег Стрелков, который стал министром культуры во время перестройки. А когда закончилась перестройка, он стал директором издательства «Карелия». Тоже неслабо. Там, среди прочих, работал заслуженный деятель науки Георгий Мартынович Керт. Он лопарист, изучал язык лопарей (саамов). Он органично вошёл в наш молодой коллектив, весёлый человек. По субботам зимой мы ходили на лыжах, возвращались, садились ужинать, пели песни под гитару. Были энтузиасты — вот Дмитрий (Михайлович. — *Ред.*) Балашов, автор исторических романов, лингвист, этнограф, за собственный счёт уехал в экспедицию на Белое море и написал книги: «Русские свадебные песни Терского берега Белого моря» [2] в соавторстве с Красовской и «Сказки Терского берега Белого моря» [3]. Закоренелый русофил, на лыжах ходил в тулупе, чуть ли не в валенках, подпоясанный веревкой, борода русая, трех на голове, с суковатой палкой вместо лыжной. Интересный человек. Приехал я тридцатого декабря шестьдесят первого года. А жили они тогда, ребята-товарищи, друзья мои в будущем, в девяти километрах от города, на берегу Онежского озера в Сайнаволоке — бывшая финская правительственная резиденция. Два двухэтажных деревянных дома. Прекрасное место, кругом сосновый лес. Утром нас автобус увозил в филиал на работу, вечером привозил. Если опоздаешь — пешочком. Прекрасно жили. Ещё лет пять-семь это жильё оставалось за филиалом Академии, мы туда ездили кататься на лыжах.

На Соловках я был в первый раз — шестьдесят четвёртый год. Разор там,

развал, испогащенный монастырь. И там, я помню, стояла ещё скамейка деревянная, на которой какой-то зек вырезал ножом: «проклятые Соловки». Когда был второй раз, конечно, уже этой скамейки не было. А зря. Мы там были с замечательным человеком, тогда просто архитектором карельским, выпускником Московского архитектурного, энтузиастом, Вячеславом Петровичем Орфинским — сейчас он академик архитектуры. Он набрал фото- и киноаппаратуры, сагитировал нас с Ириной (она была его сотрудником в «Карелпроекте»), и мы поехали туда, нагруженные, как ослики. Тяжеленная была тогда аппаратура, кондовая. Как мы, например, проводили время? Он нас потащил пройти по каналам. Там восемьдесят озёр соединены каналами. Облицовка до сих пор сохранилась с тех монашеских времен — лиственница, вертикально поставленная. Она не гниет, целёхонькая. Возвратились мы в три часа ночи, а в пять он нас поднимает: «Что вы валяетесь? Вставайте, посмотрите, какой восход над Святым озером».

После того как мы со Славой съездили на Соловки, я пристрастился к поездкам по Карелии, а там есть куда поехать, конечно.

Экспедиции и «Деревянный» словарь

Моя знакомая по Петрозаводску, Наташа Лесник, знала Александра Сергеевича Герда — тогда еще профессора кафедры русского языка в университете, с 1973 года заведовал кафедрой математической лингвистики. А он высказал пожелание, чтобы она нашла кого-то, кто интересовался бы «чисто мужской» темой деревянного строительства. Вот я и объявился. Первый год собирал в экспедиции то же, что они, на следующий, семьдесят третий год, занялся этой темой. Лет через десять у меня накопилось на книжку. Потом перестройка, никак было с этим не просунуться. Я уже было махнул рукой, но изменилась ситуация, и книга вышла. В 2006 году вышел словарь

«Лексика крестьянского деревянного строительства». Вот сколько лет она висела на мне. Когда Герд мне сказал, что он свой словарь пресноводных рыб делал восемь лет, я подумал: неужели у меня хватит терпения?

Ездил в диалектологические экспедиции с семьдесят второго года по восемьдесят шестой или восемьдесят седьмой.

Как-то я уезжал раньше (это было на Мезени), вывели меня всей группой на перекресток, сели ждать автобуса, а он ещё не известно, когда будет. И пока мы его ждали, Людмила Владимировна Зубова (*профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, лингвист, доктор филологии, исследователь поэтического языка Цветаевой. — О.К.*) сидела на лесной дороге и читала Цветаеву. Мы с интересом слушали.

Мы «охотились» за новыми книгами, искали их в деревнях, маленьких городах, везде. Из Архангельска, например, я привёз семнадцать книг, на последние, осталось только на билет... Сейчас бы уже этого не сделал, наверное. Прежде всего потому, что ставить некуда.

* * *

— Я до старости дожила, до смерти доживу ли?

— Глаза худы стали, темна вода в глазах стоит, не завидела, вид потеряла.

— У нас тут ягод овално.

— С горя не убится — горя не лишиться.

— Помани уповод, ужо излажу.

Уповод — это время, когда держат лошадей в поводу. С утра до обеда. Подожди до обеда, может быть, и сделаю.

Народ там удивительный, я вам скажу. За все пятнадцать лет я только несколько раз получил отказ, когда просился ночевать. Два раза это были пьяные мужики. Ещё раз, на Мезени, там жёстко — старообрядцы, никаких контактов с внешним миром. А меня туда привёз председатель. В дом попросились — не пускают. Ну, он завёл лодку и отчалил. Куда деваться?

Время к ночи. Там на улице не останешься, там комар до косточек обгложет. Я понимаю, что к утру меня не будет. Подложил рюкзак под голову и сел в сенах. На улице хозяйка гнать не стала. До утра я дождался.

Это были старообрядческие деревни, где жёстко. «У нас нету ничего» — и всё. Вплоть до того, что говорю: «вот у вас вода, бидон стоит с кружкой, выпиться можно?» — «Нет!» В остальных всё прекрасно. Накормят, утром чаёк из самовара, деньги не предлагать — «иди ты со своим рублем!» Конечно, беседа. В одной деревне, когда я уходил, хозяйка мне всё махала, махала. Пока я оборачивался и видел — махала... Приехал через три года — она меня не узнаёт. Не желает знать. Выяснилось потом, приезжали вербованные, сына убили у неё. Нечисть и шваль всякую, уголовников вербовали на лесоповал... А на Севере в праздники престольные, когда мужикам не хватало водки, магазин запирали просто на приставленную палку. Называлась «приставка». Значит, не ходи сюда — и не ходили.

А меня там князем опевали: «Ой ты батюшка, князь ты наш, Олександро Дмитриевич»...

Очень, очень тоскливо было наблюдать это исчезновение — мёртвые деревни или полумёртвые. Деревни в таком состоянии, особенно, я помню, на Мезени. Не умом понимаешь, а такая атмосфера висит над деревней, внемозговая, так сказать. Чувствуешь нутром, кожей — тоска. И если две недели назад ты рвался туда, то теперь ты рвёшься оттуда, чтобы больше не переносить это. Когда один. Если приезжаешь с кем-то, это стирается, меньше чувствуется. А одному никак. Так, во всяком случае, было со мной. Эти провалившиеся крыши, выбитые стекла. Брошенные дома. Сейчас это одичание от периферии подступает к городам. И не просто заброшенность — одичание населения. Красть стали. Стали картошку в деревнях раньше копать, потому что воруют. Сначала начали воровать ближе к городу, а теперь дошло

и до дальних мест. Там же работы-то нет. Только лесным или озёрным промыслом можно жить или уж красть у соседа.

* * *

Шеститомный «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (начал издаваться с 1994 г. В 2005 г. вышел в свет последний, 6-й выпуск. — *О.К.*) только при мне десять лет делался и потом добирался; материала было собрано столько, что ещё пять лет я ездил в экспедиции после этого словаря. Материала набралось уже на издание по теме «Духовная культура Русского Севера». Бесовщины всякой много, девушки пугались. Когда руководительница собирала их через неделю после приезда посмотреть, что они там набрали, — они, во-первых, материала много собрали, во-вторых, понаслушались от своих же сокурсниц, сидят вечером, читают карточки, им страшно, глаза круглые. Это же реально рассказывается, как Степаныч года три назад пошёл в лес лыко драть, идёт, идёт, смотрит, на выворотне (бурей вывороченное дерево) сидит девка в фляжи кумашной (то есть в кумачовой кофточке). И говорит:

— Дяденька, дяденька, дай мне крестик.

— Что ты, девка, я сам десять лет не ношу.

Тут она пропала. Это же реально.

Я сам видел женщину, которая заблудилась. Водил её бес. Ходила-ходила, пока не обратились к местной колдунье, я её видел тоже. Она её вывела. Родственники попросили. Тетка ходила, вся измоталась, ягодами питалась. Потом вдруг раз! — батюшки, вот дорога-то, сквозь ветки видна. Вышла на дорогу.

Не только человек ориентацию теряет, корову эта колдунья так же нашла. Вокруг одной ёлки ходит-ходит, не отходя дальше ни на метр от этого круга. Вытоптала дорожку, выбила копытами до вымени, а уйти из этого круга не может. Хозяева пришли, обратились к колдунье, она вывела — вот, идите туда, там она под ёлкой. Пришли, забрали.

Стою на остановке, подходит парень с собакой, собака хромая. «Что, — говорю, — ударились, что ли?». «Змея, — отвечает, — укусила, так укусила, что собака подыхала, уже разлагаться стала. Отнесли к бабке, она её заговорила, вот неделя прошла, ещё хромает немножко».

Всё это совершенно ещё не исследовано, это дело будущего.

Когда я подхожу к человеку, как правило, это мужчины, плотники, прошу: «Расскажите, как строить». — «А чего там рассказывать? Нарубил лесу да построил». А я начинаю тогда детально спрашивать, с самого низу, с фундамента, бревнышко за бревнышком. Он сам удивляется — много чего, оказывается, можно рассказать-то. Сижу как-то в Ярославской, беседую с парнем, плотником. Он говорит: «Вот этот дом ещё дед мой строил. Ему двести лет уже». Не деду, а дому. Потом спрашивает: «Зачем ты эту сбродню собираешь?». Значит, чушь всякую. Я отвечаю:

— Вот ты говорил только что, что дед построил твой дом.

— Ну.

— Ты можешь так построить?

— Да где мне!

— Вот затем я и собираю, чтобы люди знали, как деды-прадеды строили.

Пожар

Про пожар (произошедший в БАН 14–15 февраля 1988 г. — *О.К.*). Сначала был локальный пожар в газетном хранении, а пожарники его до конца не погасили. Залили и уехали. Несколько часов там тлело-тлело потихоньку, потом разгорелось и уже захватило основное хранение, то есть книги, иностранный фонд, семнадцатый — восемнадцатый века. Когда начался пожар, ночью, вызвали, естественно, начальство и нашу пожарную дружину. Валя Романенко (сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки), который в ней состоял, рассказывал, что первое, что он увидел, когда поднялся по лестнице, была река, горная река, которая неслась из хранения. Я оказался здесь

утром и увидел такую картину: перед зданием стояла толпа бановцев, пламени не было видно, из окон валил черный дым клубами. Рядом со мной оказалась Вера Платоновна Алексеева, сотрудница нашего отдела. Я увидел, что по лицу её текут слезы. Это на меня произвело сильное впечатление. Я как-то не задумывался тогда ещё о своём отношении к Библиотеке. А тут я увидел, что человек глубоко, искренне горюет. Она плакала, как о близком человеке. И тут началось... Сначала выгребали горы золы, пепла, грязи; через окна всё это выбрасывалось лопатами. Образовалась гора до второго этажа. Стали разгребать завалы, книги вытаскивать. Они мокрые все, всё было залито водой. Были установлены мощные ветродуи, многие книжки были розданы сотрудникам, они сушили дома утюгом. По всем отделам, во всех комнатах были натянуты веревки и на них развешаны книги. На лестнице стояли фолианты громадные. Потом, чтобы всё это мокрое богатство не начало плесневеть, это же быстро происходит, стали сушить там, где была какая-то сушка, или вымораживать: на мясокомбинатах, на хладокомбинатах. Нам выделяли пустые помещения, там минус двадцать, на улице плюс двадцать. Это так плохо переносится, что наш сотрудник, крепкий стройотрядовец, когда я к нему подошёл, спросил: «У тебя есть валидол?». Мне к тому времени тоже требовался валидол. Девочки наши нас тогда выручили... Здесь, во дворе Пушкинского Дома, была столярка, у них была сушильня для просушки леса, досок. Там доски — штабель — под потолок, до потолка — полметра, температура плюс шестьдесят. И мы в этой температуре должны были сушить газеты: разворачивать, раскладывать. Тоже очень сурово.

Экспедиция Отдела редкой и рукописной книги БАН на Вятку

Я попал в последнюю из экспедиций БАН, с тех пор их больше не было, похоже, что насовсем. Руководил экспедицией Александр Александрович («Сан

Саныч») Амосов (1948–1996; историк, археограф, доктор исторических наук, член Ленинградского и Северного отделений Археографической комиссии АН СССР, ведущий научный сотрудник Отдела рукописной и редкой книги БАН. — О.К.) из Рукописного отдела. Поехали мы в Кировскую область, в Вятскую губернию. Нас разбросали по области в разные районы. Собирали в основном книги, а от Отдела реставрации поехали в один из монастырей реставрировать книги и учить, видно, чему-то, хотя бы элементарно. Я до этого ездил в диалектологические экспедиции, там своя, конечно, специфика. Здесь ты имеешь дело со старинной книгой.

В Библиотеке делался ксерокс какого-нибудь из старообрядческих сочинений, и везли туда с тем, чтобы обменять. Бывало, что книги у них если не отреставрированы, то в очень скверном состоянии, тем более что часто они находились у людей с редуцированной уже или утраченной полностью верой. Книжки у них хранились где-нибудь в подвале или на чердаке. Если хозяйка соглашалась отдать, она принесёт эту пачку всю в паутине, шлепнет на стол — клубы пыли от этого. Откуда им знать ценность этих книг вообще? Оттуда мы привезли много — двенадцать больших картонных коробок из-под компьютеров, по-моему, где-то на почте эту тару раздобыли. Там же приходилось крутиться по части самоснабжения чем угодно. Везли на тележках, целое купе загромодили. С пустыми руками из экспедиций не возвращались никогда. Конечно, если столько сотен лет их писали, а потом печатали, так в каждой деревне залежи. Вот и говори о русской безграмотности после этого. Последняя рукописная тетрадка старообрядческая, которую я видел, написана карандашом с датой 1925 год. «На выщипание брады». Почему выщипание — не знаю. Наверно, по особой изощрённости врагов. Бывали и вклейки в книги XVIII века, уже печатные, целыми тетрадями рукописных страниц.

Найти можно было в самых неожиданных местах. Большая часть населения деревень переселилась уже в Вятку. Указали нам адрес, в новостройках на краю города, познакомились с бабушкой, довольно быстро выяснилось, что у неё есть несколько старых книг, рукописных. Она открывает в новой квартире антресолю, там у неё смертное, узелок. Вынимает этот узелок — гора до потолка этой антресоли пачек книг толстенных. Достала она одну, нам выдала. Это оказался богослужебник 1630 года. С прекрасной продолжающейся надписью на полях, красивой очень вязью некоего монаха. О том, что книга сия принадлежит такому-то, получена тогда-то от того-то. В прекрасном состоянии, видно, что отреставрирована. У них же свои мастерские самые разнообразные были когда-то, и мастерство переходило от отца к сыну. Прекрасная кожа, с медными застёжками, всё при всём. Она обещала нам на завтра что-то ещё. У нас денег с собой не было, «завтра привезем». А на следующий день вернулась дочь с дачи, и нам от ворот поворот. Ещё за несколько лет до нас были в книжных магазинах такие вещи. То есть сдавали, чтобы не валялось дома без толку, какие-то деньжонки получали. Но кто-то уже пронюхал, и, когда

мы приехали, ничего такого в магазинах не было. Это исчезало просто на глазах.

Воспоминания замечательного бановского эрудита, историка, переводчика и библиографа Александра Дмитриевича Сыщикова, записанные на магнитофон в 2007 г., углубляют представление об эпохе и придают биографическому ресурсу новые свойства — характеризовать уже не только человека и его действия (что важно для биографии), а то историческое время, в которое он живет. Тем самым личные воспоминания как биографический ресурс становятся более значимыми для изучения истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук / гл. ред.-сост. В.П. Леонов. Кн. 1–2. СПб., 2014. (Великая Россия: Российская биографическая энциклопедия. Т. 13–14).
2. *Балашов Д.М.* Русские свадебные песни Терского берега Белого моря / Д.М. Балашов, Ю.Е. Красовская. Л., 1969.
3. *Балашов Д.М.* Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970.

ПИТЕР УОТЕРС И БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК: ВСПОМИНАЯ ФЕВРАЛЬСКИЙ ПОЖАР 1988 г.

АННОТАЦИЯ

В феврале 2018 г. исполняется 30 лет со времени разрушительного пожара в Библиотеке Российской академии наук. В ликвидации его последствий важная роль принадлежит Питеру Уотерсу (1930–2003) — международному эксперту и Главному специалисту Отдела консервации Библиотеки конгресса. В статье представлен уникальный опыт по организации и спасению книжных фондов, пострадавших от стихийных бедствий, в частности от наводнения в Национальной библиотеке Флоренции (1966 г.) и от пожара в БАН (1988 г.).

Ключевые слова: Питер Уотерс, Шила Уотерс, Библиотека Российской академии наук, Национальная библиотека Флоренции, стихийные бедствия.

Поводом для настоящей статьи стали итоговые даты трагических событий в жизни двух крупнейших библиотек мира. Одно из них связано с 50-летием со времени наводнения 4 ноября 1966 г. в Национальной центральной библиотеке Флоренции (BNFC). Второе — с приближающейся датой 30-летия пожара 14–15 февраля 1988 г. в Библиотеке Академии наук в Ленинграде.

В обоих событиях по спасению книжных фондов ведущим экспертом и одним из главных действующих лиц стал Питер Уотерс (1930–2003). В первые дни после пожара он был приглашен по инициативе Арманда Хаммера в Библиотеку Академии наук. Его система «фазовой консервации» оказалась на тот момент единственным реальным способом спасти 3,6 млн поврежденных водой и огнем книг. В качестве первого необходимого шага Питер Уотерс предложил использовать технологию фазового хранения. Попытка оценить в устной или письменной форме его уникальный вклад в восстановление БАН всегда будет неполной. Питер Уотерс вошел в жизнь нашей Библиотеки настолько естественно и органично, что навсегда стал частью ее коллектива и ее истории.

Напомню краткие вехи его биографии.

Питер Годфри Уотерс родился 19 мая 1930 г. в графстве Суррей (Англия). В 14 лет он поступил в школу, где обучался переплетному делу, быстро постиг его азы и стал лучшим ее учеником. С 1945 по 1949 г. в Гилфордском колледже искусств Питер изучал переплетное дело под руководством Уильяма Мэтьюса. Затем он продолжил это обучение и увлекся графическим дизайном в Королевском колледже искусств (Лондон). Там он встретил Шилу Солт — авторитетного каллиграфа, с которой прожил в браке почти 50 лет. Они вырастили трех прекрасных сыновей: Джулиана, Майкла и Криса, которые подарили им четырех внуков.

По окончании Королевского колледжа искусств в 1953 г. Питер Уотерс преподавал переплетное дело и технику тиснения в Фарнамской школе искусств в Суррее. С 1955 по 1971 г. (до отъезда в США) он работал партнером Роджера Пауэлла, известного английского книжного переплетчика, отреставрировавшего «Book of Kells» — рукопись 800 г. н.э. Совместно с Р. Пауэллом Питер исследовал «Стоунхертское

Евангелие» — коптское рукописное Евангелие от св. Иоанна, датированное VII в. Они пересмотрели заключение специалистов о переплете редкой книги, предоставив убедительные доказательства того, что он был подлинный.

В 1966 г. от наводнения пострадала Национальная библиотека во Флоренции, был нанесен ущерб тысячам бесценных сокровищ. П. Уотерс пригласили в Италию, где он возглавил группу реставраторов из 120 чел. После лиссабонского наводнения 1967 г. он работал консультантом по реставрации в Музее фонда Гульбенкяна. Обобщив этот опыт, Уотерс написал одно из самых известных своих сочинений — «Методику спасения библиотечных материалов, поврежденных водой». Этот труд был переведен на испанский, французский и японский языки.

П. Уотерс 24 года (1971–1995) проработал в Отделе консервации Библиотеки конгресса в должности Главного специалиста по консервации, был членом Консультативной комиссии по сохранению национального архива США, а также Консультативной комиссии по сохранению Хартии вольностей. Он входил в состав советов Международного института консервации и Американского института консервации исторических и художественных ценностей, занимал ряд ответственных должностей, связанных с восстановлением коллекций, пострадавших от огня или воды...

В 2016 г. в издательстве «The Legacy Press» к 50-летию наводнения во Флоренции вышла книга «Waters Rising: Letters from Florence» [1]. В ней содержится переписка Питера и его супруги Шилы Уотерс, которая велась на протяжении многих месяцев после наводнения. Его письма, около 50, были главным дневником и теперь стали достоянием общественности. Помимо переписки, в книге свыше 280 фотографий поврежденных фондов и процедур их

восстановления. Предваряет издание обстоятельная вводная статья о личности Питера Уотерса и его деятельности по сохранению книжного наследия, написанная заведующим Отделом сохранения Марриот библиотеки Университета Юта (США) в Солт Лейк Сити Рэнди Силверманом (р. 2–20).

Презентация книги, сопровождаемая лекциями и выступлениями Шилы Уотерс, проходила в течение всего 2016 года на конференциях Американского института консервации в Монреале (Канада), затем в Нью-Йорке, Мичиганском университете и Калифорнийском университете (Лос-Анджелес, Малибу).

* * *

Приведу некоторые, особенно запоминающиеся, фрагменты из выступлений Шилы Уотерс [2].

В пятницу днем 25 ноября 1966 г. Питеру (они жили в Лондоне) позвонил Говард Никсон (Howard Nixon), хранитель коллекции печатных книг библиотеки Британского музея. С Никсоном связался директор BNFC Эмануэло Кассамасима, которому срочно нужны были рекомендации по восстановлению более чем 110 тыс. сильно поврежденных водой редких печатных изданий XVI–XVII вв. В их число входили 90 тыс. томов из коллекций Палатинской библиотеки (Palatina) и Мальябекианы (Magliabechiana) — главных источников по европейской науке, составляющих ядро библиотеки.

Надо подчеркнуть, что Говард Никсон хорошо знал работы Питера. Когда ему был всего 21 год, Никсон заказал переплет для выставки «Le Livre Anglais» в Париже в 1951 г. Для этой цели Питер возродил традицию переплета со слепым тиснением, восходившей к периоду до XV столетия, и Никсон приобрел книгу для постоянной коллекции Британской библиотеки.

Понимая важность звонка Э. Кассамасима, Г. Никсон срочно попросил Питера пригласить еще двух коллег и вылететь во Флоренцию уже на следующий

день! Тони Кейнс (Tony Cains), квалифицированный частный переплетчик и Дороти Кампстей (Dorothy Cumpsteu), преподаватель-эксперт переплетного дела смогли оставить на время все дела и полететь с ним. Трое прибыли во Флоренцию, захватив резиновые сапоги, и без какого-либо толкового объяснения были размещены в Форте ди Бельведере в ожидании очередной партии заплесневелых или высушенных книг.

В Форт на грузовиках с зерновых и табачных сушильных заводов Италии ежедневно доставлялись книги. Влажные, загрязненные, они сушились навалом и неминуемо многие еще больше пострадали от повышенной температуры. В Форте рабочие условия были некомфортабельные: не было отопления, не хватало воды, студенты-волонтеры занимались соскабливанием засушенной грязи с книг.

Кроме того, студенты-волонтеры все еще продолжали выкапывать книги из цокольного этажа BNCF, вытирая излишки грязи влажными губками. За три недели после наводнения свыше 400 грузовиков книг было отправлено на сушильные заводы и электростанцию.

В статье «Book restoration after Florence floods» Питер описывает их состояние:

«Несмотря на хорошую внешнюю очистку перед сушкой и мудрое руководство директора в самом начале, чтобы ни одна из книг не была открыта до прибытия на сушку, многие из них, по прибытии на Форт, имели сходство с абстрактными скульптурными формами. Обложки из пергамента и кожи были изуродованы и сморщены. Книгохранилища в библиотеке имели в каждом конце особые проходы, вследствие чего переплеты из пергамента, хранящиеся изначально в концах книгохранилищ, прогнили, по ним текла вода, которая с пергаментом образовывала клеящую массу.

Другие обложки книг, испорченные смесью из грязи, опилок, масла и плесени, были забиты желатином, грязью и древесными опилками.

Для сушки в сушилках с подогревом книги стояли вертикально, давая воде и желатину стечь. В проемах между секциями концентрация желатина делала их хрупкими. Обложки, которые были наспех сорваны, повлекли за собой разрыв корешков тетрадей. Вода ускорила и повреждение тетрадей.

Корешки книг начала XVI века пострадали меньше, потому что были склеены преимущественно крахмальной пастой, а не клеем. Листы книг, переплетенные мягким пергаментом, выдержали наводнение лучше, чем большинство других» [3].

Это стало важным открытием, поскольку вело к разработке процедур бесклеевой технологии переплета из мягкого пергамента.

Через четыре дня, после приезда команды Питера, состоялось совещание с руководством города. Оказалось, что после сухой чистки у руководства вообще отсутствовали планы на будущее. В таком состоянии книги будут недоступны для читателей на неопределенное время. Питер выслушал их рассуждения и предложил свой вариант: разработать конструктивный план по сухой чистке, тиснению, промывке, сушке и прессовке на специальной установке. Несмотря на внутреннюю оппозицию, директор Э. Кассамасима поддержал британскую команду и план Питера.

Было решено, что вся серия операций будет выполнена в самой библиотеке.

В течение ноября 1966 года около ста еще необученных студентов работали круглосуточно по восемь часов в смену. Они очищали книги большого формата, причиняя порой больше им вреда, разделяя на листы, пока они были влажными — техника, которая обычно требует большого навыка. Команда Питера взяла на себя труд по обучению студентов новой системе очистки (не во влажном состоянии, а после того как высушенные книги были разделены на тетради).

С ноября 1966 г. до апреля 1967 г. Питер оставался во Флоренции. Дома

в Лондоне Шила стала связующим звеном между переплетчиками и реставраторами. Вот как Питер описывает эту работу:

«Стало ясно, что нужно очень много дополнительной помощи, и мы обратились к британским реставраторам и переплетчикам, в частности к тем, кто имел возможность обучать работающих в Форте.

В последующие месяцы более 40 человек прошли обучение продолжительностью от двух недель до нескольких месяцев. Команда экспертов включала членов отдела Stationery Office Bindery Британского музея и самых известных частных реставраторов, переплетчиков и преподавателей переплетного дела в Британии.

Этот поток помощи был организован Говардом Никсоном и поддержан «British Italian Art and Archives Rescue Fund», чье главное усилие во Флоренции сконцентрировалось на BNCF. Время от времени к команде присоединялись реставраторы из многих других стран.

Консультации по химическим вопросам давали специалисты исследовательской лаборатории Британского музея в сотрудничестве с Институтом патологии книги в Риме».

Затем Питер описывает сделанные им приготовления с декабря 1966 г. по март 1967 г. для переезда в BNCF. Стало ясно, что экспертный отбор для подходящего «лечения» понадобится для каждой книги. По его просьбе Роджер Пауэлл, которому в то время уже исполнилось 70 лет, приезжает во Флоренцию в начале декабря, чтобы сосредоточиться на этой квалифицированной работе и обучить большее количество экспертов по отбору. Питер так описывает процесс:

«Перед тем как книга входит в систему реставрации, она должна быть паспортизирована в соответствии с ее ценностью и последующим лечением, в котором она нуждается. В течение нашей первой недели в Форте для студентов была разработана схема процесса транспортировки книг и обращения с ними.

Например, помета «OK» (okay) показывала, что студент мог обращаться с книгой, в то время как международный дорожный знак «Stop» свидетельствовал, что она была очень ценной и предназначена для передачи специалисту.

Вначале эти обозначения были написаны на листках бумаги, теперь имеется подробная печатная карточка и фотографии оригинального переплета с важными дополнениями и указаниями по его реставрации».

Питер завершает описание существенным заключением:

«Эти обозначения защищают от соблазна сделать систему важнее книг, которые поступают в нее».

Далее Шила Уотерс добавляет, что в течение мая 1967 г. она разработала структуру картотеки, рисовала обозначения и писала все формулировки простым, четким, разборчивым почерком. Их можно воспроизводить в печати тысячами, причем одна карточка была на английском языке, другая — на итальянском.

«По воскресеньям, — вспоминает Шила, — Питер фотографировал поврежденные книги, его персональная коллекция слайдов насчитывала 1100 снимков. Он настаивал на том, что, прежде чем начать лечение, следует фотографировать каждую книгу. Меньше чем за два года около 50 тыс. томов, чтобы сохранить свою историю возрождения, были сфотографированы».

Далее шло описание фактических процессов лечения. Первым была очистка.

«Насколько возможно удаляется запыленная грязь с помощью сгибания краев, и остаток отслаивают шпателями и острыми лезвиями.

Затем книга детально сличается с описанием, а секции (блоки, тетради) разделяются осторожным срезанием от корешка. Обложки, капталы, тетради, нити, фрагменты, учетная карточка и т.д. помещаются в конверты и каталогизируются. Тетради готовятся для мытья путем прокладки влагоустойчивой бумагой. Рисунки ручной раскраски

защищаются там, где было необходимо, 3%-ным раствором растворимого нейлона в спирте».

Потом следовали влажная очистка и сушка.

«Каждый лист на плавающей деревянной доске очищается отдельно мягкой щеткой в теплой воде, содержащей насыщенный раствор топана (2-гидроксидифенил). Потом следует бережное сжатие целой книги, которая прессуется для того, чтобы убрать остатки жидкости. Отбеливание и изменение размеров осуществляется при необходимости.

Для просушки на электростанции тетради развешивались на териленовых веревках, а в Библиотеке — раскладывались ровно на тележках в специально сделанных и автоматически контролируемых сушильных шкафах. Окончательное сличение производится библиотечарем, и затем книга заворачивается для последующего хранения».

Шила добавляет, что Сэнди Кокерелл, инженер, известный частный переплетчик и реставратор рукописных книг, был главным консультантом по дизайну и изготовлению больших сушильных шкафов, тележек и стеллажей и тесно работал с Питером во время своих нескольких приездов во Флоренцию.

Статья Питера продолжается описаниями новых реставрационных и переплетных зон, созданных в Главном читальном зале. Это был беспрецедентный случай в Национальной библиотеке страны!

«Несмотря на то что первоначальным намерением было отправить подготовленные книги переплетчикам по всему миру для реставрации и переплета, к апрелю 1967 г. стало очевидным, что это было бы неосуществимо, главным образом из-за широкого разнообразия стандартов и невозможности установления должного контроля.

Поэтому было решено, что реставрацию следует проводить в самой Библиотеке. Реставрационный отдел для размещения в Главном читальном зале Библиотеки

был обустроен на 30 рабочих мест для сотрудников (максимальное число, для которых можно было найти рабочее место и заработную плату), по крайней мере, на год. Все было завершено в августе 1967 г., и начато обучение по пять сотрудников в неделю.

Методы реставрации разрабатывались, исходя из объемов работы и содержания бумаги».

Шила Уотерс отмечает, что когда она работала во Флоренции в течение пяти недель, Питер разработал реставрационные схемы, а она рисовала планы для их конструкции. Каждый блок имел маленький световой короб, вставленный в рабочий стол, и места для их хранения.

Они провели во Флоренции девять месяцев, и Шила с удовольствием наблюдала, как устанавливались и организовывались рабочие места в Читальном зале.

Мы, вспоминает она, оставили нашего младшего сына Криса у его бабушек в Англии, а с собой взяли Джулиана (10 лет) и Майкла (7 лет). Мальчики наслаждались изучением всей библиотеки и особо подружились с одним электриком, которого они прозвали «Sparks» (Искра)!

Отдел реставрации печатных изданий, с последующим сектором для химического анализа, примыкал к Главному читальному залу. Работа велась под руководством Уильяма Баустеда, главного консерватора Национальной художественной галереи в Сиднее. Финансировало ее правительство Австралии, а Уильям обучал рабочих реставрации печатных изданий.

После октября 1967 г. Питер Уотерс передал техническое руководство системой реставрации Тони Кейнсу. Работа финансировалась в течение трех лет Американским комитетом по спасению итальянского искусства (CRISA — Committee to Rescue Italian Art). Вернувшись в Англию, Питер возобновил сотрудничество с Роджером Пауэллом.

Мечта о создании международного учебного центра в BNCF, о котором говорили в начале, не была осуществлена из-за недостаточного финансирования и

отсутствия опытных реставраторов. Вместе с тем, опыт BNFC дал стимул для формирования новой профессии «библиотечный консерватор» и осуществлен в Библиотеке конгресса.

«Питеру, — пишет Шила, — было поручено создание в Библиотеке конгресса большого комплексного Отдела консервации практически с нуля. С 1969 по 1971 г. он ездил из Англии в Библиотеку конгресса 10 раз, пока семья окончательно не эмигрировала в Соединенные Штаты». В течение последующих двух лет он смог убедить кураторов Библиотеки конгресса использовать предложенные им термины «фазовая консервация», «превентивная консервация» вместо традиционной отправки отдельных изданий в помещение для переплета. Как известно, с тех пор по всему миру были созданы лаборатории консервации, многие из них управлялись и укомплектовывались консерваторами, прошедшими обучение в Библиотеке конгресса, а позже и в других центрах.

Трагедии и катастрофы часто выявляют лучшие человеческие качества, и наводнение во Флоренции тому пример.

Питер Уотерс ушел из жизни в 2003 году в возрасте 73 лет от мезотелиомы. Он привнес уникальный опыт мастера-ремесленника в широкий мир библиотечной консервации и использовал то, что называл «думать около» («sideways thinking») при решении проблем. Он не исключал, что необдуманное лечение может принести больше вреда, чем пользы.

«Для меня большая честь, — отмечает в заключение Шила, — что я также принимала активное участие в этой важной работе».

Обстоятельная рецензия на цитируемую мной книгу была опубликована специалистом по консервации Отдела обучения консервации Библиотеки конгресса Мэри Ойе [4].

* * *

Вернемся теперь к ленинградскому пожару 14–15 февраля 1988 года.

В 2005 г. в издательстве Библиотеки РАН вышел в свет сборник работ, посвященный памяти Питера Уотерса по вопросам сохранности библиотечных и архивных материалов [5]. Центральное место в нем занимают материалы по ликвидации последствий пожара.

Считаю, что сегодня, особенно после трагедии 2015 года в библиотеке ИНИОН, публикация Питера Уотерса «От Флоренции до Санкт-Петербурга: поучительный и наводящий на размышления опыт» [6] продолжает оставаться чрезвычайно актуальной. Привожу ее текст:

В этом году, 4 ноября исполняется 29 лет со времени флорентийского наводнения 1966 г. Что касается меня и многих моих коллег, участвовавших в организации реставрационного центра в Национальной библиотеке Флоренции, то это событие заставило многих из нас еще раз серьезно осмыслить сферу нашей профессиональной деятельности.

Вскоре после моего назначения в Библиотеку конгресса на должность руководителя службы сохранности передо мной встала задача подготовить первый вариант «Методики спасения библиотечных материалов, поврежденных водой». Это было вызвано последствием урагана «Агнесса», нанесшего урон нескольким коллекциям. Работа вышла через три недели, и я хорошо помню чувство неудовлетворенности, которое она у меня вызвала. Я сознавал, что осталось много нерешенных вопросов, касающихся методики эвакуации огромных массивов библиотечного материала с места бедствия, их сушки и содержания в определенном порядке во избежание хаоса. Для всего этого у меня не хватало опыта. Поэтому все, что оставалось, это употребить здравый смысл, следуя примеру моей матери, которая сушила одежду в морозный день на улице, и преподать некоторые уроки из того, о чем мы узнали во Флоренции.

Теперь общепризнано, что флорентийское наводнение явилось поворотным пунктом в развитии сохранности библиотечных фондов. На основе опыта,

полученного при восстановлении сильно поврежденных коллекций редких книг Национальной библиотеки, разработан ряд методов и подходов к консервации, которые перенимаются и используются многими учреждениями. (За подробной оценкой флорентийского опыта читатель может обратиться к докладу, сделанному мною в Харрогейте на собрании Британской библиотечной ассоциации).

Национальная библиотека размещается через улицу от реки Арно. То обстоятельство, почему много ценных коллекций хранилось ниже обычного уровня реки, остается загадкой. После того, как римляне уничтожили естественную систему лесов, окружавших флорентийский бассейн, город пережил множество наводнений. После обильных дождей поднимался уровень воды, вся ее сила и объем, проходя по реке, сдерживались лишь узкой аркой Понто Веккио.

Подвалы наполнялись речной водой, грязью и другими отходами до уровня в 16 футов. Переноска книг в такой ситуации стала кошмаром для библиотечной администрации. Книги на другие этажи читальных залов перемещались студентами, где потом пересыпались опилками и складывались друг на друга на высоту человеческого роста. Затем их, в пачках, передавали по живой цепочке в армейские грузовики, где их опять укладывали и развозили по различным сушильным установкам, включая электростанции, кирпичное и табачное производства. Доступных холодильных или вакуумных морозильных установок для сушки не существовало, а если бы они и были, то вряд ли кому-либо пришло в голову ими воспользоваться. (Следует помнить, что в Европе не применялась практика хранения поврежденных коллекций в холоде или их сушка при помощи вакуумных систем.)

Нет никаких сомнений в том, что способ, которым книги вывозились из здания, и последующие методы сушки при высокой температуре способствовали их повреждению, и в результате тратилось много времени и средств на их реставрацию.

Изданий до 1840 г. было повреждено приблизительно 430 тыс. томов. Сегодня, 29 лет спустя, реставрационные работы еще не закончены. В них нуждаются около 15 тыс. томов, большая часть которых промыта и упакована в грубую оберточную бумагу и по этой причине до сих пор недоступна для читателей.

В прошлом Национальная библиотека пережила два главных бедствия: первое — само наводнение, второе — результат способов перевозки и сушки коллекций. Это был «классический случай», когда необходимость вывезти и высушить материал как можно быстрее преобладает над заботами об их последующей реставрации. Тем не менее флорентийский опыт дал участникам ликвидации последствий наводнения ряд рекомендаций, в том числе: 1) никогда не пытаться вывозить книги из пострадавшего хранилища, пока нет хорошо продуманного плана действий; 2) никогда не складывать влажные книги друг на друга; 3) укладывать книги в контейнер корешками вниз, чтобы их можно было вынимать руками, не нанося физических повреждений; 4) обеспечивать максимальный контроль за всеми рабочими; предоставлять им время для отдыха и восстановления сил.

Первым большим пожаром, с которым мне и моему коллеге д-ру Роберту Маккомбу (Robert McComb) пришлось иметь дело в качестве представителей Библиотеки конгресса, был пожар в Юридической библиотеке Клейна (1978) — событие поистине чрезвычайное. Казалось, директор библиотеки пребывал в состоянии длительного шока. После нашего появления на рабочем месте спустя 72 часа после начала пожара мне удалось получить копию планов этажа с коллекцией редких книг и ее местоположения в здании. Мы спросили у него, контролируется ли ситуация в целом? Он предложил нам проверить самим. Увидев полностью выгоревший главный читальный зал, мы были поражены, обнаружив полное бездействие. Когда мы попросили его показать нам собрание редких книг, которое размещалось под бетонными балками пола разрушенного главного

читального зала, он сказал, что не собирался входить туда, по крайней мере, до ближайшего понедельника.

В тот же вечер, в пятницу, к нам присоединился наш коллега Уильям Спон (William Spon) и благодаря его тактичным, но настойчивым уговорам директор предпринял шаги к тому, чтобы открыть дверь подвала. Перед нами предстало на редкость удивительное зрелище. Как и следовало ожидать, книги с нижних полок были сброшены, но те, что там оставались, были покрыты плесенью толщиной по меньшей мере в полсантиметра. Можно себе представить, как бы она разрослась, если бы дверь оставалась закрытой еще три дня. Пока организовывалась группа для переноски коллекций в установки хранения в холоде были приняты меры по доставке оборудования для стабилизации условий. Это было сделано в течение следующих двух недель — переписанные тома передавались по живой цепочке через узкое окно, выходящее прямо на мостовую, где они по отдельности заворачивались в специальную бумагу для последующего вымораживания, нумеровались, упаковывались в коробки и отправлялись в холодильник. Так мы пытались на практике применить некоторые положительные уроки, полученные во Флоренции!

За последние 30 лет я был привлечен к работе по ликвидации последствий наводнения во Флоренции, затопления музея Гульбенкяна, пожаров в Юридической библиотеке Клейна, в Центре военных документов, Центральной публичной библиотеке Лос-Анджелеса и Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге (1988). Случившееся в Юридической библиотеке Клейна представляет собой пример потенциальной угрозы поврежденным коллекциям со стороны администраторов, видимо, испытавших потрясение и поглощенных эмоциями. Поэтому они были не в состоянии принять правильные решения или начать что-то делать, пока их не вынудила к этому профессиональная оценка потерь, с которыми

им пришлось бы столкнуться, если бы они бездействовали.

Тот факт, что обширная плесень выросла за 72 часа, предполагает, что окружающая среда помещения, существовавшая до пожара, содействовала скорости ее роста и распространения.

Это наводит на подозрения о причине пожара. Вся библиотечная коллекция была застрахована. Строилось новое библиотечное здание, примыкавшее к старому. Администрация хотела сменить старое здание на новое, но городские власти отказали ей. Пожар мог быть делом рук поджигателя, может быть, кого-то еще, кто был сторонником переезда в новое здание, но как бы то ни было, старое здание, столь жестоко пострадавшее от огня, было наконец снесено!

Пожар в Центре военной документации в Сент-Луисе (1976) был, конечно же, делом рук поджигателя и очень заинтересовал Библиотеку конгресса, поскольку корпус Джеймса Медисона, находившийся тогда в процессе строительства, по своим размерам похож на здание в Сент-Луисе. В результате изучения имевшихся сведений в проект корпуса Медисона были внесены изменения, касающиеся объема канализации первого этажа; это также помогло разрешить тогдашний спор и, как проявление здравого смысла, установить противопожарную систему. Пожар в Центре военной документации можно было предотвратить или уменьшить его разрушительную силу, если бы все следовало рекомендациям начальника пожарной команды. В течение ночи предлагалось регулярно патрулировать все здание. Как предположение, некоторые свидетели не исключают, что в ночь пожара лица, ответственные за ночное патрулирование, играли в подвале в карты и уже было слишком поздно, чтобы воспрепятствовать главному очагу возгорания на шестом этаже здания. Тысячи документов были полностью уничтожены, а несколько миллионов повреждены огнем и водой.

Стоянка автомашин стала промежуточным местом для распаковки изданий

и отправки их на сушильные установки. Большая часть сушки осуществлялась поблизости на мощностях фирмы «MacDonnel Air and Space», но, поскольку основную часть коллекций представляли записи на бумаге, не было сделано никаких попыток применить вакуумную сушку с замораживанием. Взамен использовались импульсные сушильные системы: документы помещали в вакуумную камеру и снижали давление в течение двух часов, затем камеру открывали и снова на два часа в нее подавался воздух с очень низкой влажностью. Цикл повторялся до тех пор, пока материал не высохал.

Пожар в Центральной библиотеке Лос-Анджелеса тоже явно был работой поджигателя, устроившего еще один пожар три недели спустя после первого и оставившего сообщение в книгохранилище: «Не поймали в первый раз, не поймаете и сейчас» или что-то в этом роде. Мало что можно противопоставить решившемуся на все поджигателю, кроме усиления мер безопасности, установки и содержания в исправности огнестойких перегородок с надежной противопожарной системой вместе с датчиками и телекамерами для определения размеров пожара и слежения за ним.

Пожар уничтожил несколько тысяч томов, 750 тыс. книг было повреждено огнем и водой. Библиотеке была оказана немедленная помощь компанией по восстановительным работам — их много в Соединенных Штатах, но не все они одинаково эффективны. Книжки подготавливали для стабилизации в холодильных установках с тем, чтобы позже высушить их высокотехнологичными методами.

Администрация распространила сообщение, что материал будет высушен по технологии вакуумной сушки при низкой температуре. В течение последующих двух лет перед тем, как приступить к сушке, сумма арендной платы только за содержание материала в охлаждаемых хранилищах вплотную подошла к миллиону долларов. Администрация библиотеки сочла целесообразным просушить все

издания, пусть даже окажется, что большая часть поврежденной коллекции могла быть заменена. Интересно, что критики в адрес предпринятых мер было мало, хотя руководству потребовалось более девяти месяцев для подготовки ходатайства о стоимости контракта на сушку.

Салли Бьюкенен (Sally Buchanan), Дональд Этерингтон (Donald Etherington) и я были приглашены Библиотекой в качестве консультантов, и по нашим рекомендациям для сушки был избран вакуумный метод с последующим замораживанием. Кроме нас, были привлечены две компании, предлагавшие одна — вакуумную сушку с замораживанием, а другая — сушку с помощью специальной воздушной системы. Я изучил результаты этих методов после того, как книги вернулись в Библиотеку. Оказалось, что книги, высушенные только воздухом, «чувствовали» себя хуже высушенных в условиях вакуума. По совету Салли Бьюкенен сотрудники Библиотеки решили поместить обратно на полки большую часть книг, возвращенных из сушильных установок, несмотря на то что некоторые из них являлись «полными инвалидами». По-моему, это был правильный совет, поскольку позже Салли объяснила, что это являлось формой фазовой консервации. Когда читатель находил непригодное издание, администрация либо заменяла его, либо оплачивала расходы на восстановление.

В 1988 г. один из крупнейших в мире пожаров обрушился на Библиотеку Академии наук СССР в Ленинграде — ныне это Библиотека Российской Академии наук (БАН) в Санкт-Петербурге. Она была основана Петром Великим в 1714 г. и за свою историю пережила, по меньшей мере, два пожара. Во время блокады Ленинграда Библиотека работала все 900 дней и ночей; половина ее сотрудников умерла тогда от истощения и сопутствующих болезней.

Отмечу, что некоторые библиотечные здания уязвимы для большого бедствия. Представители властей обычно ищут виновников катастрофы и в редких случаях

приводят факты для оправдания своих нападок. Состояние здания перед бедствием может быть таково, что возникновение реальной катастрофы является лишь вопросом времени. Так, видимо, случилось и с Библиотекой Академии наук, но с двумя важными исключениями. Форма здания в виде вытянутой буквы «U» и строгое соблюдение правил закрытых пожарных выходов препятствовали общему разрушению всего строения, ограничивая огонь внутренней секцией, выходящей во двор. Доступ пожарных к зданию со двора стал ключевым фактором в борьбе с огнем. Пожар спонтанно вспыхнул в двух разных местах на третьем этаже, что дает все основания считать оба возгорания умышленными. Незадолго до пожара Библиотеке было отказано в установке противопожарной системы, отсутствовала и система обнаружения задымления.

Через три дня после пожара с директором Библиотеки В.А. Филовым случился сердечный приступ, возглавил работу его заместитель д-р Валерий Леонов. В деле помощи восстановления БАН мне выпала честь представлять Библиотеку конгресса. Во время своих посещений БАН за последние примерно шесть лет я без всяких колебаний утверждаю, что д-р Леонов со своими сотрудниками разработал наиболее эффективный восстановительный процесс из всех, что я видел, организованный в самых тяжелых обстоятельствах, под постоянными испытующими взорами тех, кто ищет виновных.

Существует ряд видимых сходных черт между управленческими качествами директора Национальной библиотеки во Флоренции и директора Библиотеки Академии наук. Оба они столкнулись с необходимостью принятия решений по вопросам, в которых прежде не имели никакого опыта, и оба прошли через испытания, которые я охарактеризовал бы следующим образом:

– степень человеческой реакции и ответные действия на нее в условиях стресса;

– мера ответственности руководителя, который в состоянии или не в состоянии владеть ситуацией, способен отделить порядок от хаоса и имеет силу и мужество действовать решительно, без страха и взаимных упреков в будущем;

– использование современных методов определения оценки потерь и поврежденных; создание плана действий, влияющего, в конечном счете, на издержки по восстановлению, замене и реставрации;

– ситуация, в которой руководство может разработать стратегию, чтобы справляться с неуместными, привлекающими внимание и просто неверными сообщениями в прессе;

– степень решимости и сила характера, несмотря на негативную критику тех, кто стремится найти виновных в катастрофе;

– методы, использованные для подготовки и высушивания материала, и готовность администрации открыто делиться опытом восстановления с теми, кто заинтересован в разработке планов подготовки к бедствиям.

Библиотекари и архивисты, пережившие большое бедствие, знают, что на самом деле происходит после шока. Можно ощущать и выражать гнев, расстройство, чувство крайней безнадежности, полную потерю самоуважения, просто страх и, кроме всего, панику. После этих первоначальных эмоций наступает время размышлений, осознание того, что есть работа, которую необходимо сделать, и тогда возникает план действий. Может быть, именно благодаря тяжелым испытаниям, выпавшим на долю наших русских коллег во время Второй мировой войны, они оказались более подготовленными, чем ожидалось? Я почти не видел шока и гнева непосредственно после пожара — только профессиональную решимость наилучшим образом справиться с ситуацией.

Сразу же после бедствия следует стремительная атака со стороны средств массовой информации: они могут не заботиться о том, какого рода сведения способны раздобыть, лишь бы они

были важны и сенсационны. Эти люди часто пытаются найти очевидцев, многие из которых могут быть совершенно измотаны круглосуточной работой. Столь тяжёлые обстоятельства — не лучшее время для правдивой информации.

Первая оценка того, что утрачено и повреждено, может быть преувеличенной или заниженной. Столько неразберихи, не говоря уже о напряженной работе, просто визуального и физического впечатления от разрушений — все это затуманивает рассудок. Имеет место естественная человеческая реакция, она понятна, но очень редко понимаемая другими.

Большая часть вышесказанного относится к ситуации, с которой столкнулся коллектив БАН. С самого начала нашлись такие люди, которые настаивали на полной инвентаризации утраченных и поврежденных томов прежде, чем была обеспечена помощь международных организаций. Подготовка полной описи потерь сразу после пожара невозможна и недостойна тех, кто на ней настаивал, поскольку это может отнять несколько лет, особенно, если, по опыту БАН, имелись книги и газеты, остававшиеся на хранении в холодильных установках в течение двух лет после пожара. Кроме того, имелось большое количество книжных фрагментов, нуждавшихся в идентификации и присоединении к соответствующим оригиналам — долгий и утомительный процесс, который требует годы для своего завершения.

Появились подозрения относительно отсутствия печатного каталога, что ряд материалов мог быть украден или уничтожен. При подобном положении единственно приемлемым решением было бы сравнение печатных каталогов библиотек по всему миру. Обнаружилось, что ни одна библиотека не застрахована от вандализма и воровства и не может предложить каталог, где были бы отражены все фонды. Это справедливо и по отношению к Библиотеке конгресса, которая, как видно из опубликованных отчетов о вандализме и воровстве и мерах противостояния им, переживает

подобное на своем опыте. (См. статью в «Вашингтон пост» за 17 августа 1995 г. «Расследование воровства в Библиотеке конгресса нарацивает обороты?»)

В настоящее время БАН завершила документальную проверку, составила списки утраченных и поврежденных изданий и в течение этого длительного процесса создала несколько передовых технологий. Сюда входит уникальная система сушки, при которой небольшие замороженные пачки книг заворачиваются в жилеты, наполненные опилками; затем их помещают на полки в помещении с окнами, оборудованными большими нагревателями, подающими воздух и регулируемыми процесс сушки. Во время процесса применяются различные циклы подогретого воздуха и осушения. В результате создается режим *rain forest* (лес под дождем) внутри обернутых книг, способствующий равномерному их высушиванию. Возникает малая деформация книг, при которой не происходит роста плесени; вода испаряется из книжных пачек. На вид этот метод кажется низкотехнологичным, но он был разработан большой группой талантливых специалистов по бумаге, связанных с БАН, и дал хорошие результаты. Они также создали систему фумигации на основе формальдегида и двуокиси углерода для обработки помещений, наполненных влажными книгами. Только около 10% из 3,5 млн книг поврежденной коллекции могли быть помещены в холодильные установки. Оставшиеся 90% были высушены либо прямо на месте, либо читателями — жителями Санкт-Петербурга.

Совместные усилия Библиотеки конгресса и БАН были сконцентрированы на сильно пострадавшей иностранной коллекции редких книг, известной как фонд Бэра. Из оригинального собрания примерно в 510 тыс. томов, изданных в XVII–XIX вв., 180 тыс. экземпляров сильно пострадало от огня и воды. Не уцелел почти ни один кожаный корешок, около 6 тыс. томов были полностью уничтожены. Я посчитал, что для завершения реставрации оставшихся 172 тыс. томов потребовалось бы,

по меньшей мере, двадцать самых опытных консерваторов для работы в течение пятидесяти лет. Как и в случае Флоренции, в Петербурге имелось давление на библиотекарей в поддержку разветвления массовой обработки этой коллекции в наискратчайшее время. Хотя и существовала надежда, что некоторые книги, изданные в XIX в., можно заменить, основные книги собрания, около 60 тыс. томов XVII в., являлись уникальными, а многие из них имели на полях пометки ученых. Мне объяснили, что фонд Бэра не пользовался особым читательским спросом, однако администрация Библиотеки показала всему миру, что БАН предприняла все необходимые меры для сохранения ценной коллекции редких книг на иностранных языках.

После ряда дискуссий по данной теме с коллегами БАН было решено выбрать способ сохранения, примененный в Библиотеке конгресса и названный фазовой консервацией. Он состоял в разделении элементов полной консервационной обработки и требований к окружающей среде на фазы, где первая фаза имела целью физическую защиту всей коллекции от отрицательных условий в книжных хранилищах с помощью особых контейнеров для книг. Это дало бы Библиотеке время, чтобы определить приоритеты для отдельных книг на основе их ценности и потребности в них. Для согласованной работы по этой программе БАН создала компьютерную базу (паспорт) данных для регистрации: состояния издания, полных библиографических и исторических сведений о нем и других характеристик, предназначенных для реставрации. Это наиболее сложная база данных такого рода из ныне существующих.

В отличие от системы, принятой во Флоренции (тогда с большинства пропитанных грязью книг были сняты переплеты, затем все их промыли и запаковали в грубую оберточную бумагу перед ремонтом и полной реставрацией, исключив, тем самым, возможность доступа к ним читателя), фазовый подход, принятый

БАН, избегает попыток обширной реставрации, а также необдуманных методов реставрации и, кроме того, обеспечивает профилактическую сохраняющую защиту и доступ к коллекции в целом. Это еще один пример того, как применяются на практике уроки, полученные во Флоренции!

Первое, за что мы ухватилась, — сделанные вручную футляры, часто называемые фазовыми контейнерами. Они добавляли около 9 мм к толщине каждого тома. Для всей коллекции потребовалось бы дополнительно 5 тыс. метров книжных полок. БАН не могла обеспечить ни необходимую рабочую силу для изготовления контейнеров вручную, ни возможностей для установки дополнительных полок.

Анализ первых 20 тыс. измерений показал, что толщина книг — величина непостоянная. Это исключало изготовление определенного числа стандартных штампов, так как их потребовалось бы более 5 тыс. штук по цене примерно 120 долл. за каждый.

Иногда, слишком увязнув в вопросе и отчаянно пытаюсь найти решение, упустишь очевидное. В нашем случае мы упустили то, что весь поврежденный фонд Бэра был пропитан водой и, естественно, значительно разбух. После сушки книги не обрели свою первоначальную толщину.

Из 20 тыс. томов 60 произвольно отобранных экземпляров обмерили вторично, устанавливая килограммовую гирю на каждый том. Было обнаружено, что сжатие в среднем достигало 4 мм, оставалось лишь придумать технологию изготовления, посредством которой можно производить плотно прилегающие контейнеры, добавляющие не более 4 мм к толщине каждого тома, и тем самым ликвидировать потребность в добавочных полках. Подобной технологии найдено не было.

Я с удовлетворением могу сказать, что проблема была решена в 1990 г. с помощью «Custom Manufacturing Inc.», Fairfield PA, USA (CM1) — компанией, владельцами

которой являлись мой сын Майкл и его жена Кармен. Они изобрели технологию автоматического изготовления контейнеров под управлением компьютера для производства высококачественных архивных книжных контейнеров, увеличивающих толщину книги не более чем на 4 мм. В конце 1990 и начале 1991 г. СМІ произвела первые 11 тыс. контейнеров для БАН, в результате чего потребовалось меньше полуметра дополнительных полок.

В сентябре 1993 г. в БАН была установлена приобретенная по гранту Института консервации им. П. Гетти машина для изготовления контейнеров СМІ. Она может производить по меньшей мере 200 специально подогнанных контейнеров в день из картона с гофром Е и В или из однородного картона. При помощи этой технологии БАН продолжает изготавливать контейнеры для фонда Бэра, а также обеспечивает имущественные учреждения города Санкт-Петербурга.

Кажется, что 30 лет подобной деятельности — это долгий путь. В 1966 г. термины «консерватор книг» и «книжная консервация» еще не имели широкого распространения, а само это занятие не признавалось в качестве самостоятельной профессии. Быть может, все мы становимся упрямее в своих подходах к решению проблем сохранения, кроме тех, кто еще настаивает, что «массовая» обработка снимет большинство вопросов. Фазовая консервация практикуется во многих учреждениях мира, и ее оригинальная понятийная основа закладывалась во Флоренции, чтобы позже воплотиться в жизнь в Библиотеке конгресса. Мы больше не можем находить оправдание ведомственным программам консервации, основанным на обработке отдельных экземпляров. Причина вполне очевидна, поскольку ни одно учреждение не может позволить себе роскошь нанять несколько десятков квалифицированных профессионалов для консервации отдельных экземпляров, тогда как большинство их продолжало бы разрушаться.

Фазовая консервация, или новый, чаще употребляемый сегодня, термин превентивная консервация, имеет наибольший смысл при том условии, если она правильно подходит ко всем вопросам, затрагивающим окружающую среду, безопасность, возможные бедствия и готовность к ним, заботу о коллекциях на глобальной, а не индивидуальной основе.

Если бы фазовая консервация была общепринятой технологией во время флорентийского наводнения, это могло бы серьезно повлиять на методы обработки поврежденных водой коллекций. Например, мы могли бы не обрабатывать все коллекции, снимая, в первую очередь, переплеты и промывая книги, а хранить их в защитных контейнерах и обрабатывать в порядке срочности и необходимости, обеспечивая тем самым некий уровень контролируемого читательского доступа.

* * *

В феврале 2008 г. в Библиотеке Российской академии наук прошла научная конференция, посвященная 20-летию пожара. Одним из ее участников был заведующий Отделом сохранения Марриот библиотеки Университета Юта (США), коллега и друг П. Уотерса Ренди Силверман. В статье «Biblioteca Akademii Nauk Fire: Twenty Years on» он дал высокую оценку восстановительных работ в БАН, завершив следующими словами: «Спустя 20 лет после ленинградского пожара этот памятный симпозиум предоставил важную возможность оглянуться назад и оценить полученные уроки. Огромное и комплексное восстановление охватывало весь диапазон накопленного опыта, от потрясающей щедрости, потрясающего творчества и стойкой силы духа до грубого человеческого неуважения. Сотрудничество между доктором Леоновым, директором Института консервации им. П. Гетти Мигелем Ангелом Корсо и Питером Уотерсом останется выдающимся примером, которому нужно следовать, где это возможно. Их сотрудничество и обмен опытом дал результаты, которые иным

способом не могли быть достигнуты. Их работа переступала институциональные и международные границы, чтобы выйти на неожиданные и иногда блестящие решения. В то время как мы продолжаем оплакивать разрушение, возможности, которые оно породило, продолжают вдохновлять» [7, 8].

* * *

Питер Уотерс останется в моей памяти непревзойденным Мастером, символом науки о консервации и профессиональной этики конца XX — начала XXI в.

Чувство глубокого уважения и искренней благодарности Питеру я пронес через все пятнадцать лет нашего общения и нашей дружбы. Условия такой дружбы предполагали особые отношения. Для Питера главным являлось ощущение «*chemistry*». Если оно у собеседников возникало, то уже отпадала необходимость в лишнем словах. У нас ощущение «*chemistry*» появилось сразу же после первого разговора в марте 1988 г. Оно не оставляло нас все время нашего общения. Друзья Питера стали моими друзьями. До сих пор мы храним верность этой дружбе.

Дом Питера и его супруги Шилы обладал удивительными свойствами изменяющегося пространства. В нем можно было и читать, и думать, и слушать музыку, и делать какие-то записи, и вести интересную беседу. Здесь постоянно шла работа ума и сердца — осмысливалось то, что было сделано, намечались новые планы. Внедрение фазовой консервации, обучение библиотекарей методам превентивной консервации, будущее реставрации в электронную эпоху — вот только некоторые из таких идей. Потом это обрело форму семинаров и конференций. Питер искал докладчиков повсеместно, причем отбирал самых авторитетных, с увлечением оппонировал им на заседаниях. Умел видеть доклады в широком контексте, с высоты своего опыта и кругозора, что вдохновляло и авторов, и слушателей. Так благодаря ему и мы в БАН постепенно вовлекались в интереснейшую

и до сих пор малоизученную сферу библиотечных исследований — сохранение книжных собраний.

Его будут помнить таким, каким он был, — мягким, доброжелательным, интеллигентным и обаятельным, уважение к которому испытывали все, кто с ним был знаком. Друзья будут вспоминать его как человека, стремившегося в своей профессиональной деятельности и личной жизни к постоянному совершенству. Мало кому известно, что он был превосходным пианистом и поклонником классики, искусным мастером-краснодеревщиком и талантливым фотографом, а в юности еще и неистовым игроком в крикет, капитаном местной команды Фроксфилда.

В 2003 году смерть прервала жизнь Питера, когда он занимался работой по систематизации и описанию слайдов, запечатлевших внедрение программы фазовой консервации в Библиотеке Академии наук...

Портрет молодого Питера стоит на моей книжной полке. Каждый день я мысленно приветствую его, а в трудный час обращаюсь к нему за советом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Waters Rising : letters from Florence : Peter Waters and book conservation at the Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze after the 1966 flood / Introduction by Randy Silverman. Ann Arbor, Michigan : The Legacy Press, 2016. 482 pages : ill. (some colour) + DVD.
2. Письмо Шилы Уотерс автору от 3 июня 2016 г.
3. Waters P. Book restoration after Florence floods // Penrose annual. 1969. № 62. P. 83–93.
4. Oey M. Waters Rising: Letters from Florence — Peter Waters and Book Conservation at the Biblioteca Nazionale Centrale Di Firenze After the 1966 Flood // Journal of the American Institute for Conservation. 2017. DOI: 10.1080/01971360.2016.12770064.

Люди и книги

5. *Уотерс П.* Сохранение культурного наследия библиотек: избранные работы / пер. с англ. : Н.И. Яшугина, И.М. Беляевой, Л.Г. Левашовой; сост., отв. ред. и предисл. В.П. Леонова; послесл. И.М. Беляевой. СПб. : БАН, 2005. 124 с.

6. Перевод осуществлен по рукописи: *Waters P.* From Florence to St. Petersburg: An Enlightening and Thought – Provoking Experience. Paper read at the conference «Redefining Disasters: A Decade of Counter Disaster Planning», Library of New South Wales, September 1995. 12 p.

7. *Silverman R.* Biblioteka Akademii Nauk Fire: Twenty Years on // International Preservation News: A Newsletter of the IFLA Core Activity on Preservation and Conservation, 2008. № 45 (August). P. 27–29.

8. *Silverman R.* Biblioteka Akademii Nauk Fire: Twenty Years on // The Academy of sciences library: episodes of biography / compiled and ed. by Valerii P. Leonov. Saint Petersburg: The Russian academy of sciences library, 2014. P. 150.

«ПОВЕСТЬ КРИВЫХ ЛЕТ»

АННОТАЦИЯ

В статье сделана попытка воссоздать биографию одной из ярких представительниц второй волны русской эмиграции — Татьяны Павловны Фесенко. Выпускница и сотрудница Киевского университета, она в годы войны была вывезена в Германию, жила в лагере для перемещённых лиц в американской оккупационной зоне. В 1951–1963 годах была каталогизатором в Отделе славянских языков Библиотеки Конгресса США. Работала литературным редактором в эмигрантских изданиях, писала стихи, прозу, занималась литературной критикой.

Ключевые слова: Татьяна Павловна Фесенко, перемещённые лица, вторая волна эмиграции, Библиотека конгресса США.

История второй волны эмиграции из России — это, прежде всего, история человеческой стойкости. Несмотря на войну, голод, разруху, изгнание люди продолжали заниматься наукой, издавать книги и журналы, писать стихи и прозу. В то время, когда народы Земли праздновали победу, миллионы бывших «остарбайтеров» и военнопленных должны были решить не имевшую, как им казалось, решения дилемму — остаться в лагерях для перемещённых лиц, в незнакомой стране, без знания языка, без малейшей надежды найти приличную работу, обрести устойчивое общественное положение или вернуться в СССР, где, как они знали, «фашистских пособников» ждали арест и тюрьма.

Лишь немногим из них удалось в конце концов перебраться из лежавшей в руинах Европы в относительно благополучную Америку и построить там действительно успешную карьеру, несмотря на то что в годы «холодной войны» правительство страны остро нуждалось в кадрах, хорошо знакомых с советскими реалиями, в чьей лояльности новой родине можно было не сомневаться. В 1940–1950-е гг. сотни беженцев получили возможность трудиться в многочисленных американских научных центрах, изучавшими СССР и его

сателлитов. Десятки выходцев из стран Восточной Европы работали в разных отделах Библиотеки Конгресса США (БК).

Далеко не полный список эмигрантов — сотрудников книгохранилища в 1946–1957 гг. составлен мной на основании данных о персонале, печатавшихся в его периодических изданиях:

1946 г. — О. Кулишер, М. Мейз;

1947 г. — Л. Гудштейн;

1948 г. — Х. Брезанский;

1949 г. — Г. Богунов, В. Ильяшенко, С. Кучеров, В. Леонтьев, С. Мартинов, П. Перцов, Е. Станка, Д. Фрежлич;

1950 г. — Г. Лахман, Б. Кучерова, Р. Рогойский, А. Романова, Д. Филиппов;

1951 г. — В. Биржишка, Е. Болдырева, Т. Бузанова, В. Валерий-Старшевский, Д. Витковский, Б. Восняк, С. Гунин, О. Данилевич, Д. Дубасов, Г. Евсюкова, В. Зографова, А. Игнатъев, Н. Карпович, В. Ковачич, Т. Косман, М. Красенская, Е. Кузнецова, М. Кэш, Р. Льепина, Н. Маркович, А. Матеусжик, В. Маурин, С. Михалевский, В. Новинский, В. Онаевич, Л. Патрикеева, С. Росики, А. Фесенко, Т. Фесенко, И. Шиловский, Ф. Эйзенберг;

1952 г. — И. Белусович, Л. Волконская, А. Карпович, Э. Коносьевич, О. Котович, А. Коцаренко, Д. Крассенский,

Т. Крю, М. Левицкая, Б. Максимович, С. Монсон, С. Мочельсон, Р. Полякова, Н. Тончук, Н. Рокитянский, Н. Стейнгасс, С. Соргенштейн, П. Хорецкий;

1953 г. — М. Гавришев, Н. Зикеев, Ю. Иванов-Ринов, И. Лаврова, А. Сербин, В. де Смид, Н. Сечкин, Б. Поплавский, Э. Рахманинова, Р. Тонтгарский, Е. Шиловская;

1954 г. — В. Ахонина, Ч. Желавич, К. Милобецкий, Ж. Новотный, В. Сокальский;

1956 г. — А. Адамович, М. Акаловская, С. Александрова, Н. Артамонова, Т. Ахонина, Б. Богун-Чудинив, Э. Вольский, К. Гржбовски, Л. Касьянова, С. Керр, С. Мартинов, В. Окиншевич, Л. Окиншевич, Ж. Перкович, У. Просинский, И. Рубин, Я. Рудницкий, Н. Серебrenникова, Г. Слессаревская, Т. Садовский, Р. Трбович, Н. Холовечий, В. Хрубиск, Е. Чандлер;

1957 г. — М. Кушниренко, Л. Херман.

О большинстве из них сохранились лишь самые отрывочные сведения. Биографии только некоторых из них можно воссоздать достаточно подробно. Судьба Татьяны Павловны Фесенко (Святенко) (07.11.1915, Киев — 12.07.1995, Вашингтон), несомненно, заслуживает того, чтобы ей была посвящена целая книга, а не сравнительно небольшая статья. Родилась в дворянской семье. Несмотря на то что её отец, служивший юристом и агрономом, был репрессирован в 1930-е гг., в 1936 г. она успешно окончила Киевский университет, в июне 1941 г. — аспирантуру на факультете иностранных языков этого учебного заведения. В том же году стала доцентом — преподавателем английского языка. Еще в студенческие годы сотрудничала в качестве литературного редактора с Государственным издательством Украины, работая с биологической и медицинской литературой, участвовала в составлении англо-украинского словаря в Институте языкознания АН СССР. 01.09.1941 вышла замуж за А. Фесенко (1).

С 1941 г. — в оккупации (2). Познакомилась с семьей поэтов О. Анстей и И. Елагина (Матвеев), с которыми

продолжала дружбу в Германии и США, оставила о них воспоминания [1]. Вспоминая начало дружбы, она писала: «Нет отопления, нет электричества, нет даже базаров, которые немцы нещадно разгоняют в эту страшную первую зиму оккупации Киева, когда лютой мороз заставляет завоевателей ходить по домам поредевших киевских жителей и забирать у них свитеры, шарфы и даже дамские кофточки» [2].

В 1943 г. супруги вывезены в Верхнюю Силезию в лагерь для «восточных рабочих». С 1945 г. жили в лагере в американской оккупационной зоне в Западной Германии, где издали учебник английского языка «First Steps» [3] для «перемещённых лиц» украинского происхождения. Благодаря знанию английского языка устроилась при директрисе лагерей «ди-пи» мюнхенского района: «Проходя регистрацию в первый же день по прибытии, я должна была получить подпись директора лагеря — молодой, очень деловой англичанки. Из её кабинета я вышла с назначением, став её секретарём и переводчицей; в этой должности я пробыла до отъезда в Америку. Но на этом наши удачи не кончились — оказалось, что в одной из больших комнат казармы, переделённой занавеской из серых военных одеял, живет семья Матвеевых!» [2]. В круг поэтов-друзей И. Елагина входили Н. Моршен, Б. Филиппов, с которыми она поддерживала профессиональные и личные контакты в США, и будущий коллега по БК Б. Нарциссов.

После эмиграции в 1947 г. в США супруги совместно написали статью «Язык войны и последнего десятилетия» [4] и исследование «Русский язык при советах» [5]. В его заключении авторы писали: «Что же сделали большевики? Они узурпировали и монополизировали право создания фразеологических штампов. В отличие от народной многовековой чеканки слов и выражений, охватывающих всё многообразие человеческой жизни, большевики создали

сотни и тысячи бездушных партийно-политических фраз, не руководствуясь и не следуя никаким другим соображениям, кроме одного — соответствия пресловутой “генеральной линии” на данный момент» [5, с. 207].

В 1951–1963 гг. Татьяна Павловна работала каталогизатором в Отделе славянских языков БК [6, р. 19]. Составила описание редких русских книг XVIII в. в БК [7], писала о коллекции для эмигрантских изданий [8, с. 186–211]. В стиле модных в годы «перестройки» журналистских разоблачений Э. Штейн писал об этом периоде её жизни: «Краткая история публикации такова. Как-то в конце 50-х гг. Т.П. Фесенко чисто случайно оказалась в подвальных помещениях Библиотеки Конгресса <...>. Ведомая какой-то интуицией, она обратила внимание на несколько ящиков с книгами, предназначенных к уничтожению за ненадобностью, — освободилось место для новых поступлений. Каковы же были горечь и досада Т.П. Фесенко, когда она заглянула в один из них: книги оказались редчайшими, многие из собрания Юдина. Отважному библиотекарю с трудом удалось убедить начальство, что книги XVIII в. необходимо сохранить. Только по чистой случайности 1316 книг и журналов избежали гильотины, и на свет появился каталог этого бесценного собрания Т. Фесенко» [9].

После ухода из БК — сценарист на радио «Свобода», научный сотрудник и библиограф в Гуверовском институте. Участвовала в собраниях Филадельфийского литературного кружка, основанного В. Синкевич в конце 1960-х и просуществовавшего до начала 1980-х гг. На его встречах выступали Б. Филиппов, Л. Ржевский, Б. Нарциссов, Л. Алексеева, Дж. Клайни др. В разгар погромов в Вашингтоне в гости к супругам приезжал литературовед, историк культуры русской эмиграции В.В. Вейдле.

27.04.1968 Фесенко писала И. Чиннову: «<...> Пасха была у нас чудесной: яркой не только от множества цветов,

но и главным образом оттого, что у нас гостил милейший и интереснейший В.В. Вейдле. Он нас живой водой окропил, рассказывал массу интересного и ценного, и к тому же был уютным-преуютным и таким простым, как бывают только очень интеллигентные люди. Тепло и мило вспомнили о Вас. В.В. днём пропадали в Национальной галерее, изо дня в день, больше никуда ходить не хотел, в такой восторг она его привела. А затем мы много катались — вдоль лужаек с миллионами нарциссов и тюльпанов, вдоль улиц, засаженных десятком тысяч пышно цветущих азалий, под кружевными зонтиками белых и розовых прелестных “догвудов” <...>. А в “Европу времен Второй мировой войны”, т.е. в район развалин (22 квартала!) на противоположной стороне города, который, по сути, позволили разграбить и сжечь, мы не заглядывали. Еще работая у Камкина, я всегда боялась этого района, — там уже с утра на крылечках сидели вдрызг пьяные негры и фланировали особой такой походочкой отчаянные парни в крошечных шапочках. Вот там-то всё и выгорело — остались Камкин и Funeral home наискосок, а у нас ничего не произошло, отделались только напряжением нервов» [10, с. 157–183].

Фесенко — автор двух сборников стихов [11] и беллетризованных автобиографий. Первая книга — «Повесть кривых лет» посвящена детству, юности, годам войны и эмиграции [12], вторая — «Глазами туриста» [13] описывает путешествия по послевоенной Европе: «Свидание с Европой откладывалось на годы. Были на это разные причины — хотелось сперва ознакомиться с Америкой, пустить корни, не чувствовать себя чужаками в стране, где мы проживём остающиеся нам годы. Потом пришла болезнь, оставившая после себя усталость и страх перед ещё большей усталостью. Словом, только через тридцать лет мы снова пересекаем Атлантический океан, но уже в обратном направлении» [13, с. 5].

Рецензии на ее поэтические сборники часто появлялись в эмигрантской прессе [14]. Стихи Фесенко вошли в антологии: «Перекрёстки» (1977), «Встречи» (1983), «Берега» (1983) и «Вернуться в Россию стихами» (Москва, 1995). Сотрудничая с издателем В.П. Камкиным, редактировала книги И. Одоевцевой, В. Корвин-Пиотровского, Н. Моршена, И. Елагина. Составила, редактировала и написала вступительное слово для антологии «Содружество. Из современной поэзии Русского Зарубежья» [15], включающей произведения 75 поэтов первой и второй волн эмиграции. Написала несколько десятков отзывов, посвящённых публикациям представителей русской диаспоры [16]. Архив Т. Фесенко передан в БК, но ещё недоступен для исследования [17, с. 209–217].

В качестве заключения хочу процитировать одно из её писем 1959 г. в «Новое русское слово», в котором она говорит от лица всех эмигрантов второй волны, излагая кредо своих современников, друзей и коллег:

«Ваша <...> статья, вся пропитанная недоброжелательностью к “новым” и содержащая прямые оскорбления (мы, мол, привыкли кривить душой, идти на компромисс с совестью, притворяться, искать в каждом человеке скрытого врага, тайного доносчика и пр. и пр.), — непростительна. Вы хотите подавить нас величием имён, имевшихся в старой эмиграции. Что ж, действительно славные имена, но в новой эмиграции таких людей не оказалось не потому, что она была неспособна их выдвинуть, а потому, что в руки немцев, а затем и в США она попала, безжалостно “прополотая” чекистской рукой. Ведь с первых дней войны были вывезены, а часто и выведены пешком в глубь страны все наиболее выдающиеся представители советской интеллигенции. Заподозренные в том, что они постараются избежать такой насильственной эвакуации, были арестованы и, вероятно, ликвидированы <...>».

Вы упрекаете новых эмигрантов в том, что они, мол, не желают

удовлетвориться физическим трудом на заводе, тогда как старая эмиграция работала малярами и шоферами такси. <...> Конечно, я предпочитаю работать старшим каталогизатором Славянской секции Библиотеки Конгресса, чем быть уборщицей, моющей мраморные полы этого здания, хотя в своё время я очень неплохо скребла дощатые полы лагерных барачков. Однако такое распределение труда на пользу не пойдёт не только мне, но и приютившей меня стране, которой я отдаю свои знания, опыт и любовь к книге <...>».

С совершенно неожиданной в Вас мещанской завистливостью Вы попрекаете нас в том, что мы обзавелись автомобилями. Да, слава богу, обзавелись и используем их, в частности, для того, чтоб поближе познакомиться с великолепной и величавой страной, в которой мы теперь живём, с бытом народа, к которому мы теперь принадлежим. Неужели Вам больше нравится, когда люди, никогда не выглянувшие за пределы территории, покрытой сетью сабвея, с апломбом ругают Америку, не зная её и, хуже того, не желая её познать? <...>» [18].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О муже Т. Фесенко — Андрее В. Фесенко (11.12.1915, Одесса — 26.06.2000, Вашингтон) известно мало. Родился в семье, занимавшейся издательской деятельностью. Получил степени специалиста и кандидата наук в 1938 и 1941 гг. на Западном отделении филологического факультета Киевского университета. После эмиграции в США работал deckattendant в БК с 1951 г., прошёл курс библиотковедения в Католическом университете. Работал на разных должностях в БК, занимался украинской книгой в БК. «Senior processing and reference assistant в Европейском отделе уволился 03.07.1986 после 35 лет работы в БК» (Library of Congress Informational Bulletin. Vol. 45. № 33. 16.08.1986). Помимо совместных работ с женой, печатался

самостоятельно в «Новой жизни». (Фесенко А.В. 1) К истории русской библиографии за рубежом // Новая жизнь. 1967. № 111; 2) Характерные особенности русского языка последнего десятилетия // Новая жизнь. 1967. № 89).

2. Об обстоятельствах, вынудивших молодую пару остаться в оккупированном городе, Фесенко пишет: «Почти все наши однокурсники и друзья ушли на фронт, а мой муж не разделил их участи, задыхаясь в тяжелых припадках бронхиальной астмы» [2].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фесенко Т. 1) Люша // Поэтессы русского зарубежья : Л. Алексеева, О. Анстей, В. Синкевич. [Сб.]. М. : Сов. спорт, 1998. 447 с.; 2) 46 лет дружбы с Иваном Елагиним. Париж : Альбатрос, 1991.

2. Фесенко Т. Люша // Альманах-ежегодник «Связь времен». San Jose, CA, 2012. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.thetimejoint.com/taxonomy/term/3108> (дата обращения 16.06.2017).

3. Фесенко А., Фесенко Т. First Steps – Перши крохи : [пидручник з англійської мови]. Bamberg : [s.p.], 1950. 124 с.

4. Фесенко А., Фесенко Т. Язык войны и последнего десятилетия // Новая жизнь. 1954. № 36.

5. Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при советах. New York, 1955. 222 с.

6. Library of Congress Informational Bulletin. Vol. 11. № 11. 06.10.1952: «Т. Фесенко получила постоянную работу в отделе описательного каталога».

7. Fessenko T. 18th Century Russian Publication in the Library of Congress: A Catalogue. Washington, D.C. : Slavic and Central European Reference Division, Library of Congress, 1961. 157 p.

8. Фесенко Т. Русские сокровища Библиотеки Конгресса // Отклики : Сборник статей памяти Н.И. Ульянова (1904–1985). New Haven, 1986. 332 с.

9. Штейн Э. Книги Г.В. Юдина в Библиотеке Конгресса // Знамя. 1991. № 3. С. 237–240.

10. Цит. по: Письма к Игорю Чиннову // Новый журнал. 2002. № 226. 341 с. И.В. Чиннов более двадцати лет был постоянным корреспондентом Т. Фесенко. В фонде № 614 Игоря Владимировича Чиннова в ОР ИМЛИ РАН хранятся его письма к Т. Фесенко : 10 п. 1966–1981 гг. 24 л.; и от нее: 1966–1989. 1 фото. 38 п. 11 открыток. 58 л. Статьи Фесенко о нём: Фесенко Т. 1) Игорь Чиннов. «Автограф» // Новый журнал. 1985. Кн. 161. № 301–304; 2) «Я не забуду, нет, я не хочу забыть...» : 5-я книга стихов И. Чиннова // Современник. 1973. № 25. Ноябрь. С. 100–102; 3) Заметки читателя // Новое русское слово. 17.01.1971. С. 5.

11. Фесенко Т. 1) Двойное зрение : Сборник стихов. Париж : Альбатрос, 1987. 62 с.; 2) Пропуск в былое : Сборник стихов. Буэнос-Айрес, 1975. 61 с.

12. Фесенко Т. Повесть кривых лет. New York : Новое русское слово, 1963. 224 с.

13. Фесенко Т. Глазами туриста. Washington, D.C. : изд. В. Камкина. 1966. 142 с.

14. Чиннов И. Смотрите стихи // Новый журнал. 1968. № 92; Домогацкий Б. Есть книги // Единение. 28.07.1963; Гуль Р. 25 лет // Новый журнал. 1967. № 87; Поливанов Л. Остановленный миг // Русская мысль. 29.11.1984; Седых А. Три эмиграции // Новое русское слово. 10.03.1981; Тугаев В. Ценный подарок для любителей поэзии // Родные дали. 1967. Май; Вейнбаум М. Книга, овеянная любовью // Новое русское слово. 20.02.1963.

15. Содружество. Из современной поэзии Русского Зарубежья. Вашингтон : изд. В. Камкина, 1966. 559 с.

16. Фесенко Т. Профессор Богатырчук и его книга // Новый журнал. 1979. № 137; Гишпанская затея камергера двора // Новый журнал. 1974. № 114; Детство золотое; Огненное перо, «Старомодно...» // Современник. 1974. № 26/27; Радиш // Новый журнал. 1973. № 111; Немолкнущие голоса; По закатным

Люди и книги

- дорогам // Современник. 1972. № 24; Борис Крюков; Леся Украинка // Новый журнал. 1971. № 105; Возвращение // Возрождение. 1971. № 229; Живой как жизнь (письма К.И. Чуковского) // Новый журнал. 1970. № 100; «На руках появились пятна...» // Современник. 1970. № 20/21; Книга о печальных концах // Современник. 1969. № 19; Стихотворения // Возрождение. 1969. № 215; Послевоенный год // Мосты. 1959. № 3; Производство ненависти // Новый журнал. 1952. № 29.
17. Подробнее наследие Фесенко и поэтов её круга рассмотрено в: *Пивоваров Е.Г.* История русской книги в Библиотеке конгресса США. СПб., 2013. 240 с.
18. Цит. по: *Синкевич В.* Татьяна Фесенко // Мои встречи : русская литература Америки. Владивосток : Рубеж, 2010. С. 159–171.

ЭКЗЕМПЛЯР ОТТИСКА ИЗ АКАДЕМИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ БАН С ДАРСТВЕННЫМ АВТОГРАФОМ АКАДЕМИКА В.М. АЛЕКСЕЕВА

(Идеи даосизма в творчестве Н.С. Гумилёва)

АННОТАЦИЯ

Обнаруженный в Академическом собрании ОИАН БАН оттиск статьи с дарственной надписью синоведа академика В.М. Алексеева Н.С. Гумилёву позволяет сделать вывод о знакомстве поэта с идеями даосизма и об отражении их в его творчестве, в частности в сборнике «Фарфоровый павильон».

Ключевые слова: дарственный автограф, инскрипт, синолог академик Василий Михайлович Алексеев, поэт Николай Степанович Гумилёв, Китай, даосизм в творчестве Гумилёва, Академическое собрание БАН.

В Академическом собрании Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук БАН хранится небольшая коллекция оттисков, многие из которых происходят из личных библиотек. Один из них привлёк наше внимание. Он содержит дарственную надпись синоведа академика Василия Михайловича Алексеева (1881–1951) и адресован поэту Николаю Степановичу Гумилёву (1886–1921). Это оттиск статьи В.М. Алексеева «Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства», опубликованной в Сборнике Музея антропологии и этнографии в 1918 г. Вот текст дарственной надписи, составленной по традиционной формуле: «Многоуважаемому / Николаю Степановичу / Гумилёву / с приветом / автора / 18.V.1919» [1].

Кроме автографа, свидетельствующего о принадлежности оттиска Н.С. Гумилёву, никаких владельческих знаков на нём нет. Вероятно, у поэта их и не было, поэтому выявить издания из его библиотеки возможно только по наличию дарственных надписей, ему адресованных. В филиале БАН — в библиотеке ИРЛИ на сегодняшний день описано и опубликовано 17 дарственных надписей Н.С. Гумилёву [2] на книгах,

подаренных ему в течение 1909–1919 гг.: А.А. Ахматовой, А.А. Блоком (2), К.А. Большаковым, В.Я. Брюсовым, С.М. Городецким, В.М. Долиновым, В.М. Инбер, Л. Каннель, С.И. Кесельман, Н.А. Ключевым, А. Конге и М. Долиновым, А.А. Кондратьевым, Н.С. Кругликовым, Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, В.В. Курдюмовым.

Экземпляр обнаруженного нами оттиска свидетельствует о факте дарения известного учёного известному поэту. Какие же обстоятельства, жизненные реалии скрываются за этим лаконичным инскриптом? Что побудило автора адресовать поэту столь специальную научную статью? Была ли она прочитана и воспринята им?

Творчество Н.С. Гумилёва пронизано ориенталистскими мотивами. К теме Востока поэт обращался на протяжении всей жизни. И в этом проявляется не только дань неоромантическому «экзотизму». Это поиск новых духовных ориентиров искусства, переживающего кризис в связи с утратой своего гуманистического идеала целостной гармоничной личности, поиск путей преодоления болезненного душевного разлада (символизм). Как верно отмечает Ч. Баскер, анализируя стихотворение Н.С. Гумилёва «Путешествие

в Китай» («Жемчуга», 1910), Китай для него — это не географическое понятие, это существующая внутри самого лирического героя (а следовательно, и поэта) духовная реальность [3], некий топоним из пространства вечности. Поэтому его герою возможно вневременное, внепространственное общение и даже путешествие с ныне не живущим, но любимым писателем Ф. Рабле (Н.С. Гумилёв провозгласил его одним из четырёх кумиров акмеизма). Возвращением к себе, к истинному, без боли, без страдания бытию представляется Китай и в стихотворении «Я верил, я думал...» («Чужое небо», 1911 г.): «И вот мне приснилось, что сердце моё не болит/, Оно — колокольчик фарфоровый в жёлтом Китае/ На пагоде пёстрой... висит и приветно звенит./ В эмалевом небе дразня журавлиные стаи./ А тихая девушка в платье из красных шелков,/ Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,/ С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов,/ Внимательно слушая лёгкие, лёгкие звоны». Китайские мотивы возникают и в более поздних произведениях, как, например, в стихотворении «Китайская девушка» («Колчан», 1914 г.), в поэме «Два сна» (1917 г.). Наконец, в 1918 г. Н.С. Гумилёв выпускает сборник «Фарфоровый павильон. Китайские стихи» — вольные переводы из древнекитайской поэзии.

Важную роль в знакомстве Н.С. Гумилёва с культурой Китая сыграл именно В.М. Алексеев. Как синолог он подогревал присущий поэту интерес к Востоку. Любопытно, что практически одновременно с публикацией вышеназванной статьи В.М. Алексеева Н.С. Гумилёв выпустил свой сборник стихов «Фарфоровый павильон». Он вышел в июле 1918 г. в возобновлённом Н.С. Гумилёвым и М.Л. Лозинским издательстве «Гиперборей» [4]. Это был цикл свободных переводов Н.С. Гумилёва из китайской и корейской поэзии, выполненных по французским переводам. «Основанием для этих стихов послужили работы Жюдит Готьё [5], маркиза Сен-Дени, Юара, Уили

и др.», — значит на последней странице издания 1918 г. Книга из 15 стихотворений (во 2-м издании 1922 г. — 16) была, скорее, сборником «по мотивам» китайской поэзии, собранием вольных переложений с французского китайских поэтов Ли Бо, Ли Вэя, Чжан Цзи, Юань Цзе, Цзяо Жаня, Ду Фу, Чжан Жо-Сюя [6].

Написан китайский цикл был в Париже, где Гумилёв находился с июля 1917 г. до середины марта 1918 г. и, возможно, завершён в Лондоне или Петрограде, куда он отправился после [7]. История работы над сборником до сих пор недостаточно ясна. Поэтому так важны любые документальные свидетельства, имеющие отношение к этому периоду.

По свидетельству Н.А. Оцуца, «китайские стихи Гумилёва были задуманы и написаны во время его дружбы с востоковедом Алексеевым. Ольденбург и другие расточали Гумилёву полезные советы для его восточных сочинений» [8]. Любопытно, что ещё в 1911 г. сам В.М. Алексеев опубликовал свои переводы стихотворений Ли Бо [9].

Мог ли Н.С. Гумилёв использовать материал подаренной ему статьи при работе над «Фарфоровым павильоном»? Экземпляр оттиска был подписан В.М. Алексеевым Н.С. Гумилёву в мае 1919 г. Сборник же с этой статьей вышел из печати несколько раньше — в 1918 г., судя по всему, в апреле [10] (оттиски статей из него были отпечатаны в мае, о чём свидетельствует текст на 4-й странице его обложки), в то время как «Фарфоровый павильон» — 13 июля 1918 г. [11] Н.С. Гумилёв мог ознакомиться со свежим выпуском сборника Музея антропологии и этнографии. Мог, но прочитал ли в действительности, утверждать можно лишь сопоставив тексты обоих авторов. Рассмотрим в этой связи лишь одно стихотворение из «Фарфорового павильона».

В своей работе В.М. Алексеев разбирает понятие «хэ» — «понятие идеальной примирительности, уступчивости, согласованности, идеальной середины: не твердого и не мягкого, той самой неизменной

и непреходящей, высшей точки мирового и человеческого равновесия, <...> это понятие охватывает все доступное для человеческой мысли, <...> начиная с идеала космического равновесия». «Однозвучное этому слову <но с другим написанием> слово «хэ» означает сцепление с чем-либо, прикрепление к чему-либо, тесное единение» [12]. Олицетворением этих понятий являются два даосских бессмертных, изображавшихся в образе близнецов: Единение–Согласие (Хэ-Хэ эр сян).

В связи с вышеизложенным обращает на себя внимание стихотворение из «Фарфорового павильона» «Соединение»: «Луна восходит на ночное небо/ И, светлая, покоится влюбленно./ По озеру вечерний ветер бродит,/ Целуя ошастливленную воду./ О, как божественно соединенье/ Извечно созданного друг для друга!/ Но люди, созданные друг для друга,/ соединяются, увы, так редко» [13]. Поэт находит единение-согласие в природе (луна и небо, вода и ветер). Однако не так в мире людей. Люди, как и стихии, предназначены друг другу, но (быть может, по причине дарованной им свободы воли, своеволия?) соединяются редко. Скрытой горечью пронизаны последние строки, напоминающие нам о личной драме Гумилёва. Позволим себе здесь в качестве отступления привести собственные строки, посвящённые поэту.

Очищалось перо правдой жизни —
Горек, скуп счастья малый паёк.
Стих пленял и был безукоризнен,
Горд, тревожен и строг, и далёк.
Африканские тропы, ущелья,
Абиссиния, Чад и Харрар,
А ещё корабли с верной целью —
Путь в Китай как лекарство от ран.
Ты скиталец и подвигов ищешь —
Закаляется сердце в бою...
Нить становится тоньше и тише
С той, что душу стяжала твою.

В своей статье В.М. Алексеев даёт описание и ещё одного персонажа, представляющее для нас большой интерес, — патриарха даосского учения, монаха-алхимика, бессмертного, блаженного-

юродивого Лю Хара. В его облике перед нами предстаёт собирательный образ просветленного даоса. Любопытен его внешний вид. Он — и его спутники, упомянутые выше божественные двойники Хэ-Хэ, — имеет «распушенные волосы, блаженный взгляд, листву у чресл, разверстое одеяние, отвислые груди и чрево, босые ноги» [14]. Они бессмертны. Интересна ещё одна деталь. Двойников иногда изображали со свертком бумаги для стихов и писчей кистью — атрибутами поэзии. Их облик поразительно похож на облик Рабле из стихотворения Н.С. Гумилёва «Путешествие в Китай»: «Грузный, как бочка вин токайских,/ Мудрость свою прикрой плащом,/ Ты будешь пугалом дев китайских,/ Бедро обвив зеленым плющом». Здесь и подчеркнутая телесность, и пристрастие к вину, и «разверстое одеяние», и «листва у чресл», и некоторая диковатость, экзотичность, отпугивающая дев.

Далее В.М. Алексеев излагает даосский канон о жизни Лю Хара. По преданию бессмертный начертал в даосском храме «Долговечности и Покоя» десять строф. «Опьянелый, верхом на белом осле являюсь, / ... Я забыл дела брэнного мира, / ... Хочу взять громами гремящую лютню / И уйти ввысь на высоты Гунь-луневых гор / ... Посею рис (шу), чтобы курить белое вино — / вот и будет область бессмертных людей! / Опьянелый лежу под тенью сосны / беспечно встречаю вершины с белым снегом. / Захочу уйти — сейчас же уйду: / прямо войду в полосы пестрых зарниц» [15].

Лирический герой Н.С. Гумилёва из «Путешествия в Китай» во многом напоминает даоса. Он осознает потерю рая, отказывается продолжать «пытать» брэнное бытие — оно не даёт того, что он ищет («Все мы знавали злое горе, / Бросили все заветный рай»). Даже любовь к женщине — самое сильное земное наслаждение — не в состоянии наполнить героя (счастьем, смыслом): «Что же тоска нам сердце гложет, / Что мы пытаем бытиё? / Лучшая девушка

дать не может / больше того, что есть у неё». Есть более глубокие и сильные переживания — духовные и творческие, изменённые состояния сознания. В их поиске и находится лирический герой. Символом этих состояний является вино. Беспечность и беззаботность, сознательный отказ от мира, его правил, навязываемых человеку, асоциальность — вот свойства героев «Путешествия в Китай». Они оставляют социум, но взамен обретают единение с природой, которая становится им кровом, вызывает в душе восхищение, приводит в экстатическое состояние. Правда, у Н.С. Гумилёва в этом есть и что-то отчаянное (неизжитые до конца боль и обида на мир (?), что вполне автобиографично). Он будто уговаривает себя, делает усилие, преодолевая, порывая с какой-то привязанностью, человеческой слабостью: «Только не думать! Будет счастье / В самом крикливом какаду». В земле обетованной, на которую взяли курс герои, сама природа пьянит, как вино, отрешает от суетных забот: «Что нам пригрезится в ночь у пальмы, / Как опьянят нас соки дерев?». И наконец — особое отношение к смерти. Для Лю Хара она, являющаяся как бы барьером, преградой между двумя мирами, легко преодолима, не представляет собой трудного препятствия. Думаем, что и у Н.С. Гумилёва последние строки заключают в себе не только гиперболу мужественности и целеустремлённости героев, преодолевающих непреодолимое, невозможное человеку, но и идею достижения особого духовного состояния, вследствие которого значение смерти и отношение к ней меняется: «Только в Китае мы якорь бросим, хоть на пути и встретим смерть!».

Как видим, сходства достаточно. Однако есть небольшая неувязка — стихотворение Гумилёва было опубликовано (апрель 1910 г.) раньше статьи Алексеева (1918 г.) на добрые восемь лет. Неужели же это случайность? Попробуем разобраться. Н.С. Гумилёва и В.М. Алексеева связывали дружеские отношения. Документальных свидетельств об этом

сохранилось мало. Известно (по свидетельству В.К. Шилейко [16]), что Н.С. Гумилёв прочел его магистерскую диссертацию — фундаментальный 800-страничный труд «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908)» [17], вышедшую в Петрограде в 1916 г. В числе отзывов на свой труд В.М. Алексеев записал в дневнике слова Н.С. Гумилёва: «Алексеев выковал особый язык в книге» [18]. Переведённая и прокомментированная В.М. Алексеевым поэма представляет собой своего рода каталог типов поэтического вдохновения (их 24 — по числу стансов). В стансах воспевается особое дао-наитие и его носитель — поэт в дао, дао-поэт, который предстаёт перед нами: то пребывающим в эмпириях дао; то отказавшимся от жизни среди людей, от мирских забот; то на лоне природы, в уединении; то с чашей вина и за беседой с близким по духу другом; то играющим на цитре и слагающим стихи.

Хотя книга вышла в свет в 1916 г., работа над ней началась намного раньше — в 1909 г. При этом В.М. Алексеев, назначенный с 1 января 1910 г. штатным приват-доцентом Петербургского университета, уже в 1910/11 г. вел курс «Идеи, символы и вообще характерные черты китайской поэзии в изложении танского поэта Сыкун Ту (“Ши пинь” — “Категории стихов”)), а через два года — курс «Подробный разбор “Поэмы о поэте” Сыкун Ту как образец исследования» [19]. К слову отметим, что в качестве подспорья для своего перевода В.М. Алексеев вынужден был перевести и «Дао дэ цзин» — один из основополагающих трудов даосизма (к печати он готовить перевод не намеревался, но своих студентов с ним знакомил, мог ознакомить и Н.С. Гумилёва). Вероятно, синолог показывал поэту и другие свои работы, о чём наглядно свидетельствует наш автограф.

При каких обстоятельствах могли познакомиться В.М. Алексеев и Н.С. Гумилёв? В 1908 г. Н.С. Гумилёв поступил на юридический факультет университета и, отучившись год, перевелся на

филологический. Вряд ли он, любитель Востока и экзотики, акмеист, ищущий новых путей и питательных источников для лелеемого им новорождённого поэтического направления, смог бы оставить без внимания столь многообещающий курс по древнекитайской поэзии. Вероятно, знакомство состоялось (если не раньше, то именно тогда) в университете. Укрепить их дружбу мог и Этнографический музей АН, где В.М. Алексеев работал в Китайском отделе — приводил в порядок коллекции, им самим существенно пополненные. От этого же музея Н.С. Гумилёв в 1909–1910 гг. был командирован в африканскую экспедицию. Уже позже, летом 1919 г., Н.С. Гумилёв посещал студию китайской поэзии, организованную В.М. Алексеевым в издательстве «Всемирной литературы», членами редколлегии которой были они оба.

Любопытна одна деталь, подмеченная дочерью В.М. Алексеева и косвенно свидетельствующая об их творческом общении. В своей магистерской диссертации синолог употребил одно редкое экзотическое слово — «ненюфары» (лилии), которое мог встретить у Н.С. Гумилёва в стихотворении «Озера», написанном в ноябре 1908 г.: «На траурно-чёрных волнах ненюфары, как мысли мои молчаливы» [20]. Ненюфаровые («Фужуновы») горы возникали у В.М. Алексеева и в вышеназванной статье о двойниках.

Таким образом, из лекций своего друга Гумилёв мог ознакомиться с основными идеями поэмы уже в 1910 г. Из личного общения — и того раньше. Современники отмечали, что Н.С. Гумилёв обладал способностью схватывать на лету и усваивать новую для него идею, и тут же собственными словами доходчиво разъяснять её. Учитывая это его свойство, хронологические границы можно отодвинуть до 1909 г.

Экземпляр оттиска из Академического собрания БАН (засвидетельствовавший факт творческого общения, культурного обмена между В.М. Алексеевым и Н.С. Гумилёвым) позволяет сделать

предварительный вывод о знакомстве поэта с идеями даосизма и об отражении их в его творчестве. Однако ещё следует продолжить разыскания, подтверждающие наши предположения. И в этом отношении особый интерес представляет «Путешествие в Китай», в котором излагается своего рода жизненный сценарий истинного поэта, дао-поэта, особо фокусируется момент качественного перехода героя из обыденного сознания в иное — творческое, поэтическое, вневременное. Заявляется готовность и намерение следовать выбранному пути.

Нам представляется важным установить знакомство поэта с идеями даосизма. Однако очевидно и то, что это учение, равно как и другие, интерес к которым проявлял поэт, никоим образом не исчерпывает собой его философско-эстетических взглядов. Последнее время активно разрабатывается тема о влиянии разного рода духовных учений, восточных и эзотерических, на творчество Н.С. Гумилёва. При этом упоминаются: суфизм, масонство, оккультизм, каббала и др. Отыскивая следы их в произведениях поэта, зачастую мирно соседствующих друг с другом, исследователи пытаются определить это явление как синтетизм философских взглядов Н.С. Гумилёва. Однако его воззрения были чужды механического смешения идей и образов, почерпнутых из разного рода учений. Последние представляли для него лишь средства, подхлестывающие его самостоятельный творческий поиск. Смыслы его поэзии следует искать только в его собственной поэзии, в его собственных текстах. Н.С. Гумилёв стремился к самостоятельному мышлению. Все учения мира для него заменяла поэзия. Они лишь являлись топливом для той алхимической печи, в которой она рождалась. Поэзия была для него духовной практикой, религией будущего. Поэтам, по его утопическим представлениям, предстояло взять на себя управление народами (в т.ч. и политическое). «Поэзия и религия — две стороны одной и той же монеты, — писал Гумилёв. — ...

Религия обращается к коллективу... Поэзия всегда обращается к личности. От личности поэзия требует того же, что религия от коллектива. Во-первых, признания своей единственности и всемогущества, во-вторых, усвершенствования своей природы» [21]. Со слов И.В. Одоевцевой, он намеревался, оставив акмеизм, создать новое направление. И если бы не трагическая смерть, кто знает, может, мы бы уже благоденствовали в государстве поэтов?

В заключение позволим себе почтить память поэта и привести строки, которые родились во время работы над статьёй:

Вот жизнь поэта в нескольких томах:
Любил, будил, скитался, был несносен.
Нескладен был в любви, но не в стихах
И видел тридцать пять безмерных вёсен.

Он жизнь слагал, как пишутся стихи:
Искал, бежал, молил, порой казался.
И провоцировал на чувства тех, других,
Кого любил, кому повиновался.

Сокрытый в себе мир других людей
Осознавал чеканным ясным словом,
И приговор такой звучал сильней,
Чем о его расстреле заголовков.

12.01.17

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Алексеев В.М.* Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства : (исслед. в области китайского фольклора, с рисунками в тексте). Отд. отт. из: Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при РАН. Пг. : Тип. РАН, 1918. Т. 5, вып. 1. Ко дню 80-летия В.В. Радлова (1837–1917 гг.). С. 253–318 : ил. Акот/19.

2. Издания с дарственными надписями из собрания Библиотеки Пушкинского дома : каталог / [сост. Н.С. Беляев; ред. Г.В. Бахарева]; Библиотека РАН. СПб. : БАН, 2014. Вып. 1. 170, [14] с.; Вып. 2. 2016. 212 с.

3. *Баскер Ч.* Гумилёв, Рабле и «Путешествие в Китай»: к прочтению одного протоакмеистического мифа // «Н. Гумилёв и русский Парнас»: материалы

науч. конф. (Санкт-Петербург, 17–19 сент. 1991 г.). СПб., 1992. С. 15.

4. *Гумилёв Н.* Фарфоровый павильон: китайские стихи. СПб. : Гиперборей, 1918. 28, [3] с. : ил.

5. В.М. Алексеев отзывался скептически о переводах Жюдит Готье. «На примере госпожи Готье следовало остановиться в виду влияния, которое она оказывала и продолжает оказывать на поэтическую продукцию поэтов экзотистов (например, на покойного моего друга Н.С. Гумилёва («Фарфоровый павильон»)), чувствуя ведущую их руку, дают себе, конечно, еще большую волю: так создается экзотика китайщины» (см.: Антология китайской лирики VII–IX вв. по Р. Хр. / пер. в стихах Ю.К. Щуцкого; ред., введ. обобщения и предисл. В.М. Алексеева. М. ; СПб. : Гос. изд-во, 1923. С. 12. (Всемирная литература).

6. *Лукницкий П.Н.* Труды и дни Н.С. Гумилёва. СПб. : Наука, 2010. С. 535; *Гумилёв Н.* Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1988. С. 273–280, 581–582. (Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 3-е).

7. *Лукницкий П.Н.* Труды и дни Н.С. Гумилёва. СПб. : Наука, 2010. С. 502–503.

8. *Оцун Н.А.* Николай Гумилёв. Жизнь и творчество. СПб. : Logos, 1995. С. 131.

9. *Алексеев В.М.* Стихотворения в прозе поэта Ли Бо, воспевающие природе : пер. с кит. // Зап. Вост. отд-ния Рус. археол. о-ва. 1911. Т. 20, вып. 1. С. 185–195.

10. На об. тит. л.: «Напечатано по распоряжению РАН / Непременный секретарь С. Ольденбург / Январь 1917 г. / Апрель 1918 г.».

11. *Лукницкая В.* Н. Гумилёв. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л. : Лениздат, 1990. С. 211.

12. *Алексеев В. М.* Бессмертные двойники... С. 262–263.

13. *Гумилёв Н.* Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1988. С. 276.

Изучаем Восток

14. *Алексеев В.М.* Бессмертные двойники... С. 301.
15. *Алексеев В.М.* Бессмертные двойники... С. 289–290.
16. *Лукницкий П.Н.* Труды и дни Н.С. Гумилёва. СПб. : Наука, 2010. С. 317.
17. *Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908). Перевод и исследование (с прилож. китайских текстов). Пг. : Фототипия и тип. А. Ф. Дресслера, 1916. Напеч. в апр. 1916. IX, 0140, 481, [5], 155 с.
18. *Баньковская М.В.* Почем «фунт станса» // *Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте: стансы Сыкун Ту (837–908) : пер. и исслед. (с прилож. кит. текстов). [2-е изд., испр. и доп.]. М., 2008. С. 610; Записка хранится в СПФА РАН. Ф. 820 (В.М. Алексеев). Оп. 2. № 56. Л. 89.
19. *Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908): пер. и исслед. (с прилож. китайских текстов). [2-е изд., испр. и доп.]. М. : Вост. лит., 2008. С. 591, 593.
20. *Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908): пер. и исслед. (с прилож. китайских текстов). [2-е изд., испр. и доп.]. М. : Вост. лит., 2008. С. 610–611.
21. *Лукницкая В.* Н. Гумилёв. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л. : Лениздат, 1990. С. 141.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ КНИГ, ПОСТУПАЮЩИХ В БИБЛИОТЕКУ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ПО ПРОГРАММЕ «ОКНО В КОРЕЮ»

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается тематическая направленность книг, поступающих в Библиотеку Российской академии наук из Национальной Парламентской библиотеки Республики Корея по программе «Окно в Корею» (Window to Korea). Высказывается гипотеза о том, что книги для отправки выбираются в соответствии со стратегией национального брендинга Республики Корея. Приведены примеры книг, создающих в глазах читателей позитивный образ Республики Корея.

Ключевые слова: библиотека, проект, Республика Корея, национальный брендинг, тематика книг.

С 2014 г. Библиотека Российской академии наук включена в программу «Окно в Корею» («Window to Korea»), реализуемую Национальной Парламентской библиотекой Республики Корея. Участники данной программы получают книги, связанные с корейской историей, культурой, литературой и т.д. БАН участвует уже во втором этапе данной программы (2013–2017 гг.), который подразумевает увеличение количества библиотек-партнеров, а также рассылку не только книг, но и мультимедийных материалов. Библиотеки получают издания, вышедшие за последние два года. Отправляемые книги специально отбираются Министерством культуры, спорта и туризма РК, а также университетскими издательствами и научно-исследовательскими институтами. В данный момент коллекция в БАН насчитывает около 600 книг. Некоторые из них представлены на очередной выставке новых поступлений [1, с. 69–70].

В данной статье рассматривается вопрос о содержании книг, поступающих в БАН. Даже при кратком знакомстве с изданиями и мультимедийными материалами можно заметить, что, несмотря на разнообразие заголовков, форматов

и изданий, существуют некие общие тенденции, связанные с содержанием книг.

В эпоху глобализации страны стараются сохранить свою идентичность. Одной из стратегий, которую используют страны для поддержания конкурентоспособности, является формирование национального бренда. Понятие «национальный бренд» было введено Саймоном Анхольтом и определяется им как «репутация страны, состоящая из суммы элементов восприятия людей о ней, которые в равной степени важны для прогресса, процветания и получения прибыли от этих мест» [2, с. 396]. Набор технологий и стратегий для создания национального бренда обозначается понятием «национальный брендинг». В число стран, занимающихся национальным брендингом, входит и РК.

Ещё в начале XXI в. делались попытки формирования национального бренда Южной Кореи, однако серьёзно этим занялись в годы президентства Ли Мёнбака (2008–2012). Национальный брендинг подразумевает, что существует стратегия, по которой продвигаются за рубежом различные сферы развития государства.

В Южной Корее в стратегию продвижения входит восемь основных пунктов, одним из которых является культурное наследие. Для создания национального бренда Южной Кореи было создано огромное количество комитетов по культуре, а также туризму и спорту [3, с. 28–36].

Специалисты-маркетологи создают стратегии брендинга, которые согласуются с представлениями о Южной Корее обычных людей. Основную роль в этом процессе играют телевидение, а именно корейские сериалы «дорамы» (от корейского *드라마* «тырама») и современная корейская музыка, так называемый k-поп (korean pop). Немаловажным направлением стратегии является развитие туризма (в особенности медицинского) на территории Южной Кореи.

Несмотря на то что основной интерес для иностранцев представляют музыка и сериалы, безусловно, книги, публикующиеся в РК и посылаемые в библиотеки других стран, должны аналогично соответствовать образу Южной Кореи.

Следует отметить, что библиотечная программа «Окно в Корею» не является официальным участником программы брендинга РК. Однако, по моему мнению, «Окно в Корею» является библиотечной инициативой, в какой-то мере вдохновлённой практикой национального брендинга РК.

В первую очередь речь идет о книгах, связанных, так или иначе, с КНДР. Что характерно, многие из них изданы на английском языке, а значит, это книги, ориентированные в основном на иностранных читателей. Показательными примерами являются книги Хан Донхо «Информационный бюллетень о правах человека в Северной Корее» [4], Юн Тэю «Неудобная правда о Северной Корее» [5], Пак Кёнсук «Северокорейское общество и его искажённая современность: численность населения, государство и жизнь людей» [6]. Даже по названиям вышеуказанных книг можно судить о том, какую направленность имеет литература, касающаяся северокорейского государства.

Южнокорейские авторы и исследователи стараются показать мировому сообществу «изнанку» КНДР, чтобы продемонстрировать, насколько неправилен режим в Северной Корее по сравнению с политикой РК.

Широкий пласт книг касается отношений с Японией. Большое их количество посвящено борьбе корейского народа с японскими захватчиками в 1910–1945 гг. В основном, книги нацелены не на то, чтобы выставить японцев в неудачном свете, но скорее обозначить силу корейского духа, подчеркнуть, что корейцы как нация стали едины во имя борьбы с иноземными захватчиками. Например, книга «История корейско-японских взаимоотношений с древности до наших дней» [7]. В настоящей политической обстановке для корейцев крайне важно показать, что именно единой нацией они смогли справиться со всеми проблемами и сложностями, с которыми Корея столкнулась во времена японской колонизации. Кроме того, не отрицаются современными исследователями и негативные моменты, связанные с пособничеством некоторых корейцев японцам. Например, об этом находим в книге Наён Эйми Квон «Заигрывая с империей: коллаборационизм и колониальная современность в Корее и Японии» [8]. Книжки же, посвящённые отношениям РК и Японии в настоящее время, как и книги, посвящённые современным отношениям с Китаем, больше нацелены на описание выгоды современного экономического сотрудничества со странами-соседями. Например, книга Чжао Цзинь Лун «Вероятность создания корейско-китайской зоны свободной торговли и потенциальные экономические эффекты» [9]. Подчеркивается тот факт, что корейцы никогда не были и не будут воинственной нацией, они всегда готовы сотрудничать, если их партнёры не проявляют агрессии.

Другой важный момент, рассматривающийся в связи с Японией и также являющийся в некоторой степени конфликтным, является тема о. Токто. Остров

Токто является спорной территорией, принадлежащей или РК, или Японии. Корейцы имеют чёткую аргументацию для доказательства принадлежности о. Токто Южной Корее, и они её активно популяризируют. В связи с этим в Корее выпускается множество брошюр и изданий по данному вопросу в основном на английском языке. Естественно, что такая литература издаётся на экспорт. Например, книги Чон Юнсон «Правда, об [острове] Токто на 11 языках» [10] или «Токто» [11]. Такие книги являются агитационными, они рассчитаны на широкую аудиторию.

Огромное количество книг посвящено корейской истории до периода японской колонизации. В основном это исследования на разнообразную тематику исторического периода династии Ли (эпоха Чосон, 1392–1897). Например, книга Сон Хачжун «История позднего Чосона и воссоздание национальной идентичности» [12]. Интересен тот факт, что в БАН поступают множество книг именно по социальной истории. Например, книга Хо Кёнчжин «Люди среднего общественного положения эпохи Чосон: классом, возродившим целомудрие, был не класс знати, а средний класс» [13]. В настоящее время корейское правительство всегда подчёркивает, что счастье народа — это главная цель его деятельности. В ст. 10 Конституции Республики Корея значится: «Все граждане имеют <...> право на достижение личного счастья» [14]. Я считаю, что в связи с этой позицией корейского правительства у исследователей возникает интерес к социальной истории корейского народа.

Среди присланных материалов представлены книги, рассказывающие о жизни и самоидентификации корейских диаспор в разных точках мира. Например, книги Чо Ынчжу «Самоидентификация корейской диаспоры в Маньчжурии и постколониализм» [15] или И Сончжу «История развития корейской диаспоры на Гавайях: интервью с первой волной эмигрантов» [16]. В таких изданиях

поднимаются вопросы национальной самоидентификации корейцев, что актуально в период глобализации, особенно для такой гомогенной нации, как корейская.

Множество книг посвящено корейской культуре во всех её проявлениях. Несмотря на то что внимание к Южной Корее сейчас во многом приковано благодаря современному искусству, то есть кинематографу и музыке, корейцы всегда стараются акцентировать внимание на том, что их культура древняя, глубокая и в чём-то гораздо более привлекательна, чем современная.

В хранилище БАН находится большое количество книг, посвящённых корейской литературе (в основном XX в.), все на корейском языке, например: Чан Сонгю «Традиционные и современные жанры литературы: исследование жанров второй половины 1930-х гг.» [17], Им Мёнчжин «Постколониальный взгляд на современную корейскую литературу» [18]. Традиционная литература Кореи довольно специфична для европейского читателя, и, хотя корейцы гордятся ею, всё же в изданиях, предназначенных на экспорт, делается акцент на изучение литературы XX в., а именно, на исследование того, как переплетаются традиция и европейские веяния.

Книги по корейской архитектуре и живописи приходят на двух языках. Книги по архитектуре представляют собой скорее путеводители, хорошо иллюстрированные. Их можно использовать и как путеводители, они имеют соответствующий формат — 21 см, например: «Корейские королевские дворцы: Чхандоккун» [19]. Много книг посвящено теории архитектуры. Скорее всего, это связано с тем, что корейская архитектура отлична даже от традиций ближайших соседей — Китая и Японии. Например, книга «Корейская архитектура: дыхание природы» [20] или Ли Чонгу «Архитектурная теология Кореи» [21]. Книги, включающие в себя информацию о живописи, в основном представляют собой большие (24 см)

каталоги, составленные и изданные в музеях РК, например: «Путеводитель по национальному музею» [22]. Много внимания уделяет корейцы и скульптуре, особенно корейской керамике, которая является древним традиционным искусством в Корее. Например, книга Р. Кёлер «Корейская керамика: красота национальных форм» [23]. Такие книги призваны привлечь внимание читателей (которые, скорее всего, являются потенциальными туристами) на корейское материальное наследие.

Книги, рассказывающие о корейской музыке и о корейском театре, издаются на двух языках (корейском и английском). Некоторые из них посвящены историческому развитию сценических видов искусств, другие — современному состоянию традиционных театров. Например, книга Ёй Духён «Развитие корейских сценических видов искусств — спектакль, драма, музыкальный театр: от древности до наших дней» [24]. Следует отметить, что традиционные представления часто проходят, например, в бывших королевских дворцах. Книги о традиционных танцах и музыке часто издаются на английском языке в сериях, которые призваны познакомить иностранцев с культурой Кореи. Например, книга «Корейский танец: чистые эмоции и энергия» [25]. Мне кажется, их цель — привлечь внимание к тому, что потенциальные туристы могут увидеть воочию. Опять же речь идёт о том, чтобы побудить иностранцев заинтересоваться традиционной, а не только современной культурой.

В коллекции также представлены книги по лингвистике. Эти книги можно условно поделить на три типа: 1) учебные пособия по корейскому языку для иностранцев, изданные в ведущих университетах РК, «Говори со мной по-корейски» [26] в комплекте с CD-диском; 2) книги с интересными фактами про корейский язык: «Корейские идиоматические выражения на каждый день: 100 выражений, без которых невозможно прожить» [27]; 3) специализированные монографии

по корейской лингвистике, например, книга Кан Ынгук «Исследование корейской лингвистики и обучение корейскому языку» [28]. Есть также диски с аудио- и видеоматериалами для изучения корейского языка.

Одним из основных направлений национального брендинга является распространение национального языка, а также финансирование организаций, занимающихся обучением иностранцев [3; 45–48]. В изданиях по корейскому языкознанию, которые представлены в Библиотеке Академии наук, студент с любым уровнем знания корейского языка найдет что-либо полезное и подходящее.

Что касается религиозной литературы, то в основном приходят книги, посвящённые буддизму. Это скорее не религиозная литература, а научное осмысление или история буддизма, а также издания, посвящённые буддийскому культурному наследию. Например, книги «Моё сердце — золотой Будда. Буддистские истории из Кореи» [29] или Чхве Сонын «Исследование буддистской скульптуры эпохи Корё» [30]. Буддизм сейчас является популярной религией среди масс; кроме верующих существуют люди, которые заинтересованы в тех или иных аспектах буддизма: скульптура, медитация, буддийское монашество и др. В том числе в Южной Корее очень распространена программа «темпл-стей» (temple-stay), которая предполагает предоставление возможности для туристов несколько дней пожить в монастыре, проникнуться атмосферой буддийского монашества.

Затрагивают корейские издания и сугубо современное искусство, как кинематограф и фотография. Целая серия книг посвящена корейским режиссёрам, есть книги по осмыслению жанра «дорам» и тенденциям развития современного фотографического искусства. Например, книга Нам Юнчжа «IT fashion» [31] или Син Хоун «Традиционная мораль в корейских дорамах: причины мировой популярности дорам» [32]. Некоторые обращены даже к теме корейского попа —

например, книга Ким Чанам «К-поп: корни и расцвет корейской популярной музыки» [33]. Кроме попыток продвижения традиционной культуры, корейцы стараются найти и выявить глубинные корни и современных видов искусства.

В связи с этим кроме книг в БАН поступает большое количество CD-материалов. Среди них альбомы корейской современной музыки и популярнейшие корейские сериалы. Например, «Король старшей школы» [34] или «Парень со звезды» [35].

Широко известно, что для корейцев еда всегда являлась важной темой для разговора. Приём пищи традиционно был окружён неким ритуалом, что традиционно связывалось с конфуцианством. Приходит много кулинарных книг с рецептами приготовления традиционных корейских блюд. Кроме того, есть книги, в которых не просто собраны рецепты, но осмыслены традиции, связанные с подачей блюд. Например, «Научная сторона и технология изготовления корейского кочучжана (1)» [36]. По таким книгам видно, что корейцы придают большое значение своей традиционной пище (например, книга «Счастье в корейской пище» [37]). Кстати, одной из стратегий корейского национального брендинга, которая крупно спонсировалась и продвигалась, была программа по распространению в мире знаний о корейской кухне и навыков приготовления пищи, так как традиционная кухня является неотъемлемой частью образа Кореи [3; 40–45].

Изучив основные тематические направления книг, присылаемых в Библиотеку Российской академии наук по программе «Окно в Корею», можно сделать вывод, что издания, выбранные для отправки, призваны позитивно представить Республику Корея. Безусловно, это соответствует стратегиям национального брендинга Южной Кореи, ключевая цель которого создать положительный образ Республики Корея у иностранцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кочучжан (고추장) — традиционная корейская паста, сделанная из красного перца. Используется в качестве приправы при приготовлении различных блюд и при консервировании овощей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Виноградова Т.И.* «Окно в Корею» в Библиотеке Российской академии наук // Петерб. библ. шк. 2015. № 3(51). С. 68–72.

2. *Anholt S.* Nation-brands of the twenty-first century // Palgrave Macmillan. Доступно по адресу: <http://docshare01.docshare.tips/files/28013/280136920.pdf> (дата обращения: 10.03.2017).

3. *Финько Н.В.* Государственная политика по формированию национального бренда Республики Корея в период президентства Ли Мёнбака (2008–2012 гг.) // Финько Н.В. Магистерская диссертация. СПбГУ, 2014.

4. *한동호, 북한인권백서 = White Paper of Human Rights in North Korea 2014.* 서울: 통일연구원, 2014. (Хан Донхо, пукхан ингвон пэксо. Сеул: тхонилёнгувон, 2014).

5. *윤대규, 북한에 대한 불편한 진실 = Inconvenient truth on North Korea.* 경기도 파주시: 한울, 2013. (Юн Тэгю, пукхане тэхан пулххёнхан чинсил. Пачжу-си: ханул, 2013).

6. *박경숙, 북한 사회와 굴절된근대: 인구, 국가, 주민의 삶 = North Korean society and its refracted modernity: population, state, and lives of the people.* 서울: 서울 대학교 출판 문화원, 2013. (Пак Кёнсук, пукхан сахвева кулчжолдвен кындэ: ингу, кукка, чумине салм. Сеул: Соул тэхаккё чхулпан мунхвавон, 2013).

7. *A History of Korean-Japanese interaction from prehistory to modern times / ed. by History textbook research association (Korea) & History education research association (Japan).* Seoul: Northeast Asian history foundation, 2014.

8. *Nayoung Aimee Kwon.* Intimate Empire: collaboration and colonial modernity

in Korea and Japan. Durham : Duke University Press, 2015.

9. Zhao Jin long. The Feasibility of a Korea-China FTA and Its Potential Economic Effects = 한국-중국의 실현 가능한 FTA와 잠재적 경제효과. 파주시 : 한국학술정보, 2012. (Хангук-чунгуке сирён канынхан FTA ва чамчэчжок кёнчже хёкква. Пачжу-си, хангукхаксулчонбо, 2012).

10. 정윤성, 11개국 언어로 말 하는 독도의 진실 = Truth of Dokdo presented in 11 languages. 서울 : 어문학사, 2012. (Чон Юнсон, 11 кэгук оноро марханын токтое чинсил. Сеул: оmunхакса, 2012).

11. Dokdo= 독도 / Hachette Ein*s Media. Seoul : Sam Hwa Color Printing Co., 2010. (Токто).

12. 송하준, 조선 후기 역사 소설과 민족 정체성의 재구. 서울 : 학자원, 2015. (Сон Хачжун, чосон хуги ёкса сосолгва минчжок чончхесоне чэгү. Сеул: хакчавон, 2015).

13. 허경진, 조선의 종인들 : 정조의 르네상스를 만든 건 사대부가 아니라 '종인'이었다. 서울 : 알 에이치 코리아, 2015. (Хо Кёнчжин, чосоне чуниндыл: чончжо рынсансырыл мандын кон садэбуга анира 'чунин'иотта. Сеул, ал ейчи кхориа, 2015).

14. 대한민국헌법 (Тэханмингукхонпон, Конституция Южной Кореи). Доступна по адресу: <http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=61603&efYd=19880225#0000> (дата обращения: 13.03.2017).

15. 조은주, 디아스포라 정체성 과 탈식민주의시학= Manchuria diaspora identity postcolonialis. 서울 : 국학 자료원, 2015. (Чо Ынчжу, тиасыпхора чончхесонгва тхалсикминчжуие сихак. Сеул, кукхак чарёвон, 2015).

16. 이선주, 하와이 한인 사회의, 1903-1940 : 초창기 이민자들 과의 인터뷰. : 이화여자 대학교 출판부, 2014. (И Чжонсу, хавай ханин сахвее сончжанса, 1903-1940: чхочханги иминчжадылгвае интхобю. Сеул, ихва ёчжа тэхаккё чхулпханбу, 2014).

17. 장성규, '문' 과 '노벨' 의 장르 : 1930년대 후반기 소설 의 장르론적 연구. 서울 : 소명 출판, 2015. (Чан Сонгю, 'мун' ква 'нобел'е чанрысахвехах: 1930нён хубанги

сосоле чанрырончжок ёнгу. Сеул : сомён чхулпхан, 2015).

18. 임명진, 탈식민의 시각으로 보는 한국현대문학사. 서울:역락, 2015. (Им Мёнчжин, тхалсикмине сигагыро понын хангук хёндэ мунхакса. Сеул : ённак, 2015).

19. Yi Hyang-u. Korean Royal Palace : Changdeokkung. Seou : Inmunwalk, 2015

20. Korean architecture: breathing with nature / Han'guk Kukche Kyoryu Chaedan. Seoul : Seoul Selection, 2010.

21. Yi Chöng-gu. Architectural theology in Korea. Seoul : Dongyun Pub., 2011.

22. 국립중앙 박물관 핸드북 = National Museum of Korea handbook / 국립 중앙 박물관. 서울 : 국립중앙 박물관, 2011. (Куннип чунан панмулгван хэндэбук/ куннип чунан панмулгван. Сеул, куннип чунан панмулгван, 2011).

23. Koehler R. Korean ceramics: the beauty of natural forms. Seoul : Seoul Selection, 2012.

24. 의두현, 한국 공영 예술의 흐름: 연극, 무용, 음악극: 고대에서현재까지 = Korean performing arts: dramas, dance & music theatre». 서울, 현대 미학사, 2013. (Ый Духён, хангук конён йесуре хырым : ёнгу, муён, ымаккык: кодэесо хёнчжеккачжи. Сеул, хёндэ михакса, 2013).

25. File C., Yi Chin-hyöök. Korean dance : pure emotion and energy. Seoul : Seoul Selection, 2013.

26. Talk to me in Korean. Level 1 / ed. Kyung-hwa Sun. Seoul : Language Plus, 2012.

27. An Hyojin, Morris Stephanie. Everyday Korean idiomatic expressions : 100 expressions you can't live without = 한국에서 자주 쓰이는 관용 표현 100 가지. Seoul : Longtail Books, 2014. (Хангугесо чачжу ссыиннын кванён пёхён 100 качжи).

28. 강은국, 한국 언어학 연구 와 한국어 교육. 서울, 도서출판 夏雨, 2015. (Кан Ынгук, хангук онохак ёнгува хангуго кёюк. Сеул, тосо чхулпхан хау, 2015).

29. Daehaeng, My heart is a golden Buddha : Buddhist stories from Korea. : Hanmaum International Culture Institute, 2014. (Анян).

Изучаем Восток

30. 최성은, 고려 시대 불교 조각 연구. 서울: 일조각, 2013. (Чхве Сонын, корё сидэ пулгё чогак ёнгу. Сеул : илчжогак, 2013).
31. 남윤자, IT fashion. 서울 : 교문사, 2013. (Нам Юнчжа. Сеул: кёмунса, 2013).
32. 신호웅, 한류 드라마 속 의 도덕관: 세계인들이한류드라마를좋아하는이유: 예의, 염치, 효, 용, 충, 신. 서울 : 경혜, 2013. (Син Хоун, халлю дырама соге тодоккван: сегйеиндыри халлю дырамарыл човаханын ию: йе, ый, ём, чхи, хё, ён, чхун, син. Сеул : кёнхйе, 2013).
33. *Kim Ch'ang-nam*. K-pop: roots and blossoming of Korean popular music. Seoul: Hollym: Arts Council Korea, 2012.
34. 고교처세왕 [Videorecording, Motion picture, Microform]: худ. фильм., 2015. 1 эл. опт. диск (CD-ROM). (Когёчхосеван. Сеул, 2015).
35. 별에서 온 그대 [Videorecording, Motion picture, Microform]: худ. фильм. 서울, 2014. 1 эл. опт. диск (CD-ROM). (Пёресо он кыдэ. Сеул, 2014).
36. *Sin Tong-hwa*. Science and technology of Korean Gochujang. Seoul : Public health edu, 2012.
37. The happiness of Korean food / ed. Park Taejeon. Seoul : Story Blossom, 2010.

ОПЫТ ЯПОНСКИХ БИБЛИОТЕК ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ЦИФРОВОГО КОНТЕНТА

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается опыт японских библиотек по обеспечению доступа к электронным материалам. Несмотря на ведущую роль Японии в мире на рынке информационных технологий, строгое законодательство в области авторских прав, отсутствие единой платформы программного обеспечения, политика японских издательств приводит к медленному пополнению цифровых библиотек.

Ключевые слова: электронные библиотеки.

В последнее время всё острее стоит вопрос о внедрении и расширении использования электронного контента в российских библиотеках. В современный век информационных технологий, чтобы библиотека по-прежнему могла привлекать читателя, ей необходимо будет двигаться по пути модернизации, активно расширяя свои полнотекстовые базы данных и предоставляя своим пользователям электронные книги и документы. В связи с этим представляется важным изучить опыт библиотек других стран по использованию цифрового контента. В данной статье предлагается рассмотреть многолетний опыт японских библиотек.

Несмотря на то что Япония является одним из лидеров на рынке информационных технологий, осуществление библиотечными сервиса по предоставлению литературы в электронном виде сопряжено с рядом трудностей, вызванных медленным пополнением цифровых библиотек. Надо отметить, что эта проблема носит глобальный характер по всему миру. Так, проект Google Books, намеревавшийся оцифровать всё книжное наследие, практически перестал развиваться [1].

Несмотря на то что уже с 2000 г., когда была заявлена правительственная программа «Электронная Япония», на ежегодных библиотечных симпозиумах

провозглашается политика по созданию всеобщей японской виртуальной библиотеки и оказание полноценного сервиса по предоставлению литературы в электронном виде, пополнение виртуальных библиотек литературой происходит крайне медленно. По состоянию на 2016 г. всего 44 публичные библиотеки, т.е. всего один процент от общего числа библиотек Японии, осуществляли сервис по выдачи электронных изданий. Это крайне низкий показатель среди стран, которые относятся к развитым. Например, в США этот показатель составляет 82% публичных и 95% школьных библиотек [2]. Удивительным показалось также то, что, согласно исследованию, проведённому среди библиотек Японии в 2014 г., 53% библиотек не планируют введения сервиса по предоставлению электронных изданий в ближайшее время [3]. Тем не менее, для библиотек Японии, которые оказываются под угрозой закрытия в результате низкой посещаемости в связи с значительным сокращением численности населения (проблемы старения населения и низкой рождаемости), создание виртуальных библиотек могло бы стать настоящим спасением и уберечь их от закрытия.

Конечно, создание виртуальных библиотек и сервис по предоставлению электронных материалов требует

значительного технического оснащения (желательно унифицированного для всех библиотек), высокой квалификации сотрудников библиотеки и, главное, значительной экономической поддержки со стороны правительства. Все эти факторы, а также продолжающийся много лет спад японской экономики, отрицательно сказывающийся на материальном обеспечении библиотек, нередко указываются экспертами в качестве тормозящих развитие виртуальных библиотек [4, с. 757–758]. Но, тем не менее, представляется, что главная проблема находится в строгом, к тому же недостаточно адаптированном под современные нужды законодательстве в области защиты авторских прав в Японии. Кроме того, японские издательства, являющиеся правообладателями, зачастую не желают сотрудничать с японскими библиотеками.

В этих условиях многие публичные библиотеки методом проб и ошибок пытаются самостоятельно найти способ для создания и развития собственных виртуальных библиотек и таким образом привлечь читателей. Такой опыт отдельных библиотек регулярно и подробно описывается в выпусках ежемесячного журнала библиотечной ассоциации Японии «Тосёкан дзасси» (Library Journal). На страницах журнала сотрудники библиотек делятся опытом использования выбранного библиотекой программного обеспечения, техническими средствами защиты авторских прав (DRM), достижения договоренностей с издательствами и даже нахождением лазеек в области защиты авторских прав. Немало внимания уделено обоснованию выбора контента для оцифровывания. Например, показателен опыт муниципальной библиотеки префектуры Акита, сотрудники которой решили оцифровать не являющиеся фаворитами на рынке продаж, но имеющиеся в библиотеке старые номера журналов и материалы. Так как не совсем ясно, кому принадлежат авторские права на эти материалы, то в библиотеке было решено, что не требуется разрешения на их

оцифровывание. Также в библиотеке одновременно с запуском сервиса электронных книг была разработана система хранения и архивирования данных, система хранения музейных, библиотечных и архивных данных, в результате чего была построена среда для получения цифровых данных из префектуральных архивов. Благодаря этому ожидается, что в системе будут регистрироваться после оцифровывания периодические издания префектуральных учреждений, а также так называемая «серая литература» (1). При этом по правилам библиотеки одно электронное издание может одновременно читать один читатель [5, с. 762–763]. К сожалению, надо отметить, что в случае оцифровывания «серой литературы», которая нередко также подразумевает различного рода отчёты, где важную роль играют графики и таблицы, за основу берётся бумажный текст. В итоге при работе с документами становится невозможным пользоваться преимуществами электронных данных, например, опцией увеличения и уменьшения шрифта, выделением, звуковым сопровождением данных (что очень актуально в случае, если читатель имеет определённые физические ограничения) и т.д. [6, с. 381].

Библиотеки стремятся всячески наладить взаимоотношения с издательствами, чтобы те пошли им навстречу и предоставляли электронные копии популярных у читателей изданий и право выдачи их читателям. Библиотеки вызывают издателей на диалог, организуя круглые столы, семинары и пресс-конференции во время различных событий, связанных с книгопечатным бизнесом. Во время одной из таких встреч в 2015 г. представитель крупнейшего авторитетного издательства «Коданся» Ёсиба Осаму подтвердил крайне низкий процент оцифрованных книг, предоставляемых библиотекам, — всего пять процентов от всех цифровых изданий, выпускаемых в издательстве. При этом среди передаваемых цифровых изданий практически не было художественной литературы,

которая востребована у читателей публичных библиотек [3].

Небольшие издательства и вовсе пока ещё ориентированы исключительно на выпуск бумажных изданий. По словам представителя издательства Сава Хитоси, если книга была выпущена несколько лет назад, то издательства могут не сохранить её электронную копию [3]. Однако это высказывание кажется более чем сомнительным. На этой же встрече высказывались предложения, что, может быть, на сайте библиотек стоит разместить кнопку «Вцу ит поу» (Купить сейчас), с помощью которой читатель мог бы, например, купить заинтересовавшую его книгу [3]. По уклончивым ответам представителей издательств становится понятным, что всё-таки главным препятствием для расширения библиотечных виртуальных библиотек является нежелание предоставлять большое число электронных изданий из-за опасений, что это нанесет урон их бизнесу.

Цуно Кайтаро, почётный профессор университета Вако, также считает, что главная причина отсутствия развития виртуальных библиотек в Японии связана с тем, что литература рассматривается как «товар», а не как «общественное достояние». Со времён изобретения Гутенбергом печатного станка, с одной стороны, книги стали доступными для широких масс, с другой стороны, наметилась и противоположная тенденция — коммерциализации книгопечатного дела. Однако профессор Цуно считает, что именно библиотеки на определённых исторических этапах сыграли важную роль в обеспечении доступности книг для разных слоёв населения. «Однако неужели в эпоху цифровой информации библиотеки утратят своё важнейшее предназначение?» — сокрушается профессор Цуно [7, с. 369–370].

Множество факторов препятствуют развитию электронных библиотек в Японии. И одной из главных причин является строгое законодательство в области защиты авторских прав, позволяющее издательствам контролировать

комплектование цифровых библиотек. Однако ряд библиотек, мобилизуя собственные ресурсы, тем не менее, находят пути для развития и предоставления читателям сервиса по выдаче цифровых изданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Серая литература» — термин, используемый интеллектуальным сообществом, библиотекарями, медицинскими и другими исследователями и учёными, для названия совокупности текстов, которые не могут быть свободно найдены по традиционным каналам, однако такая литература достаточно востребована и, как правило, является новейшей [8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зеньков А. Взлёт и падение Google Books. 2017. — URL: <https://rb.ru/story/google-books/> (дата посещения: 30.05.2017).

2. Work // Japan Digital Library Service. 2013. — URL: <http://www.jdls.co.jp/work/> (дата посещения: 30.05.2017).

3. Такано Рё鷹野 凌 Тосёканмукэ «дэнси сёсэки» га наканака фуэнай рию: 図書館向け「電子書籍」がなかなか増えない理由 (Причина плохого комплектования японских библиотек электронными изданиями // Дай дзю:нана кай тосёкан со:го: тосёкан со:го:тэн (17-я Всеобщая выставка библиотек). 2015. — URL: <http://internet.watch.impress.co.jp/docs/event/730931.html> (дата посещения: 30.05.2017).

4. Маё Ютака 間部豊 Ко:кё: тосёкан ни окэру дэнси сёсэки но до:ню: дзё:кё: ни цуитэ (О введении электронного контента в японских публичных библиотеках) 公共図書館における電子書籍の導入状況について Ко:кё: тосёкан ни окэру дэнси сёсэки но до:ню: дзё:кё: ни цуитэ (О введении электронного контента в японских публичных библиотеках) // 図書館雑誌 (Библиотечный журнал). 2013. Т. 107. № 12. С. 756–758.

Изучаем Восток

5. Ямадзаки Хироки 山崎博樹 Акита кэнрицу тосёкан ни окэру дэнси сёсэки са:бису но котыку то кадай 秋田県立図書館における電子書籍サービスの構築と課題 (Задание и формирование сервиса по предоставлению электронных изданий в префектуральной библиотеке Акита) // 図書館雑誌 (Библиотечный журнал). 2013. Т. 107. № 12. С. 762–765.

6. Мацуока Канамэ 松岡要 Дэнси сёсэки о цукаиконасэруё:на дзё:кэн о сэйбисуру кото косо дзю:ё: 電子書籍を使いこなせるような条件を整備することこそ重要 (Важность создания условий

для умелого обращения с электронными изданиями) // 図書館雑誌 (Библиотечный журнал). 2011. Т. 105. № 6. С. 379–381.

7. Цуно Кайтаро 津野海太郎 Хон то тосёкан но дэнсика о рэкиси кара кангаэру 本と図書館の電子化を歴史から考える (Размышляя о создании электронных библиотек с исторической перспективой) // 図書館雑誌 (Библиотечный журнал). 2011. Т. 105. № 6. С. 368–371.

8. Серая литература. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Серая_литература (дата посещения: 30.05.2017).

ФАКТОГРАФИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОХРАННОСТИ ФОНДОВ

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены вопросы истории создания и применения электронных баз данных (БД) для решения различных задач обеспечения сохранности документов и перспективы их дальнейшего использования. Представлены типы БД, которые применяются в БАН в комплексе работ по обеспечению сохранности документов: фактографические БД для фондов и коллекций, БД с данными мониторинга микроклимата и БД микромицетов-контаминантов библиотечных фондов.

Ключевые слова: БАН, электронная база данных, фактографическая база данных, консервация, сохранность документа, информационная карта, обеспечение сохранности, микроклимат книгохранилищ, биоповреждение документов, микромицеты.

- Фактографические базы данных по сохранности в практике БАН — исторический вопрос.

- Использование фактографических БД по сохранности в мониторинге состояния фондов и консервации.

- БД «Микромицеты-контаминанты библиотечных фондов БАН».

Консервация объектов культурного наследия, и, в частности, документов на бумажной основе, является относительно новой научно-практической сферой деятельности, которая начала активно развиваться в последней четверти XX в., и рассматривается в настоящее время как интегральная прикладная дисциплина на стыке физической и органической химии, материаловедения, экологии, микробиологии, энтомологии и т.д. [1–5].

Информационное обеспечение (ИО) проблем этой новой науки имеет свои особенности, которые были определены около 20 лет назад В.П. Захаровым [6]:

- проблемы отбора источников информации, их большое расщепление;

- несложившаяся терминологическая система (так, например, логическое соотношение понятий «консервация» и «реставрация» неодинаково у разных

авторов, занимающихся обеспечением сохранности памятников культуры и искусства с разной материальной основой);

- значительная роль фактографической информации в планировании работ по консервации и в оценке эффективности принятых мер (имеются в виду планируемые работы по консервации, и оценка эффективности дезинфекции, например).

Наличие специфических задач, лежащих на стыке ИО и проблем сохранности (например, задачи создания, отбора и анализа электронных образов изображений биоповреждений документов, отбор микрофотографий поврежденных материальной основы документов и микрофотографий микроорганизмов, вызывающих эти повреждения) требует отдельных, специфических решений. Планировалось, что комплексная информационная система, разрабатываемая в БАН с 90-х гг., будет обеспечивать информационную поддержку работ, ведущихся в БАН по обеспечению сохранности фондов, и это позволит оперативно получать данные о текущем состоянии фондов библиотеки, определять наиболее эффективные методы консервации, учитывающие экологическую

обстановку в хранилищах и текущее состояние фонда [1, 4, 5].

Особый интерес для практической работы в области обеспечения сохранности документов представляют последние два направления, ведение консервационных и реставрационных работ на надлежащем уровне невозможно без современного информационного обеспечения, соответствующего поставленным задачам.

Согласно теории принятия решений и практическим наблюдениям, долгий процесс поиска решения и принятие нерациональных решений во многом связаны с отсутствием у специалиста или частичной недоступностью необходимой информации. Базы данных и системы управления базами данных в этом случае можно рассматривать как стратегические средства в совершенствовании управления технологическими и производственными процессами.

В настоящее время структурированные файлы данных о документах, книгохранилищах или каких-либо других элементах, входящих в «антропоэкологическую систему библиотеки» (термин введён д.б.н. Ю.П. Нюкша и описывает систему, включающую фонды библиотеки, здание, специалистов, работающих в библиотеке, книгохранилища и экологическую среду в них, читателей [8–10]), являются важной составляющей комплексных автоматизированных систем мониторинга и контроля сохранности фондов [11].

Активное внедрение в практику обеспечения сохранности фондов компьютерных информационных технологий, и, в частности, фактографических баз данных по сохранности, представляющих собой программные системы управления структурированными файлами данных о библиотечных фондах, обеспечивают пользователю (хранителю, консерватору, реставратору) оперативное получение необходимой информации о физическом состоянии фонда или коллекции, или физическом состоянии отдельных единиц хранения. Использование электронных

БД облегчает специалистам процесс поиска оптимального решения почти в любых сферах деятельности, когда для принятия решения необходимо провести предварительный анализ больших объёмов информации, с тем чтобы сначала найти область допустимых решений, а затем выбрать из них соответствующее наилучшим образом поставленным задачам, в том числе и в планировании мероприятий по обеспечению сохранности документов.

В БАН с целью повышения эффективности обеспечения сохранности документов используются фактографические БД по отдельным фондам, БД по микроклимату книгохранилищ и в 2016 г. создана и пополняется БД «Микромицеты фондов БАН». В настоящее время комплексная База данных и знаний по превентивной консервации библиотечных материалов представлена следующими компонентами (см. Приложение табл. 1):

В БАН в последнее десятилетие была разработана и усовершенствована технология создания фактографического описания библиотечных фондов, индивидуальные информационные карты–описания для документов коллекций и программное обеспечение на основе СУБД MS ACCESS. Начиная с 2008 г. издания из фондов БАН, которые по объективным показаниям переводятся в форму фазового хранения, описывают по информационным картам с одновременным занесением данных в соответствующую фактографическую БД. С 2013 г. уже имеющиеся фактографические БД по сохранности, в созданные 2008 г., поэтапно конвертируются в формат UNIMARC для дальнейшего использования в ПО ИРБИС-64 [12].

В 2016 г. М.А. Белинской была разработана БД «Микромицеты БАН» ПО ИРБИС-64. Данная БД содержит информацию о микроскопических грибах, входящих в автохтонную биоту книгохранилищ, и микромицетах-контаминантах библиотечных

фондов, выделенных с биоповреждённых документов. Каждый изолят, внесённый в БД, можно описать по морфологическим и биохимическим свойствам, внести данные о месте, времени и источнике выделения штамма, а также привести данные о чувствительности к биоцидам и дополнить изображениями — микро- и макрофотографиями (см. рис. 1). БД содержит информацию по биохимическим особенностям, включая наличие защитных факторов и факторов агрессии — продуцируемые экзоферменты и экзополисахариды, пигменты и температурный диапазон, в котором культура способна развиваться.

В коллекции грибов НИОКиРФ KF-BAN присутствует около 300 изолятов, которые описаны, идентифицированы до рода и вида, с описанием микро- и макроморфологии, данными о спектре чувствительности к антифунгальным веществам и антисептикам, используемым для дезинфекции документов и некоторым противогрибковым антибиотикам, применяемым в медицине и ветеринарии. Весь массив данных о каждом штамме разбит на интервальные и атрибутивные шкалы и входит в информационную карту штамма.

Информационная карта штамма *Aspergillus niger* — KF-BAN-125 в БД «Микромицеты БАН» приведена на рисунке (см. рис 1).

Особую ценность эта коллекция представляет потому, что в ней собраны микромицеты, относительно недавно выделенные из книгохранилищ, сама же коллекция регулярно пополняется.

По изменениям в составе микобиоты можно судить о санитарно-гигиеническом благополучии внутренней среды книгохранилищ. Сотрудниками НИОКиРФ отмечено, что состав микобиоты книгохранилищ варьирует с течением времени [14]. Так, в период протечек в пострадавших книгохранилищах, в которых обнаруживали, а затем многократно обрабатывали биоцидами повреждённые влагой и плесенью

книги, присутствовали влаголюбивые микромицеты, которые после устранения причин протечек постепенно перестали выделяться с документов, стен и из воздуха, и качественный состав биоты вернулся к описанному в литературе для жилых и офисных помещений крупного мегаполиса (см. рис. 2).

Кроме того, со временем в книгохранилищах, где проводились кратные обработки документов, появляются изоляты с пониженной чувствительностью к биоциду, которым обрабатывали документы в течение ряда лет [14]. Это говорит о необходимости замены биоцида.

Грибы в данной коллекции используются для подбора биоцидов, поскольку существует очень большая вариативность в чувствительности штаммов внутри одного вида, и только данные, полученные на «аборигенных» штаммах, могут дать более надёжную информацию. Если при подборе биоцидов для дезинфекции документов испытания проводят на коллекционных штаммах, хранящихся не одно десятилетие на относительно богатых доступными источниками углерода и азота питательных средах, эти данные не могут дать уверенности в том, что «дикие», адаптированные к условиям фондохранилищ и способные разрушать материальную основу документов штаммы грибов будут столь же высокочувствительны к рекомендованным концентрациям, установленным на моделях в лабораторных условиях. Это приводит к необходимости проведения дополнительных исследований, повторным обработкам документов, если препарат оказался недостаточно эффективен и в итоге к дополнительным затратам.

Исследований, посвящённых рациональному подбору биоцидов, проведённых на грибах, выделенных из книгохранилищ библиотек и музеев, в настоящее время проводится немного, поскольку выделение, хранение, описание и идентификация микромицетов достаточно трудоёмки.

Использование подобных БД облегчит выбор биоцидов для дезинфекции документов и оптимизирует процесс подбора средств для поддержания оптимальных санитарно-гигиенических условий в книгохранилищах, повысит эффективность мер по обеспечению сохранности фондов.

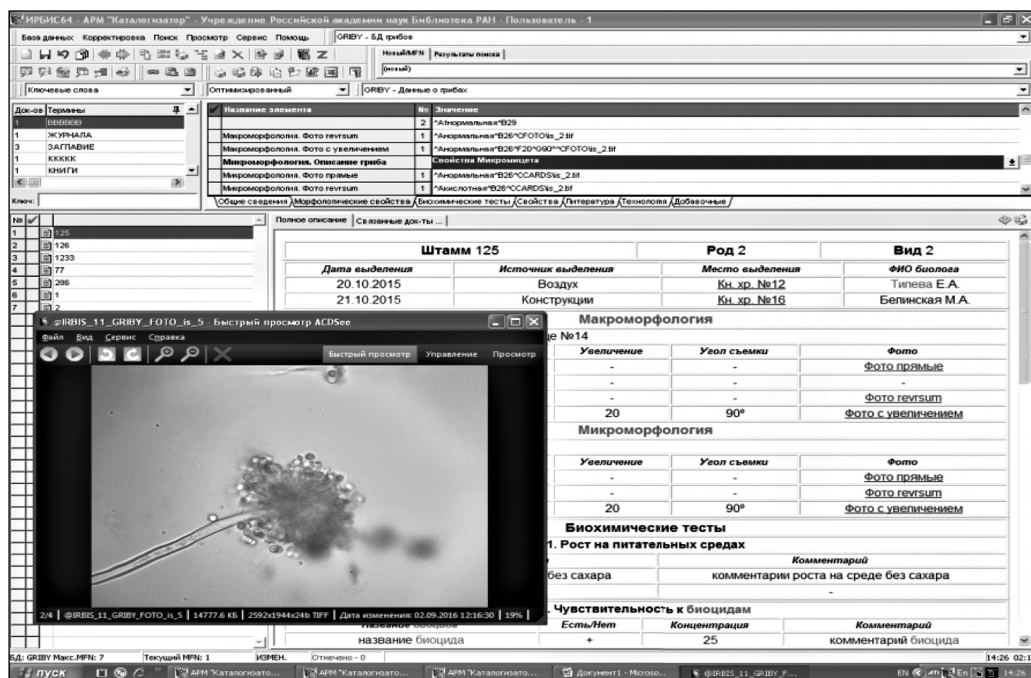

Рис. 1. Информационная карта штамма *Aspergillus niger* – KF-BAN-125, выделенного с биоповреждённого документа с микрофотографией конидиеносца гриба (вид на экране компьютера)

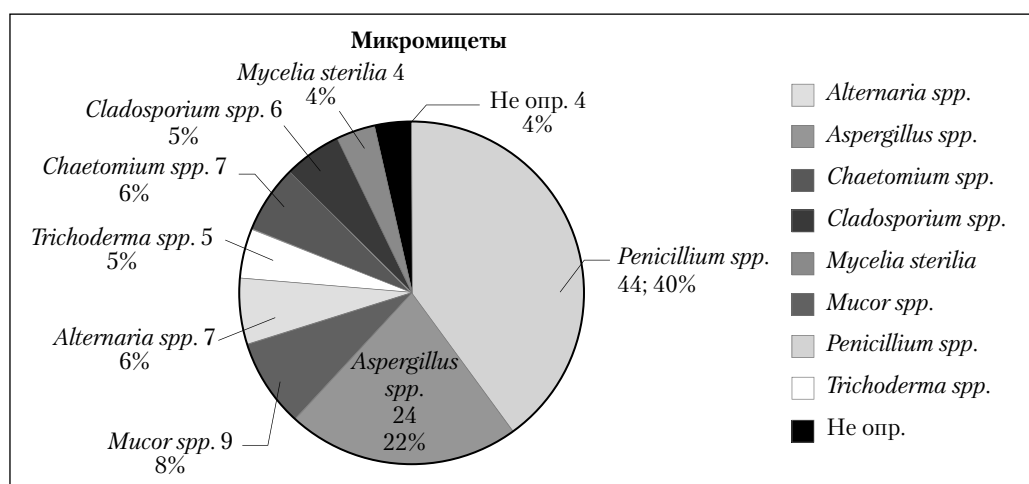

Рис. 2. Состав микробиоты BAN

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азарова И.В., Беляева И.М., Захаров В.П., Левашова Л.Г., Леонов В.П. Система информационного обеспечения работ по консервации и реставрации библиотечных фондов в Библиотеке Российской Академии наук // Применение ЭВМ в информационно-библиотехнологии : сб. науч. тр. / БЕН РАН. М., 1995. С. 30–32.
2. Сворцова О.В. Развитие взглядов на историю и современное состояние проблемы сохранения документов в библиотечном деле // Петерб. библ. шк. 1999. № 4. С. 4–10.
3. Сворцова О.В. Теоретические вопросы консервации библиотечных фондов // Библиотечное дело-2000 : Пробл. формирования открытого информ. о-ва : тез. докл. 5-й Междунар. науч. конф. (Москва, 25–26 апр. 2000). М., 2000. Ч. 1. С. 46–48.
4. Беляева И.М., Чилиева Е.В., Тилева Е.А., Белинская М.А. Использование современных информационных технологий в сохранении книжных памятников из фондов БАН (на примере собрания Радзивиллов) // Петерб. библ. шк. 2014. № 2. С. 27–31.
5. Старова Е.В., Тилева Е.А., Беляева И.М. Фактографические базы данных в консервации и реставрации библиотечных фондов // Наукові доповіді IX Міжнародної практичної конференції «Дослідження, консервація та реставрація музейних пам'яток : досягнення, тенденції розвитку» (Київ, 27–31 травня 2013 року). Київ, 2013. 5 с.
6. Захаров В.П. Создание системы информационного обеспечения проблем консервации и реставрации библиотечных фондов // Науч. и техн. б-ки. 1996. № 1. С. 54–57.
7. Азарова И.В., Беляева И.М., Захаров В.П., Леонов В.П. Золотой фонд знаний: Разработка в Библиотеке Академии наук интеллектуальной базы знаний по превентивной консервации библиотечных фондов // Информ. ресурсы России. 1993. № 5. С. 20–21.
8. Нюкша Ю.П. Парадигма консервации для современной научной библиотеки / Ю.П. Нюкша // Материалы VII Международной конференции «Збереження, дослідження, консервація та експертиза пам'яток культурного насліддя» / ННЦРУ. Київ, 2009. С. 210–213.
9. Нюкша Ю.П. Современные проблемы консервации документов в библиотеке // Актуальные проблемы развития универсальной научной библиотеки : сб. науч. тр. Л., 1984.
10. Нюкша Ю.П., Леонов В.П. Экосистемы антропогенно-технологического происхождения // Критерии экологической безопасности. СПб. : БАН, 1995.
11. Леонов В.П., Беляева И.М., Нюкша Ю.П., Левашова Л.Г., Старова Е.В., Естафьева Р.И. Комплексная система обеспечения сохранности и доступности библиотечных коллекций. СПб. : БАН, 2003.
12. Пименов Е.Н., Тилева Е.А., Белинская М.А., Солдатов В.А. Путеводитель по консервации документов на бумажной основе // Науч. и техн. б-ки. 2014. № 11. С. 54–57.
13. Белинская М.А., Новицкая И.И., Тилева Е.А. Автоматизация библиотечно-библиографических процессов БАН : история и современность // Труды XVII Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2014). Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики; Библиотека Российской академии наук. 2014. С. 7–11.
14. Тилева Е.А. Микромицеты фондов БАН // Тезисы докладов конференции «Библиотека Академии наук — 300 лет служения науке». СПб. : БАН, 2014. С. 79.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Информационное обеспечение работ по консервации и реставрации в БАН – современное состояние

Подсистема БД и знаний по превентивной консервации библиотечных фондов	Текущее состояние
Документально-библиографическая система НТИ по консервации и реставрации библиотечных материалов	Поддерживается библиографическая БД «Консервация и реставрация документов», содержащая библиографические данные источников в области консервации и обеспечения сохранности (статей, монографий, тезисов на русском и английском языке) – работу ведут НИОИА, НИОБиБ, БД используется специалистами НИОКиРФ
Фактографические БД, описывающие состояние книг, экологическое состояние книгохранилищ	В настоящее время – создан и пополняется ряд фактографических БД по сохранности, разработанных для отдельных коллекций и фондов, включая фонды ОФО (Славянский фонд, Иностраннный фонд), НИОРК, НИОР, ЗИН, СПБии, НИОР, МАЭ [12]; – пополняется БД «Микроклимат книгохранилищ БАН», база содержит данные о температурно-влажностном режиме книгохранилищ БАН за 15 лет – создана фактографическая БД «Микромицеты книгохранилищ БАН» – 2016 г., которая отражает состав и свойства коллекции микроскопических грибов, которая ведется с 2009 г. В коллекции аккумулированы штаммы микромицетов, автохтонные для книгохранилищ БАН, в том числе изоляты, выделенные с биоповреждённых документов и книг
Экспертная система, призванная играть роль интеллектуальной справочной системы для специалистов по консервации и реставрации	В настоящее время разработан «Путеводитель по вопросам сохранности документов на бумажной основе», который содержит актуальные ссылки по передовым исследованиям и нормативам в области консервации и реставрации документов и корректируется специалистами НИОИА и НИОКиРФ [13]

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ БИБЛИОТЕЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПО БИОЛОГИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы истории создания единой Библиотечно-библиографической классификации (ББК) по биологическим дисциплинам в первой половине двадцатого века, главным образом, участие сотрудников Библиотеки Российской академии наук в разработке таблиц ББК в области биологии.

Ключевые слова: Библиотечно-библиографическая классификация, биологические науки, Библиотека Российской академии наук.

Непрерывное развитие науки и высокий темп научно-технического прогресса требует постоянного пересмотра системы классификации научных знаний. Поэтому проблема создания новых, адекватных схем систематизации научной литературы всегда представлялась актуальной.

Двадцатый век характеризуется активным развитием естественнонаучных дисциплин, в том числе биологии; число открытий за этот период значительно превышает число открытий всех предыдущих столетий. Накопленный на рубеже XIX–XX вв. объём знаний способствовал дифференциации и узкой специализации научных дисциплин. Так, увеличение числа описанных видов животных, ранее неизвестных, разделило зоологию на протистологию, малакологию, энтомологию (в свою очередь подразделившуюся по таксономическим группам), ихтиологию, герпетологию и териологию. Аналогично из ботаники были выделены альгология и микология. Совершенствование микроскопии в начале века привело к интенсивному развитию цитологии и микробиологии, из которой впоследствии как самостоятельная дисциплина выделилась вирусология.

Развитие физико-математических и химических отраслей и, как следствие, создание соответствующей методической базы для биологических исследований

обусловило процесс их интеграции, взаимного проникновения и слияния областей биологии. На стыке не только биологических дисциплин, но и других отраслей науки возникают совершенно новые направления. Наряду с биофизикой и биохимией появляются цитогенетика, экологическая генетика, кариология, цитофизиология, молекулярная биология и др. Технический прогресс определил новые критерии для классификации растений и животных, что изменило систематику как науку. Огромную роль для развития биологических дисциплин в целом и систематики в частности в XX в. сыграла эволюционная теория, разработанная Ч. Дарвином во второй половине XIX в., заставившая пересмотреть накопленные биологические знания и создавшая новые эволюционные направления во всех отраслях биологической науки.

Отдельно следует упомянуть, что именно в начале XX в. были заложены основы для развития таких дисциплин, как экология (В.И. Вернадский), иммунология (И.И. Мечников, П. Эрлих, К. Ландштейнер, Р. Кох, Э.А. фон Беринг), физиология и психофизиология (И.П. Павлов, А.А. Ухтомский).

К началу XX в. в российских библиотеках не существовало единой системы классификации научной

литературы. Использовались разные таблицы, приспособленные для систематизации конкретных фондов. В это время основной схемой классификации в Библиотеке Российской академии наук (БАН) была созданная ещё в 1841 г. система К. Бэра [1, с. 16–19]. Согласно этой схеме, биологические науки были представлены в составе раздела «VII Естественная история органического мира» в виде ряда равнозначных подразделов одного порядка, отражающих различные аспекты изучения живой природы. Ботанические и зоологические дисциплины в этом ряду не сгруппированы в более общие разделы, а расположение таксонов живых организмов даётся по систематике К. Линнея. Антропология и все направления биологии человека были объединены в самостоятельный раздел (табл. 1). Произошедший на рубеже веков переворот в области биологического научного познания поставил вопрос о дальнейшем развитии и использовании системы К. Бэра, требовавшей значительной её модернизации с учётом изменившегося положения научных дисциплин в общей классификации науки. Однако в результате пересмотра этой системы общая её схема осталась практически неизменной. Согласно «Проекту пересмотра системы классификации книг академика К.М. Бэра» от 1929 г. были введены новые подразделения, касавшиеся систематики живых организмов, а также изменена устаревшая терминология (табл. 1) [2, л. 22–27].

Одновременно с этим в 20-х гг. XX в. была предпринята попытка внедрения десятичной системы классификации, однако она подвергалась большой критике, в том числе по идеологическим причинам. Несмотря на многократные попытки адаптировать данную схему, она так и не получила широкого распространения в силу «фиксированности» разделов, что делало её недостаточно гибкой в условиях быстро развивающихся научных направлений.

В начале 1930-х гг. руководитель Отдела систематизации и информации БАН В.В. Успенский в своих статьях поднимает «вопрос о полном систематическом

каталоге книжных собраний Академии наук» на основе общей классификационной схемы [3, 4]. В 1934 г. Библиотекой Российской академии наук было проведено 1-е Всесоюзное совещание по систематическому каталогу, целью которого было создание единой советской системы библиотечно-библиографической классификации. В совещании приняли участие представители крупнейших библиотек СССР.

На совещании были подняты вопросы классификации наук и организации систематического каталога, проблемы реальных каталогов и возможности совмещения предметного и систематического принципов, а также были представлены на обсуждение классификационные схемы. Проект таблиц по биологическим дисциплинам был представлен старшим библиотекарем БАН В.С. Золотиловым [5, л. 14–31]. Биологические науки нашли отражение в разделе «И. Биология», который под заглавием «Науки о мире органическом» был включён в общий отдел «II. Физико-математические и естественные науки». Раздел был подготовлен сотрудниками Отдела систематизации и информации БАН, биологами по образованию С.Л. Дрюбиной-Каценельсон и И.С. Хармац. Составители схемы ориентировались в первую очередь не на имевшийся в фонде книжный материал, но старались согласовать её с общей структурой классификации науки, учитывая возможность её дальнейшего развития. По логике построения схему условно можно разделить на две части (табл. 1). В первой, наряду с общей биологией и палеобиологией, представлены относительно молодые дисциплины, такие как биофизика, биохимия, цитология, генетика и экология. Они описывают общие закономерности, характерные для всех живых организмов, а указанный порядок отражает уровни организации живых организмов от молекулярно-клеточного и организменного до популяционно-видового и биосферного. Каждая дисциплина подразделяется на «статические»

(морфологические) и «динамические» (физиологические) элементы. По словам докладчика: «Мы старались в живом веществе выделять морфологию, как отражение статистических законов существования, и динамику, как выразитель такого диалектического развития вещества» [5, л. 16]. Особенно детально проработан раздел «Генетика», в создании которого принимали участия сотрудники Института генетики АН, что является свидетельством повышенного интереса к данной области биологии в начале XX в. «Поскольку <генетика> стоит в центре научных интересов, она была разработана нашим сотрудником очень подробно...» [5, л. 16]. Во вторую часть входят частные разделы, объединяющие крупные таксономические группы, расположенные также по принципу от простого к сложному – микробиология, ботаника, зоология, и завершается этот ряд антропологией. Следует отметить, что ни гистология, ни эмбриология не выделены в схеме как отдельные дисциплины.

Таким образом, представленная на совещании классификационная схема обладала немалыми достоинствами и в целом отражала состояние биологической науки 30-х гг. XX в. Результаты проведенного совещания были восприняты с большим энтузиазмом, и было принято решение создать для разработки единой библиотечной классификации комиссию из представителей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Библиотеки АН СССР и Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

В архиве БАН сохранился документ «Проект Схемы классификации наук для систематического каталога Библиотеки Академии наук», датированный 1934 г., очевидно, созданный на основе представленной в стенограмме доклада таблицы, но с некоторыми внесёнными изменениями в соответствии с высказанными в ходе дискуссии замечаниями (табл. 1) [6, л. 129]. В самостоятельный общий раздел была выделена гидробиология, а также эмбриология, представленная ранее как

«морфогенез» в составе разделов «Морфология». Из названия разделов была удалена биофизика, видимо, вошедшая в состав физиологии, о чём упоминалось в докладе. «Биофизика, как известно, имеет довольно многообразное значение. Англичане называют биофизику физиологией с некоторым вычетом из неё химического материала. <...> Нам казалось, что этот вопрос относительно биофизики в смысле общей физиологии желательно было бы здесь установить и обсудить» [5, л. 14 об.–15]. Следует отметить, что в начале 1930-х гг. начались гонения на учение академика АН СССР П.П. Лазарева, основоположника советской биофизики, как самостоятельной науки о применении физических законов к основным биологическим процессам. Вероятно, удаление раздела «Биофизика и биохимия» из схемы общих разделов может быть связано в том числе и с этими событиями.

Составленные в 1934 г. таблицы классификации биологических наук впоследствии неоднократно переделывались. К их разработке привлекались специалисты и консультанты очень высокого ранга, среди них были академики С.А. Зернов и Н.И. Вавилов. Однако по ряду объективных причин (драматические события 1937–1938 гг., Великая Отечественная война 1941–1945 гг., когда систематический каталог был заморожен) работа над классификационными схемами была приостановлена, и так и не был завершён переход на общую библиотечную классификацию.

В 1949 г. в БАН возобновляется работа над систематическим каталогом и схемами. Активное участие в составлении классификационных таблиц приняли сотрудники Отдела систематизации БАН О.П. Камышко, М.В. Колоярцев, И.В. Ломачинская. Результаты проделанной работы были отражены в материалах конференции, организованной БАН в 1958 г. [7]. С некоторыми исправлениями данная схема ББК для биологических наук («Е») была опубликована в 1961 г. [8]. По логике построения она перекликается со схемой, представленной

в 1934 г. Во многом указанные в схеме изменения были определены теми процессами, которые происходили в развитии биологической науки за этот период времени (табл. 1). Настоящий прорыв в области биологических исследований, охарактеризовавший вторую половину XX в. как «век биологии», потребовал пересмотра изданных таблиц ББК вскоре после их внедрения. Главным образом, это касалось таких дисциплин, как эволюция органического мира, систематика, иммунология, молекулярная биология и генетика. В результате непрерывной работы по совершенствованию ББК при участии сотрудников БАН (В.Б. Лазуркина, Р.Д. Масловец, Б.В. Некрасов, М.В. Петровская, Г.П. Храбров, К.Н. Юрашевская), помимо ряда дополнений и исправлений, был подготовлен новый вариант выпуска ББК по биологическим наукам, который по научному содержанию должен был соответствовать их состоянию [9, 10, 11].

Развитие технической базы, появление современных методов и приборов способствовало накоплению знаний и в новых, и в классических областях биологии. Открытия, сделанные во второй половине XX в., привели к тому, что на рубеже XX и XXI вв. возросла роль биологии среди других наук. Можно предположить, что дальнейшее развитие этой науки приведёт к открытию новых фундаментальных закономерностей в живой природе, однако невозможно предсказать, в какой именно области произойдёт прорыв. Возникновение новых научных дисциплин в самых разных отраслевых разделах будет требовать постоянного совершенствования таблиц ББК.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бэр К.Э. Система классификации книг II отделения Библиотеки Российской академии наук, составленная в 1841 г. / пер. с лат. изд. 1903 г. / АН СССР. Б-ка. Л., 1926. 63 с.
2. Проект пересмотра системы классификации книг Академика К.М. Бэра. [Л., 1929]. 57 л. (Машинопись.)
3. Успенский В. Трехлетние итоги и перспективы работы Библиотеки Академии наук // Вестник Академии наук СССР. 1933. № 6. С. 6–19.
4. Успенский В. Проблема марксистско-ленинской классификации наук применительно к систематическому каталогу // Вестник Академии наук СССР. 1934. № 7–8. С. 32–42.
5. Стенографический отчёт конференции по составлению системных каталогов при БАН от 8–9 июня 1934 г. // ПФА РАН. Ф. 158. Оп. 3 (1934). Д. 7. 68 л.
6. Проект схемы классификации наук для систематического каталога Библиотеки Академии наук // ПФА РАН. Ф. 158. Оп. 3-1934. № 10. Л. 127–135.
7. Систематический каталог и вопросы библиотечной классификации: сб. докл., зачит. на науч. конф. БАН СССР 24–25 апреля 1958 г. / АН СССР. Б-ка; под ред. В.И. Молодцова и А.Х. Рафикова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 128 с.
8. Библиотечно-библиографическая классификация: табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, БАН. М., 1961. Вып. 6: Е Биологические науки. 139 с.
9. Рекомендации по методике классифицирования литературы / БАН; сост.: М.В. Колоярцев, Р.Д. Масловец, Б.В. Некрасов, М.В. Петровская, К.Н. Юрашевская; под ред.: А.А. Панова, А.А. Стрелкова. Вып. 1: Биологические науки. Л., 1978. 147 с.
10. Библиотечно-библиографическая классификация: табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, БАН; сост.: М.В. Колоярцев, В.Б. Лазуркина, И.В. Ломачинская, Р.Д. Масловец, Л.В. Мясникова, Б.В. Некрасов, К.Н. Юрашевская и др. Доп. и испр. изд. М., 1988. Вып. 6: Е Биологические науки. 347 с.
11. Библиотечно-библиографическая классификация: табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, БАН; сост.: Л.В. Мясникова, В.Б. Лазуркина, И.В. Ломачинская, Р.Д. Масловец, К.Н. Юрашевская. М., 1990. Вып. 6: Е Биологические науки: алф.-предм. указ. 416 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Сравнение классификационных схем для раздела «Биологические науки»

К. Бэр, 1841 г. Перевод 1903 г.	Проект 1929 г.	Схема 1934 г. (по стенограмме)	Проект схемы 1934 г. (из архива)	ББК 1961 г.
<p>VII. <i>Естественная история преимущественно органического мира</i></p> <p>А. Естественная история в целом или три царства природы</p> <p>В. Органический мир вообще</p> <p>С. Фитология общая</p> <p>Д. Фитология географическая и топографическая</p> <p>Е. Физиология и анатомия растений</p> <p>Ф. Растения тайнобрачные</p> <p>Г. Отдельные отряды, роды и виды растений явнобрачных</p> <p>Н. Общая зоология</p> <p>И. Анатомия и физиология животных</p> <p>К. Черви по Линнею, т.е. в широком смысле</p> <p>Л. Насекомые по Линнею, т.е. в широком смысле</p> <p>М. Беспозвоночные (все или насекомые вместе с червями)</p>	<p>VII. <i>Общая биология, ботаника и зоология</i></p> <p>А. Общие труды по биологическим наукам и их совокупности</p> <p>В. Общая биология</p> <p>С. Ботаника</p> <p>Д. Анатомия и физиология растений</p> <p>Е. География растений</p> <p>Ф. Систематика растений и специальная ботаника</p> <p>Г. Прикладная ботаника и селекция</p> <p>Н. Зоология</p> <p>И. Анатомия и физиология животных</p> <p>К. География животных</p> <p>Л. Систематика животных и специальная зоология</p> <p>М. Прикладная зоология и зоотехника</p> <p>VIII. <i>Анатомия и физиология человека. Антропология</i></p>	<p>И. <i>Биология</i></p> <p>1. Общая биология</p> <p>2. Палеобиология</p> <p>а) Общее учение об ископаемых</p> <p>б) Палеоботаника</p> <p>в) Палеозоология</p> <p>г) Палеоантропология</p> <p>3. Биофизика и биохимия</p> <p>4. Цитология</p> <p>а) Морфология клетки</p> <p>б) Физиология клетки</p> <p>5. Генетика</p> <p>6. Экология</p> <p>7. Микробиология</p> <p>а) Строение и развитие микроорганизмов</p> <p>б) Физиология микроорганизмов</p> <p>в) Систематика микроорганизмов</p> <p>г) Микробиология гниения и брожения</p> <p>8. Ботаника</p> <p>а) Морфология растений</p> <p>б) Физиология растений</p>	<p><i>Науки о мире органическом</i></p> <p>И. <i>Биология</i></p> <p>1. Общая биология</p> <p>2. Палеобиология</p> <p>3. Биохимия</p> <p>4. Цитология</p> <p>5. Эмбриология</p> <p>6. Генетика</p> <p>7. Экология</p> <p>8. Гидробиология</p> <p>9. Микробиология</p> <p>10. Ботаника</p> <p>а) Анатомия растений</p> <p>б) Морфология растений</p> <p>в) Физиология растений</p> <p>г) Систематика растений</p> <p>д) Геоботаника</p> <p>е) Фитопатология</p> <p>11. Зоология</p> <p>а) Гистология</p> <p>б) Анатомия</p> <p>в) Физиология</p> <p>г) Систематика</p> <p>д) Зоогеография</p> <p>е) Паразитология</p> <p>12. Антропология</p>	<p>Е Биологические науки</p> <p>Е0 Общая биология</p> <p>Е01 Жизнь и её происхождение</p> <p>Е02 Развитие органического мира</p> <p>Е03 Индивидуальное развитие</p> <p>Е04 Генетика</p> <p>Е05 Цитология</p> <p>Е06 Общая морфология</p> <p>Е07 Общая физиология, биохимия</p> <p>Е08 Общая экология</p> <p>Е09 Общая систематика</p> <p>Е1 Палеонтология</p> <p>Е4 Микробиологии</p> <p>Е5 Ботаника</p> <p>Е6 Зоология</p> <p>Е7 Антропологии</p> <p>Е8 Эмбриология, анатомия и гистология человека</p> <p>Е9 Физиология, биофизика и биохимия человека и животных</p>

К. Бэр, 1841 г. Перевод 1903 г.	Проект 1929 г.	Схема 1934 г. (по стенограмме)	Проект схемы 1934 г. (из архива)	ББК 1961 г.
N. Позвоночные (все или отдельные классы) O. Рыбы P. Амфибии Q. Птицы R. Млекопитающие S. Препарирование и консервирование животных VIII. <i>Антропология. Общая физиология</i>		в) Систематика растений г) Фитогеография д) Фитопатология 9. Зоология (аналогично «Ботанике») 10. Антропология а) Антропологическая анатомия б) Антропологическая физиология (сравнительная физиология)		

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА БИБЛИОТЕКАРЯ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены основные направления повышения уровня профессионализма библиотечных специалистов — стандартизация библиотечно-библиографической деятельности и повышение их квалификации. Выявлены возможности решения этих проблем на базе принятых на федеральном уровне закона «О стандартизации в Российской Федерации», указа Президента РФ «Основы государственной культурной политики» и «Концепции дополнительного профессионального библиотечного образования в Российской Федерации».

Ключевые слова: стандартизация библиотечно-библиографической деятельности, государственная культурная политика, повышение квалификации библиотечных специалистов, высшее библиотечное образование.

Современные условия вызывают необходимость постоянного повышения профессионального уровня библиотечного специалиста. Участие в национальных и международных корпоративных проектах, повседневная практическая деятельность требуют от библиотекарей знания стандартной профессиональной терминологии и технологии, единого уровня владения информационными технологиями, постоянного повышения профессиональных знаний и умений. На повышение профессионального уровня специалистов во всех сферах деятельности направлены принятые в последние годы закон «О государственной стандартизации» и указ Президента РФ «Основы государственной культурной политики» [1]. Эти вызовы времени становятся тем более актуальными на фоне сокращения количества общедоступных библиотек, уменьшения в них числа сотрудников с высшим профессиональным образованием (особенно в регионах, где отсутствуют вузы и средние специальные учебные заведения, готовящие библиотечные кадры), недостаточного финансирования учреждений культуры, в том числе и библиотек. Ответом

на эти вызовы времени представляется реализация двух важных направлений деятельности: стандартизация во всех сферах библиотечно-библиографической деятельности и всемерное развитие разнообразных форм дополнительного профессионального образования.

Первое направление мотивируется положениями «Основ государственной культурной политики»: «Культурная политика — действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей» [2]. Для осуществления государственной культурной политики необходима разработка программ, способствующих взаимодействию в смежных областях культуры, в частности, книжного дела, библиотечного дела, библиографии, информатики. Одним из направлений такого взаимодействия является стандартизация, способствующая выработке правил и характеристик, направленных на упорядочение

деятельности в той или иной сфере. «Программа национальной стандартизации в области библиотечного дела и библиографии» может стать основным регламентирующим инструментом развития ряда отраслей, объединённых в рамках системы стандартов по научно-технической информации, библиотечному и издательскому делу (СИБИД), созданной в 1978 г.

«Программа национальной стандартизации...» разработана специалистами Российской книжной палаты. Она предполагает создание национальной системы стандартов по библиотечному делу и библиографии, как базовым отраслям работы с книгой и информацией, на основе признания и применения единых правил работы с ними. Ведь книга (традиционная и электронная) является ценным объектом культуры. С ней работают (на неё ссылаются) учёные и студенты, издатели и библиотекари, педагоги и инженеры — этот ряд можно продолжить. Существующие в настоящее время стандарты системы СИБИД по преимуществу являются отраслевыми и не имеют национального признания. Это приводит, например, к тому, что библиографическое описание, несмотря на существование ГОСТа [3], в разных областях деятельности приводится по-разному: издатели не выполняют требований при употреблении знаков предписанной пунктуации, специализированные учёные советы по защите диссертаций некоторых вузов сами придумывают правила по составлению «Списков литературы» к диссертациям. Ещё сложнее стоит вопрос о стандартизации терминологии в области библиотечного дела и библиографии. Например, в стандарте «Информационно-библиографическая деятельность, библиография» [4] термин «библиография» определяется как «информационная инфраструктура, обеспечивающая подготовку, распространение и использование библиографической информации», что не совсем точно выражает содержание этого понятия. Несогласованность

в определении и применении общих для культурного сообщества понятий и правил приводит к разобщённости смежных областей деятельности, нецелесообразным затратам трудовых и финансовых ресурсов, дублированию деятельности по формированию единых правил работы. У специалистов смежных областей в сфере книжной культуры сформировалась настоятельная потребность в выработке единых подходов и правил работы с книгой вне зависимости от того, кто и в каких учреждениях эту работу выполняет.

Представляется, что несомненным достоинством «Программы национальной стандартизации...» является определение требований к стандарту, принципов национальной системы стандартизации и критериев стандартизации в области библиотечного дела и библиографии, что создаёт методологическую основу для практической деятельности по стандартизации. Серьёзное значение для обеспечения стабильности процессов стандартизации имеет включение «Программы» в ФПЦ «Культура России».

С точки зрения профессиональной деятельности принятие «Программы национальной стандартизации...» позволяет объединить информационных работников, библиотекарей и издателей на основе применения единых принципов и правил работы с документальными источниками и информацией, как в традиционной, так и в электронной форме. Придание национального статуса стандартам позволит унифицировать правила и приёмы работы с документами (книгами) всего культурного сообщества. Это позволит также объединить усилия по созданию и обновлению стандартов и приведению их к оптимальной системе, без лагун и дублирования в отдельных сферах деятельности. В рамках «Программы национальной стандартизации...» разработаны направления по совершенствованию современной системы СИБИД, включающие три подпрограммы: разработки новых стандартов, модернизации действующих и

исключения устаревших стандартов в связи с технологическими, терминологическими и другими причинами. Тщательная проработка принципов, критериев и этапов работы над стандартами и «Этапов утверждения Программы» свидетельствует об осознании библиотечно-библиографическим сообществом серьезности проблемы и готовности её решать.

Важную роль имеет принятие «Программы национальной стандартизации...» и с точки зрения образовательной сферы. Проблема профессиональной подготовки кадров всех отраслей подробно изучается в последние годы. Само понятие «профессиональное знание» в настоящее время стало изучаться и осваиваться в приложении к библиотечному сообществу, науке и образованию. Время определяет необходимость разработки новых подходов к преподаванию библиотечно-библиографических дисциплин [5]. В современном библиотечном деле национальные стандарты становятся одним из действенных инструментов развития отрасли, её самоорганизации и самоуправления. С позиции профессионального образования внедрение современных единых стандартов СИБИД создаст базу для однозначной профессиональной терминологии, определит требования к использованию современных интернет-технологий, подготовит выпускников средних и высших специальных учебных заведений к пониманию современных тенденций развития отрасли.

Создание единой системы правил работы с книгой (документом) и информацией станет важным консолидирующим моментом для всех участников культурного процесса, создаст возможность для людей, профессионально не связанных с библиотечно-библиографической деятельностью, заимствовать стандартные библиографические и информационные ресурсы, подготовленные специалистами соответствующих областей деятельности. Наличие правильно оформленных сведений о документах (книгах) и результатов профессионально

проведённых процессов свертывания (библиографирования) информации будет выполнять образовательную функцию, создавая широкое поле возможностей для нахождения примеров и заимствования готовых описаний изданий, способствовать созданию единого информационного и культурного пространства.

Заявленное в «Основах государственной культурной политики» «приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основа экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны» [6] вновь направляет внимание современного российского общества на книжную культуру, как одного из традиционных и наиболее разработанных направлений гуманизации процессов формирования личности. Это определяет необходимость согласованности действий в решении отраслевых проблем всех участников книжного дела, библиотечно-библиографической и информационной деятельности. Среди них первыми требуют разрешения проблемы национальной стандартизации библиотечного дела и библиографии. Реализация задач «Программы национальной стандартизации...» в рамках ФПЦ «Культура России» может стать первым шагом на пути реализации «Основ государственной культурной политики» России.

Второе направление деятельности по совершенствованию профессионального уровня библиотечного специалиста — повышение квалификации библиотечных работников — связано со спецификой библиотек, особенно крупных научных библиотек, в которых для реализации стоящих перед ними задач (например, по научному описанию и систематизации документов, научной работе с фондами отраслевых и редких изданий) всегда привлекались специалисты из других областей деятельности. Это приводило к наличию в библиотеках групп специалистов, имеющих базовое неблиотечное образование, но профессионально связанных с библиотечным делом.

Эти специалисты нуждались и нуждаются в получении знаний по библиотечной профессии, что всегда связывалось с традиционно существующей в библиотечной отрасли системой повышения квалификации библиотечных кадров.

Нуждаются в повышении квалификации и специалисты с базовым библиотечным образованием. Однако в «Концепции дополнительного профессионального библиотечного образования в Российской Федерации» [7] констатируется, что сложилась достаточно острая проблемная ситуация в этой сфере. Она связана с существующей в библиотечном деле потребностью в регулярном обновлении знаний кадрового потенциала и его адаптации к решению новых производственных задач, стоящих перед отраслью в период её ускоренной модернизации. Между тем, сложившаяся практика переподготовки и повышения квалификации библиотечных кадров на федеральном и региональном уровнях не соответствует этой потребности, развивается спонтанно и бессистемно как в организационно-функциональном, так и содержательно-дидактическом аспектах. В настоящее время в сфере повышения квалификации библиотечных кадров наблюдается большое разнообразие курсов, центров, программ, предлагающих услуги в осуществлении переподготовки библиотекарей. В связи с этим возникают проблемы выбора базы повышения квалификации, чтобы получить действительно необходимые знания, а не только сертификат установленного образца о прохождении соответствующих программ. В «Концепции дополнительного профессионального библиотечного образования в Российской Федерации» также указывается на бессистемность, разобщённость действий различных звеньев повышения квалификации. Усложняет ситуацию и проблема финансирования этого процесса: для обучения требуется оплата, а библиотека и библиотекари зачастую не могут выделить из своего бюджета необходимых сумм. При этом, выбирая самые

недорогие возможности повышения квалификации, они получают и не самый лучший результат.

Решению сложившихся проблем призвана помочь «Концепция дополнительного профессионального библиотечного образования в Российской Федерации», в которой рассмотрены основные аспекты повышения квалификации библиотечных кадров. Важнейшими среди них названы: упорядочение системы учреждений, работающих в сфере дополнительного библиотечного образования, механизмы функционирования этой системы, включающие организационно-правовые и экономические факторы, профессиональную мотивацию, возможности управления качеством образовательных программ, технологическую и научную базу. Прежде всего, это связано с приоритетным финансированием образовательных проектов, развитием дистанционного обучения, ориентацией на образовательные потребности библиотечных работников, разработкой программ повышения квалификации для небольших групп и индивидуальных специалистов, нуждающихся в узко профилированных знаниях. Осуществление положений «Концепции дополнительного профессионального библиотечного образования в Российской Федерации» будет способствовать упорядочению основного и дополнительного библиотечного образования, а также стандартизации требований к библиотечной профессии.

Таким образом, можно констатировать, что на федеральном уровне предприняты определённые шаги в направлении повышения профессионализма в библиотечной сфере, реализация которых будет способствовать совершенствованию деятельности библиотек и отвечать на вызовы времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О стандартизации в Российской Федерации : федер. закон № 162-ФЗ : принят Гос. думой 19 июня 2015 г. : одобр.

Советом Федерации 24 июня 2015 г. Режим доступа: <https://rg.ru/2015/07/03/standart-dok.html>; Основы государственной культурной политики : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 24 декабря 2014 года № 808. Режим доступа: <http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/OSNOVI-PRINT.NEW.indd.pdf>.

2. Основы государственной культурной политики : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 24 декабря 2014 года № 808. С. 4. Режим доступа: <http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/OSNOVI-PRINT.NEW.indd.pdf>.

3. ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления. Введ. 2004-01-07. М. : Издательство стандартов, 2004. 156 с.

4. ГОСТ 7.0–99. Информационно-библиографическая деятельность, библиография. Термины и определения. П. 3.1.35.

5. Сукиасян Э.Р. Что делать, если нет квалифицированных каталогизаторов? // Науч. и техн. б-ки. 2015. № 2. С. 52–59.

6. Основы государственной культурной политики : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 24 декабря 2014 года № 808. Режим доступа: <http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/OSNOVI-PRINT.NEW.indd.pdf>.

7. Концепция дополнительного профессионального библиотечного образования в Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.rba.ru/content/about/doc/concept2.php>.

ОТРАБОТКА ТЕХНОЛОГИИ ИНКАПСУЛИРОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ

Плановые работы по инкапсулированию листового материала ведутся в БАН с 2005 г. в рамках программы превентивной консервации документов. Методика инкапсулирования является массовой с точки зрения технологического решения и исполнения, но при этом индивидуальный подход к каждому отдельному документу остаётся незыблемым: для каждого документа в отдельности принимается решение о том, будет ли он проходить полный цикл обработок до помещения в конверт или же какие-то этапы будут исключены.

Ключевые слова: инкапсулирование, сохранность документа, реставрация, листовой документ, технология инкапсулирования, полимерная плёнка.

Плановые работы по инкапсулированию листового материала ведутся в Научно-исследовательском отделе консервации и реставрации фондов (НИОКиРФ) Библиотеки Академии наук с 2005 г. Эти работы являются составной частью комплекса мероприятий, проводимых в рамках программы фазовой консервации.

До 2005 г. лишь единичные документы, представлявшие собой отдельные листы, помещались в конверты из специальной полимерной плёнки; работы велись эпизодически. Этот год стал отправной точкой в изменении подхода к инкапсулированию: оно было включено в планы отдела, и метод стал по-настоящему массовым: сейчас за год проходят обработку от 150 до 350 единиц хранения.

Прежде чем приступить к работе, сотрудники отдела внимательно изучили публикации отечественных и иностранных авторов, посвящённые исследованию процессов, происходящих с документом, помещённым в конверт из полимерной плёнки, строго следовали рекомендациям, изложенным в этих публикациях [1, 2, 3, 4]. Здесь нужно отметить, что в первых статьях наших коллег, увидевших применение этого метода за границей, — в музеях, библиотеках и архивах Европы и США, — особо обращалось внимание

на накопление полиэфирной плёнкой статического электричества [5, 6]. Это свойство плёнки играет одновременно и положительную и отрицательную роль. В качестве плюса отмечалось, что, благодаря статическому электричеству, мелкие разрозненные части разрушенного документа, помещённого в капсулу, не перемещаются в ней и сохраняют исходное положение относительно друг друга, т.е. их можно не закреплять дополнительно и при этом не бояться потери и путаницы фрагментов листа. Это позволило рекомендовать для инкапсулирования хрупкий, ломкий, термодеструктурированный листовой материал. Минус — категорический запрет инкапсулировать листы с незакреплёнными пигментами, осыпающимся красочным слоем: рисунки мелом, углём, карандашом, пастелью и т.п.

Когда мы приступили к работе, то увидели, что сила статического электричества не столь велика, чтобы удерживать на определённом месте даже небольшие обрывки листа. Оказалось, что при изготовлении специальной полиэфирной плёнки для реставрационных целей производители стали добавлять в её состав компоненты, снижающие накопление статического электричества. Поэтому рассчитывать на то, что фрагменты деструктурированного

документа удержатся в конверте на своих местах, уже не приходится. Но и жёсткий запрет на помещение в плёнку листов с карандашными пометами или рисунками был снят. Мониторинг таких документов спустя три-четыре года после помещения их в полимерный конверт показал, что видимого повреждения или ослабления красочного слоя не наблюдается, следов пигментов на плёнке тоже нет. В ряде случаев риски травмировать документ или нанести повреждение графитовому слою при открытом хранении листа вне полимерного конверта гораздо выше. Но, тем не менее, несмотря на то что производители в аннотациях к плёнке пишут слово «антистатична», на 100% она таковой не является, и проблема статического электричества при инкапсулировании всё ещё остаётся актуальной и требует от исполнителя ответственного, взвешенного подхода.

В первое время поступавшие в работу документы, как обычно, проходили полный комплекс реставрационных обработок: сухая чистка, промывка, закрепление разрывов, восполнение утрат. И только после прохождения всех этих этапов лист помещался в конверт из полимерной плёнки. Но со временем возникли сомнения в необходимости осуществления полной реставрации, ведь после помещения в конверт документ будет надёжно защищён от механического воздействия: разрывы не будут увеличиваться, а имеющиеся разрушения не спровоцируют дальнейшую деструкцию бумаги. В пользу сокращения предварительной подготовительной обработки говорили и общая экономия времени, и возможность избежать излишнего вторжения в документ. Вопрос был вынесен на реставрационно-методический совет, где было принято решение выполнять, по возможности, промывку, но отказаться от восполнения утрат, подклеивать разрывы и разрушения, реставрационной бумагой «Чара».

Такое решение соответствует мировым тенденциям в подходах к сохранению культурного наследия: минимизация

современного вмешательства в артефакт, предпочтение консервационных методик реставрационным. Пришлось с большим трудом менять внутренние установки реставратора, профессионализм которого требует восполнения утрат, надёжного укрепления разрывов и ослабленных участков. Целью классической реставрации библиотечного документа является возвращение ему определённой прочности, чтобы читатель или исследователь мог пользоваться документом без риска усугубить повреждение. В случае, когда документ помещается в прозрачный полимерный конверт, необходимость в таких трудоёмких операциях, как закрепление разрывов и восполнение утрат, отпадает, потому что конверт не позволяет увеличиваться разрывам и защищает лист от дальнейших повреждений. Стало очевидно, что время на обработку каждого документа можно сократить, применяя только сухую очистку и промывку и не делая полную реставрацию. Необходимость в последней отпадает.

Как правило, за очень редким исключением, мы проводим промывку, чтобы полностью удалить загрязнения и продукты деструкции целлюлозы, накопившиеся в бумаге в процессе старения. Если низкое значение pH документа требует нейтрализации, то после промывки мы проводим нейтрализацию в меловой суспензии. Водные обработки исключаются только для документов, имеющих нестойкие к таким обработкам пигменты.

Уже на первых этапах освоения методики отработывались подходы к работе именно с партией документов, а не с отдельными экземплярами. Сложность заключается в том, что листовая материал, отобранный для помещения в конверты, разнится и по составу бумаги, и по степени сохранности, а также он оказывается разного размера. Оптимальной представляется партия в 20–25 документов. Опыт работы с партией листовых документов был обобщён в отдельной статье [7].

К настоящему моменту инкапсулировано около 2000 единиц хранения

Рукописного и Славянского фондов, Фонда Бэра, Фонда отечественных изданий, Фонда литературы русского зарубежья. Это — газеты, листовки, открытки, бюллетени, сообщения, афиши, программы, приглашения на концерты.

Работа с каждым фондом имеет свои особенности. Первоначально мы стали работать со Славянским фондом. Это были, в основном, вложения, хранящиеся в книгах, прошедших фазовую консервацию. Вложения извлекались из блока, помещались в конверты и теперь хранятся в коробках вместе с книгами. Совместно с этим фондом была выполнена интересная работа по инкапсулированию гербариев, обнаруженных в некоторых книгах.

Для Фонда литературы русского зарубежья мы инкапсулируем уникальный документ эпохи — журнал бывших офицеров лейб-гвардии Егерского полка императорской русской армии «Осведомитель лейб-егерей». Это своеобразное периодическое издание русской эмиграции, выпускавшееся в Париже в середине XX в. силами и энтузиазмом офицеров-ветеранов для узкого круга лиц одного из общественных военных объединений, созданных за границей. Каждый номер состоит из нескольких пожелтевших листов формата А4 вержированной бумаги с филигранью «BEAUREGARD». Когда-то листы были соединены металлическими скобами, но в настоящее время скобки удалены и листы разрознены. Хранятся в канцелярских папках по номерам. Разрывы и повреждения имеют, как правило, первые и последние листы.

Текст — факсимиле с машинописного текста на русском языке. Своеобразный самиздат в эмиграции. В нём печатались воспоминания, письма, очерки, дневниковые записи, поздравления с датами, извещения о значимых событиях, происходивших в жизни полка. Помимо воспоминаний о жизни в России там есть описание эпизодов Первой мировой войны глазами непосредственных участников, зарисовки последовавших за ней событий, рассказы

о жизни за пределами Родины. Важность работы по сохранению такого рода документов стала особенно ясна в дни, когда отмечалось столетие начала «великой и забытой» Первой мировой войны и анализировались её последствия.

Здесь нужно отметить, что оформившиеся в нашем отделе принципы инкапсулирования не предполагают помещение в полимерную плёнку изданий одного шифра и тем более одного размера, для которых можно изготовить папку или коробку из бескислотного картона. Исключение было сделано именно для этого издания по причине его уникальности: в Санкт-Петербурге это единственный экземпляр издания, в Москве в Библиотеке федеральных архивов хранятся два года из всего издания.

Совместно с СПБНИИ РАН начата работа по инкапсулированию ценных документов — иллюминированных карт. Помещены в конверты две карты: «*Russia cum confinijis*», [Dutsburg], [1594] выдающегося картографа Герарда Меркатора и известная «*Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Foedor filius Tsaris Boris desumta...*», Amstelodami, [1614] 1647. Обе эти карты являются листами атласов и на их оборотах — печатный текст описаний изображённых территорий и государств. Такой двусторонний лист — дополнительный аргумент в пользу применения технологии инкапсулирования для подобных памятников.

Особое место занимает выполненная в 2006 г. ответственная работа по инкапсулированию французского Легендария XIII в. В отдел Легендарий поступил в виде разрозненных пергаментных листов, которые ранее прошли реставрацию в два этапа: в 1959–1960 гг. и в 1984–1989 гг. Уже в нашем отделе каждый лист рукописи был осмотрен квалифицированным реставратором, выявленные повреждения зафиксированы в специальной таблице. После такого тщательного документирования страницы Легендария помещались в конверты при относительной влажности воздуха 50%.

История непростой, можно даже сказать, драматической судьбы этой рукописи изложена в книге «Неизвестный памятник книжного искусства. Опыт восстановления французского Легендария XIII века», а также в нескольких статьях. Теперь, если процитировать статью Л.Г. Левашовой и Д.П. Эрасова, «рукопись ожидает новых энтузиастов-исследователей, способных осуществить третий этап — реставрацию текста» [8, 9, 10, 11].

В 2016 г. хранители Славянского фонда обнаружили в коллекции мелкопоместного шляхтича из Витебщины Юзефа Жабы вложения с фрагментами рукописного текста, выполненного железо-галловыми чернилами. Извлечённые из книг и сложенные вместе эти вложения оказались разрезанными на несколько частей автографами Юзефа Жабы. Фрагменты автографов, на обороте которых карандашом указаны шифры книг, из которых они извлечены, были совмещены и выложены в соответствии с текстом. Затем они точечно (по углам) были зафиксированы клеем на подложке из фильтровальной бумаги и помещены в прозрачный и достаточно жесткий конверт. Таким образом, технология инкапсулирования позволила без внесения посторонних веществ в материальную основу восстановить документ для его последующего изучения.

В заключение можно сказать, что методика инкапсулирования является массовой с точки зрения технологического решения и исполнения, но реставрационный принцип — индивидуальный подход к каждому отдельному документу — остаётся неизменным. То есть внутри партии для каждого документа в отдельности принимается решение о том, будет ли он проходить полный цикл обработок до помещения в конверт, или же какие-то этапы будут исключены.

Опыт применения технологии инкапсулирования в БАН был обобщён и изложен в двух статьях, представленных на научных конференциях [7, 12]. Данная статья является продолжением этих работ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кобякова В.И., Добрусина С.А., Трулев Ю.И., Пялисова Ю.В. Влияние инкапсулирования в полиэтиленрефталатную пленку на сохранность документов // Теория и практика сохранения памятников культуры: сб. науч. тр. / РНБ. СПб., 2003. Вып. 21. С. 37–47.

2. Основные правила хранения и использования библиотечных фондов, разработанные ИФЛА / сост. и ред. Эдвард П. Эдкок при участии Мари-Терезы Варламоф и Вирджинии Кремп. М. : Рудомино, 1999. 72 с.

3. Сохранение библиотечных и архивных материалов (руководство) / под ред. Шерелин Огден, директора отдела консервации книг, NEDCC; науч. ред. рус. изд. д. б. н. Ю.П. Нюкша. СПб. : Европейский Дом, 1998. С. 191–195.

4. Уотерс П. Сохранение культурного наследия библиотек : Избр. работы / пер. с англ. : Н.И. Яшугина, И.М. Беляевой, Л.Г. Левашовой; сост., отв. ред. и предисл. В.П. Леонова ; послесл. И.М. Беляевой. СПб. : БАН, 2005. 129 с.

5. Нюкша Ю.П. Консервация документов: опыт английских специалистов // Теория и практика сохранения книг в библиотеке: сб. науч. тр. / ГПБ. Л., 1989. Вып. 15. С. 124–135.

6. Симонова Е.Ю., Шишкова Е.Г. Три недели в США // Теория и практика сохранения памятников культуры: сб. науч. тр. / РНБ. СПб., 1996. Вып. 18. С. 134–137.

7. Цевелева И.В. Инкапсулирование : Методика работы с партией листовых документов // Сборник научных трудов (по материалам научных конференций БАН). СПб. : БАН, 2010. С. 85–91.

8. Андреева К.И., Левашова Л.Г., Кудярова Л.В. Методы исследования степени сохранности средневекового пергамента и задачи его реставрации (на примере французского Легендария XIII в.) // Исследование, реставрация и консервация средневековых рукописных памятников: тез. докл. совещ. (Москва, 16–21 окт. 1989 г.). М., 1989. С.10–11.

Библиотечные технологии

9. *Левашова Л.Г., Андреева К.И.* Проблемы реставрации пергамента французского Легендария // Сохранность документов / ЛКРД. Л. : Наука, 1987. С. 110–114.
10. *Левашова Л.Г., Эрстов Д.П.* Французский Легендарий XIII века: история реставрации длиной в 70 лет // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев: материалы науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–15 февр. 2008 г.). СПб. : БАН, 2008. С. 277–280.
11. *Неизвестный памятник книжного искусства : Опыт восстановления французского Легендария XIII века.* М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. 103 с.
12. *Цевелева И.В., Старова Е.В.* Инкапсулирование листовых материалов как одно из направлений превентивной консервации в БАН. Опыт внедрения // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев: материалы науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–15 февр. 2008 г.). СПб. : БАН, 2008. С. 194–198.

«БИБЛИОФЕСТ-2017»

(Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 16–25 мая 2017 г.)

АННОТАЦИЯ

Обзор мероприятий пятого международного студенческого фестиваля «Библиофест-2017», подготовленного и проведённого студентами библиотечно-информационного факультета Санкт-Петербургского государственного института культуры с 16 по 25 мая 2017 года.

Ключевые слова: международный студенческий фестиваль, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, библиотека.

С 16 по 25 мая 2017 г. в Санкт-Петербургском государственном институте культуры прошёл V Международный студенческий фестиваль «Библиофест-2017», посвящённый Году экологии.

В течение двух недель площадками «Библиофеста» стали библиотеки разных типов, информационные центры, средние и высшие учебные заведения Санкт-Петербурга и области, на которых было проведено в общей сложности более 20 тематических мероприятий разного формата: конкурсы (видеосюжетов, туристических маршрутов «Библиотека как объект и ресурс культурно-познавательного туризма», презентаций «Наша Родина – мир. Национальная семейная традиция», профессионального мастерства «Профессиональный подиум», проектов «Библиотека – информационный и культурно-досуговый центр»), викторины («Литературные классики»), квесты («В царстве Флоры»), встречи (с генеральным директором газеты «Санкт-Петербургские ведомости» Б.В. Грумбковым, профессором Индианского университета, историком А. Рабиновичем), деловые игры («День дублера», «У природы есть друзья – это мы, и ты, и я!»), вебинары («Формы обслуживания в библиотеках Мэрилендского университета США»), выставки («Переплётное мастерство», «Рабочая библиотека

историка: из собрания Б.Г. Кипниса»), круглые столы («Библиотеки Балтии – центры науки, культуры, образования»), организованные студентами библиотечно-информационного факультета СПбГИК при поддержке преподавателей института культуры и специалистов библиотек города.

Сотрудники ОИАН Библиотеки Российской академии наук побывали на открытии и некоторых мероприятиях фестиваля. Гостей праздника тепло поприветствовала декан библиотечно-информационного факультета В.В. Брежнева. Яркая праздничная церемония открытия продемонстрировала высокий творческий и профессиональный потенциал молодёжи. В тесном сотрудничестве с четверокурсниками кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников студенты БИФа превратили простой анонс мероприятий фестиваля в настоящий спектакль. Комический сюжет соединил такие разные жанры, как студенческая дискуссия о мотивационных механизмах во время обучения и обучающая игра для младших школьников, интерактивное интервью «Я счастлив», конкурс туристических маршрутов и конкурс творческих фантазий «Я – библиотекарь». Эффектный видеоряд, скомпонованный из нетривиальных авторских видеосюжетов, посвящённых

Участники и гости фестиваля на открытии «Библиофеста-2017»

предстоящим мероприятиям, удачно перемежался цитатами из произведений М.В. Ломоносова, Ф.М. Достоевского и В.О. Пелевина.

У каждого человека своё понимание счастья, будь то уроки вокала или большая семья, внезапное и на первый взгляд необъяснимое чувство или длительность плодотворного труда. 22 мая в рамках фестиваля на базе Центральной районной библиотеки «В Озерках» ЦБС Выборгского района состоялось интерактивное интервью «Я счастлив». В атмосфере творческого диалога участники поделились своим восприятием счастья и пути к нему. Так, именно с ощущения счастья в дороге начала свой рассказ об опыте

соприкосновения с Москвой и массовой культурой — о поездке на фестиваль комиксов и научной фантастики уроженка Карелии Светлана. Активная позиция зрителей и откровенность студентов-участников сформировали необходимые для интервью условия свободы и непринуждённости.

На наш взгляд, тематика, уровень и качество мероприятий «Библиофеста-2017» свидетельствуют о том, что организаторам удалось достигнуть выполнения одной из целей фестиваля — ребрендинг библиотеки как социального института, изменение стереотипов о библиотеке и специалистах библиотечного дела в общественном сознании.

«ПУТЬ АРХЕОГРАФА»: НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ В ЧЕСТЬ 80-ЛЕТИЯ НИКОЛАЯ ЮРЬЕВИЧА БУБНОВА

АННОТАЦИЯ

В представленном обзоре освящаются основные мероприятия, посвящённые 80-летию выдающегося отечественного археографа, сотрудника Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Академии наук Николая Юрьевича Бубнова. Дано описание основных направлений научной деятельности учёного в области полевой и камеральной археографии. Отдельная часть статьи посвящена научным чтениям в честь 80-летия Н.Ю. Бубнова «Путь археографа», состоявшимся 25 мая 2017 года в Библиотеке Российской академии наук.

Ключевые слова: научные чтения, книговедение, полевая археография, старообрядчество, Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук.

Калейдоскоп проходящих ежегодно научных конференций переливается разноцветными камнями «прошлого и настоящего», «новых прочтений», «актуальных вопросов» и проч. Среди них иногда проглядывают твёрдые основания чтений в честь давно почивших столпов науки, обычно мы встречаем в таких случаях приписки «X», «XX», «XXXIII»... Но как редко случаются научные события, посвящённые юбилею того или иного здравствующего и продолжающего трудиться исследователя. На подобных конференциях связь прошлого и настоящего предстаёт не в мемориальной форме, а в духе живого диалога между «живыми классиками» и новыми поколениями учёных.

Именно такая конференция состоялась 25 мая 2017 года в Библиотеке Российской академии наук в честь 80-летия ведущего сотрудника Научно-исследовательского отдела рукописей БАН, исследователя старообрядчества Николая Юрьевича Бубнова. Её название — «Путь археографа» — говорит само за себя.

Николай Юрьевич вступил на научную стезю в 1963 г., когда был взят А.И. Копаневым на работу в НИОР БАН; с тех пор исследователь стал постигать азы камеральной и полевой археографии.

Важнейшей являлась экспедиционная деятельность Н.Ю. Бубнова. Сейчас это направление археографической работы переживает не лучшие времена, учёные находятся в постоянном поиске, стремясь разработать новые задачи экспедиций и методы для работы в стремительно меняющейся «среде». Тем важнее для нас то, что успели сделать на этом поприще предшественники.

В свои первые экспедиции Н.Ю. Бубнов отправился вместе с А.И. Копаневым

на Русский Север. Здесь археографы БАН стремились собрать и сохранить остатки богатых библиотек крестьян-старообрядцев Карельского Поморья и Каргополья. По результатам поездок второй половины 60-х годов было создано уникальное территориальное Каргопольское и дополнено Беломорское собрание Отдела рукописей Библиотеки академии наук (1). Совместные поездки А.А. Амосова и Н.Ю. Бубнова в 1975–1976 годах позволили дополнить и уточнить ранее полученные сведения о каргопольском странническом книгописном центре и спасти от гибели ещё несколько десятков памятников древнерусской и старообрядческой письменности. Позднее Н.Ю. Бубнов неоднократно посещал Русский Север, который оставался ларцом богатейших крестьянских библиотек (поездки в окрестности Устюга и Сольвычегодска, Красноборский район в 1977 г., Карельское Поморье в 1980 г., на Тарногу в 1984 г., на побережье Кубенского озера в 80-е гг.).

Особое место занимает работа Н.Ю. Бубнова на Вятке. Археографические открытия этого региона принадлежат А.И. Копаневу, который в 1969 г. организовал первую полноценную экспедицию на Вятку, снова взяв с собой своего молодого помощника. Уже в следующем году Н.Ю. Бубнов вместе с И.Ф. Мартыновым отправился на Вятку в первую самостоятельную поездку за редкими книгами. В дальнейшем он был активным участником ещё пяти экспедиций в этот регион, результатом которых стало создание крупнейшего территориального собрания НИОР БАН – Вятского (1017 единиц хранения). Ленинградскими археографами были обследованы не только наиболее богатые в книжном отношении южные регионы (в том числе широко известный центр федосеевства – село Старая Тушка), но и северные и центральные районы Кировской области (Мурашинский, Омутинский, Нолинский, Немский).

Одной из своих главных заслуг в области полевой археографии сам Н.Ю. Бубнов справедливо считает

открытие широкому кругу исследователей библиотеки Белокриницкой митрополии, хранившейся в её бывшем центре – буковинском селе Белая Криница (Черновицкая область Украины). Большая её часть была привезена археографом в 1971–1972 гг., составив костяк Белокриницкого собрания НИОР БАН.

Особенно тёплые и тесные взаимоотношения сложились между археографами БАН и представителями общин староверов Прибалтики. Именно деятельное личное участие Н.Ю. Бубнова сделало это сотрудничество столь плодотворным. Помимо неоднократных экспедиций в Литву и Ригу, пополнивших Двинское и приведших к созданию Неманского собрания, учёный способствовал передаче в НИОР БАН 14 наиболее древних рукописей из книжны Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины. Особо стоит упомянуть о личном знакомстве Н.Ю. Бубнова с известным латвийским учёным-старовером, знатоком истории и культуры старообрядчества И.Н. Заволоко. В данный момент готовится к изданию обширная переписка двух исследователей.

Археограф и исследователь, Н.Ю. Бубнов ввёл в научный оборот ряд ценнейших рукописных памятников. К их числу можно отнести Никаноровский сборник (БАН, 16.7.21), содержащий «Сказание против новых книг», писанное рукой предводителя обороны Соловецкого монастыря Никанора и включающее редакторскую правку инока Геронтия; сборник сочинений протопопа Аввакума, датированный 70-ми – началом 80-х гг. XVII в. (БАН, 45.6.7), содержащий прижизненный список «Книги бесед» Аввакума в авторской редакции. Н.Ю. Бубнов не раз обращался к научным проблемам, обычно оставляемым в стороне другими исследователями, в том числе к старообрядческому учению о голгофском кресте, составу созданных в среде староверов Цветников (в том числе лицевых) и мн. др. Также исследователь продолжает активно изучать книжную традицию старообрядческого «антижития» патриарха Никона.

Нельзя не сказать и о той огромной работе, которая была проделана Н.Ю. Бубновым по выявлению и описанию особенностей ранних старообрядческих литературно-публицистических и книгописных центров. Эти материалы легли в основу его докторской диссертации и монографии «Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.» (СПб., 1995). Заслуженную известность Николай Юрьевич приобрёл благодаря проделанной им работе по описанию старообрядческих, пергаменных и лицевых рукописей, хранящихся в НИОР БАН.

Поздравить юбиляра собрались известные учёные, представители отечественной археографической традиции. Поступили поздравления из ведущих отечественных центров изучения рукописной книжности: Археографической комиссии РАН, Археографической лаборатории Института истории СО РАН, Археографической лаборатории МГУ, Отдела рукописей Научной библиотеки УрО РАН, Научных библиотек Эрмитажа и Томского университета, учреждений Санкт-Петербурга (ИРЛИ РАН, РНБ, СПбИИ РАН, Эрмитаж). Лично поздравить Николая Юрьевича Бубнова пришли коллеги из Санкт-Петербурга и других городов России и ближнего зарубежья (Москва, Сыктывкар, Украина).

Тематика Научных чтений не ограничивалась проблемами изучения старообрядчества, а потому представляет интерес для широкого круга исследователей рукописных древностей. Открыл конференцию доклад А.Г. Боброва (ИРЛИ) «Летописец новгородского архиепископа Ионы (1460-е гг.)» о памятнике, сохранившемся в составе сборника, известного как Летопись Авраамки. По предположению докладчика летописец составлен при архиеп. Новгородском Ионе знаменитым агиографом Пахомием Логофетом.

На несколько столетий вперёд перенёс слушателей П.И. Хотеев. Им была затронута тема «К вопросу о круге чтения Леонарда Эйлера». Докладчик показал

на материалах БАН, что известные нам светила отечественной и мировой науки XVIII в. не чуждались астрологической литературы, составляя гороскопы по повелению коронованных августейших особ.

Проблема принципов публикации литературных памятников древности была затронута А.Е. Жуковым, обратившимся к полемике между акад. В.Н. Перетцем и Н.Н. Зарубиным по вопросу публикации «Слова Даниила Заточника». Доклад «Страсти по Даниилу»: научная полемика о принципах публикации памятников древнерусской литературы» раскрыл спор учёных о том, допустима ли реконструкция текста, насколько подробной должна быть публикация разночтений, как сделать её в равной степени доступной, полезной и удобной историкам, филологам и лингвистам.

На чтениях был представлен целый ряд докладов, посвящённых художественным образам, встречающимся в древних книгах. В докладе М.В. Корогодиной «Феодорит Куколкин и дидакал Димитрий: портреты средневековых книжников» шла речь о двух разных по своему жанру и происхождению автопортретам книжников. Первый портрет соловецкого инока и книгописца рубежа XVI–XVII вв. был обнаружен Н.Ю. Бубновым, когда он начинал работу в БАН. Второй портрет был выявлен в ходе описания рукописей первой половины XVI столетия, которой руководит юбиляр. Он оставлен на болгарской рукописи, один из владельцев которой в XVII в. дополнил её новыми текстами и оставил на полях молитвенные записи, сопроводив их своим портретом.

Другой обширной темы коснулась В.Г. Подковырова в докладе «Двадцать четыре апокалиптических старца — кто они и как их видят изографы и иллюстраторы». Исследовательница показала, как трансформируются эти образы в разных европейских и отечественных традициях иллюстрирования лицевых Апокалипсисов.

В сообщении Г.В. Маркелова и Ф.В. Панченко «Ларец изографа» речь

шла о недавно выделенном в фондах НИОР БАН собрании иконных образцов, содержащем уникальные прорисы, которые сохранили лики утерянных или неизвестных ранее икон. Многие из этих изображений дошли до нас благодаря усердным собирателям старины — старообрядцам.

Именно староверию, как основному объекту, на который направлены научные интересы Н.Ю. Бубнова, был посвящён самый большой тематический блок докладов. Открыл этот раздел доклад Н.С. Демковой «К проблеме литературного жанра Жития протопопа Аввакума», в котором исследовательница вписала сочинение протопопа Аввакума в общий литературный и культурный контекст эпохи Нового времени, когда произошло «открытие личности». Таким образом, Н.С. Демкова предложила рассматривать «Житие» как произведение лирической прозы.

Темы разработки основ института наставничества на соборах и в посланиях федосеевцев коснулся А.А. Кудрин в докладе «Институт наставничества как основа социальной структуры Федосеевского согласия (по фондам ОР БАН)». Было выдвинуто предположение, что именно благодаря строго регламентированным взаимоотношениям духовного отца с духовными детьми обеспечивалась устойчивость и ясность всей социальной структуры согласия как внутри общины, так и на межобщинном уровне.

Ещё одно беспоповское согласие — филипповское стало основной темой доклада Н.А. Ефимовой «Архив филипповцев д. Осиновка Кировской области». Были проанализированы хранящиеся в Вятском собрании НИОР БАН письма и послания старообрядцев своим единоверцам: в них отразился оригинальный взгляд крестьян-староверов на непростую жизнь в первой половине XX в. Доклад был подготовлен в том числе и по материалам археографических поездок исследовательницы в д. Осиновка, продолживших традиции полевой археографии БАН.

Особенностям современной полевой работы были посвящены доклады гостей

из Москвы и Сыктывкара, представителей «действующих» археографических экспедиционных традиций. К таковым относится выступление Ю.С. Белянкина (РГБ) «Татарица — Единцы: книжное наследие старообрядческих анклавов (из полевых наблюдений)». Докладчик дал описание «археографического состояния» старообрядческих сёл молдавско-румынско-украинского и болгарско-румынского пограничья, оценил дальнейшие перспективы работы в этих регионах и продемонстрировал фрагменты отснятых московскими исследователями фото- и видеоматериалов.

Доклад сыктывкарской исследовательницы Е.В. Прокуратовой «Новые археографические находки старообрядческих рукописей на территории Республики Коми» был представлен Т.Ф. Волковой. В докладе подробно охарактеризована экспедиционная деятельность сыктывкарских коллег в различных регионах Республики Коми, среди которых знаменитое печорское село Усть-Цильма и прилегающие центры на реках Пижма и Цильма, а также общины коми-староверов на юге республики.

Стоит отметить, что доклады по старообрядчеству вызвали особенно бурную дискуссию среди присутствующих. Были подняты такие важные вопросы, как этика в исследованиях культуры староверов и роль археографов и старообрядцев в сохранении национального рукописного наследия. По окончании чтений и поздравлений юбиляра в НИОР БАН состоялась экскурсия, на которой были продемонстрированы наиболее значимые привезённые из экспедиций и введённые в научный оборот Н.Ю. Бубновым рукописи, представив, таким образом, «путь археографа» в самой наглядной форме.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Весьма плодотворно на этой ниве потрудились и другие сотрудники отдела: А.А. Амосов, М.В. Кукушкина, О.П. Лихачева.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

Маркова Т.Б. Валерий Павлович Леонов — библиотекарь, учёный и педагог

Маркова Татьяна Борисовна — доктор философских наук, заведующий сектором Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения Библиотека Российской академии наук 199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: m.tanucha@rambler.ru

Markova T. Valery Pavlovich Leonov — librarian, scholar and teacher

Markova Tatyana — Doctor of Philosophy, Head of Sector of the Scientific Research Department of Bibliography and Library Science

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: m.tanucha@rambler.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the jubilee of scientific supervisor of the Russian Academy of Sciences Library V.P. Leonov. He is a true library Curator. His scientific, social and pedagogical activities characterized by keenness, interest in librarianship and respect for the profession. In his writings the library appears as a living being with its own life and destiny.

Keywords: library curator, bibliography, library, book, biographical methods.

Научные исследования

Белова Л.Б. Собрание Владимира Васильевича Лукьянова в Отделе рукописей БАН

Белова Людмила Борисовна — главный библиотекарь Научно-исследовательского отдела рукописей

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая линия, д. 1
e-mail: belovalb@list.ru

Belova L. The collection of Vladimir Vasilievich Lukianov in the Manuscripts Department of Russian Academy of Sciences Library

Belova Lyudmila — Chief Librarian of the Research Department of Manuscripts Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: belovalb@list.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the history of formation Yaroslavl's collector Vladimir Lukianov's collection, which the Manuscripts Department of RASL holds. The owner's notes on the manuscripts, made by collector, contain the information about the previous owners-bibliophiles, collectors from Yaroslavl, Rostov, Leningrad.

Keywords: Vladimir Lukianov, Fedor Vasilyev, Alexander Velikanov, Grigory Palkin, Vitaly Gruzdev, Fedor Kalikin, bibliophiles, collectors, manuscripts of the Russian Academy of Sciences Library.

Жабрева А.Э., Лугавцова М.Ю. Спец-одежда XX века в истории костюма Библиотеки Российской академии наук
Жабрева Анна Эрнестовна — кандидат педагогических наук, научный сотрудник Справочно-библиографического отдела

Лугавцова Марина Юрьевна — главный хранитель Музея истории Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: sbo@rasl.nw.ru
skvor_rasl@yahoo.com

Zhabreva A., Lugavtsova M. The 20th century special clothes in the Russian Academy of Sciences Library's costume history

Jabreva Anna — Candidate of Pedagogical Sciences, Researcher of the Reference and Bibliography Department

Lugavzova Marina — Chief Curator of the Museum of history
Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: sbo@rasl.nw.ru
skvor_rasl@yahoo.com

ABSTRACT

The article deals with the experience of collecting, scientific and exhibition work on the theme «Special and protective clothes in Russian Academy of Sciences Library», studied within the framework of the project «Library style: on the costume history» carried out from 2014. The physical, written, oral and visual sources are examined. The materials of wall newspaper «Librarian» (1960–1990) are presented for the first time.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, costume history, material culture, historical sources, the 20th century.

Хотеев П.И. К вопросу о круге чтения Леонарда Эйлера. (Материалы для комментария к «Table-talk» А.С. Пушкина)

Хотеев Павел Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги
Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: niork@rasl.nw.ru

Khoteev P. On the question of Leonhard Euler's reading circle. (The materials for the commentary on Pushkin's «Table-talk»)

Khoteev Pavel — Candidate of History, Senior Researcher of the Research Department of Rare Book
Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: niork@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article deals with commentary on Pushkin's «Table-talk». The notes and the historical anecdotes were compiled by Pushkin under the common title «Table-talk». Among them is a story about horoscope drawn up by Leonhard Euler. The trustworthiness of this story confirmed by archival documents which show Euler's good knowledge of astrological literature.

Keywords: Alexander Pushkin, «Table-talk», Leonhard Euler, horoscope, Emperor Ivan the 4th, astrological literature, Academy of Sciences Library, St.-Petersburg.

Люди и книги

Батюто С.А. П. Витязев и его книга «Частные издательства в Советской России» (1921): К истории издательского дела в России в 1917–1921 годах

Батюто Сергей Анатольевич — ведущий редактор Редакционно-издательского отдела

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: SBatjuto@yandex.ru

Batyuto S. P. Vityazev and his book «Private Publishing Houses in Russia» (1921): On the history of publishing business in Russia in the years 1917–1921

Batyuto Sergey — Managing Editor of the Editorial and Publishing Department

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: SBatjuto@yandex.ru

ABSTRACT

The article deals with the most discussed book «Private Publishing Houses in Russia» (1921). The author of this book was accused of «lightness» and «tendentious». These unfounded accusations disproved in the article.

Keywords: Ferapont Sedenko (P. Vityazev), Russian private book publishings, first third of 20th century, Russia.

Комарова О.А. «Как деды-прадеды строили...» (из личных воспоминаний А.Д. Сыщикова)

Комарова Ольга Александровна — младший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: olga.komarova3013@yandex.ru

Komarova O.A. «As a great-grandfathers built...» (from private memories of A.D. Syshikov)

Komarova Olga — Junior Researcher of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: olga.komarova3013@yandex.ru

ABSTRACT

The publication is devoted to the biography and personal memories of childhood, student times and scientific work in the Russian North of Alexander Syshikov. He is a RASL researcher and the researcher of St. Petersburg and books history, Russian-German scientific relations and Russian dialectology.

Keywords: scientific collection, Russian Academy of Sciences Library, Old Believers, books, dialectological expedition.

Леонов В.П. Питер Уотерс и Библиотека Академии наук: вспоминая февральский пожар 1988 г.

Леонов Валерий Павлович — доктор педагогических наук, профессор, научный руководитель Библиотеки Российской академии наук

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: valleo@mail.ru

Leonov V. Peter Waters and the Academy of Sciences Library: remembering the fire of February 1988

Leonov Valerii — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Scientific Supervisor of the Russian Academy of Sciences Library

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: valleo@mail.ru

ABSTRACT

February 2018 will mark 30 years since the devastating fire at Russian Academy of Sciences Library. An important role in recovering from the damage was played by Peter Waters (1930–2003), an international expert, Chief of the Conservation Division and the Conservation officer of the Library of Congress. The article is based on the book «Waters rising: letters from

Florence: Peter Waters and book conservation at the Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze after the 1966 flood» (2016), unique experience of Russian Academy of Sciences Library, the author's memoirs.

Keywords: Peter Waters, Sheila Waters, Russian Academy of Sciences Library, National Library of Florence, natural disasters.

Пивоваров Е.Г. «Повесть кривых лет»

Пивоваров Евгений Григорьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Сектора истории Академии наук и научных учреждений

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники

им. С.И. Вавилова РАН
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 5
e-mail: pivovaro@mail.ru

Pivovarov E. «Tale of the crooked years»

Pivovarov Evgenii — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of History of the Academy of Sciences and Research Institutions Division

St.-Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology of RAS
5, Universitetskaya emb.,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: pivovaro@mail.ru

ABSTRACT

The article attempts to recreate Tatiana Fessenko's biography. A Kiev University graduate and employee during the World War II she was taken to Germany. Since 1945 Fessenko lived in a camp for «displaced persons» in the American occupation zone. She worked in the Library of Congress in 1951–1963, edited a number of emigrant editions at the same time and wrote poetry, prose, book reviews.

Keywords: Tatiana Fessenko, displaced persons, second wave of emigration, US Library of Congress.

Изучаем Восток

Кульматова Т.В. Экземпляр отиска из Академического собрания БАН с дарственным автографом академика В.М. Алексеева (идеи даосизма в творчестве Н.С. Гумилева)

Кульматова Татьяна Васильевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук Библиотека Российской академии наук 199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1 e-mail: kulmatova@gmail.com

Kulmatova T. Reprint from Academic collection of RASL with academician V.M. Alekseev's donative inscription (ideas of Taoism in the poems of N.S. Gumilev)

Kulmatova Tatyana — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: kulmatova@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to the reprint founded in Academic collection of Russian Academy of Sciences Library with donative inscription of sinologist Vasily Alekseev to Nikolay Gumilev. It allows to make a conclusion that the poet was familiar with idea of Taoism and China's culture. Author shows examples of their influence on Gumilev's creations.

Keywords: donative inscription, Vasily Alekseev, Nikolay Gumilev, China, Taoism in the poems of Nikolay Gumilev, Academic collection of Russian Academy of Sciences Library, St.-Petersburg.

Новожилова Е.А. Тематическая направленность книг, поступающих в Библиотеку Российской академии наук по программе «Окно в Корею»

Новожилова Евдокия Алексеевна — бакалавр, библиотекарь Отдела литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая линия, д. 1
e-mail: dusya21.11.1995@gmail.com

Novozhilova E. Thematic focus of books that RASL receives within a project «Window to Korea»

Novozhilova Evdokiia — Librarian of Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: dusya21.11.1995@gmail.com

ABSTRACT

The article discusses thematic focus of books, which Library of Russian Academy of Science receives from National Assembly Library of the Republic of Korea under the program «Window to Korea». Author proves the hypothesis that chosen for sending books corresponded to the strategy of national branding of the Republic of Korea. The article gives an example of books, which create positive vision of South Korea.

Keywords: library, project, Republic of Korea, national branding, themes of the books.

Фирсова В.С. Опыт японских библиотек по предоставлению цифрового контента
Фирсова Варвара Сергеевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: varuhanya@yandex.ru

Firsova V. Development of digital information service in Japanese libraries

Firsova Varvara — Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher of the Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: varuhanya@yandex.ru

ABSTRACT

The aim of the present article is to describe the experience of Japanese libraries in providing e-book service. The process of content digitization in Japanese libraries continues very slowly due to different factors such as author rights, policy of japan publishing companies, usage of different software platforms.

Keywords: Japanese libraries, digital resources, digital information.

Библиотечные технологии

Белинская М.А., Тилева Е.А. Фактографические базы данных в обеспечении сохранности фондов

Белинская Мария Александровна — заведующий Научно-исследовательским отделом информатики и автоматизации

Тилева Екатерина Анатольевна — кандидат биологических наук, заведующий Научно-исследовательским отделом консервации и реставрации библиотечных фондов

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая линия, д. 1
e-mail: masha_belinskaya@mail.ru
tilekaterina@ya.ru

Belinskaya M., Tileva E. The factographic databases in the preservation of funds

Belinskaya Maria — Chief of the Scientific Department of Informatics and Automation
Tileva Ekaterina — Candidate of Biological Sciences, Chief of the Scientific Department of the Preservation and Restoration of Library Funds

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: masha_belinskaya@mail.ru
tilekaterina@ya.ru

ABSTRACT

The authors consider the questions of history of creation and use of electronic databases (DB) for different tasks of ensuring the preservation of documents and prospects for its further use. The article presents the types of database — factual database for funds and collections, databases for microclimate monitoring and the database for micromycetes-contaminants of library collections.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, St.-Petersburg, electronic database, factual database, conservation, preservation of the information card, microclimate of book depositories, biodeterioration of documents, micromycetes.

Перекрест С.В. К истории создания Библиотечно-библиографической классификации по биологии в первой половине XX века

Перекрест София Владимировна — кандидат биологических наук, научный сотрудник Отдела научной систематизации литературы

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: perekrest.sv@gmail.com

Perekrest S. On the history of the biological Library-bibliographical classification creation in the first half of the 20th c.

Perekrest Sofia — Candidate of Biological Sciences, Researcher of the Department of Systematic Catalog

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: perekrest.sv@gmail.com

ABSTRACT

The article observes the questions of history common Library-bibliographical classification for biology creation in the first half of the 20th c. and Russian Academy of Sciences Library participation in its development.

Keywords: Library-bibliographical classification, biological sciences, Russian Academy of Sciences Library.

Пономарева Н.В. Современные проблемы профессионализма библиотекаря и вызовы времени

Пономарева Нина Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: nvponomareva@inbox.ru

Ponomareva N. Modern problems of the librarian's professionalism and the challenges of the time

Ponomareva Nina — Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Senior Researcher of the Scientific Research Department of the Bibliography and History of Libraries

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: nvponomareva@inbox.ru

ABSTRACT

The article discusses the main directions of increase of librarians' professional level: standardization of bibliographic activities and improve

their skills. The author identified opportunities for solutions to these problems on the basis of Federal law «On standardization in the Russian Federation», decree of the President of the Russian Federation «Principles of state cultural policy» and «Concept of additional professional library education in the Russian Federation».

Keywords: standardization of bibliographic activities, cultural policy, professional development of librarians, graduate library education.

Цевелева И.В. Отработка технологии инкапсулирования

Цевелева Ирина Владимировна — ведущий инженер Научно-исследовательского отдела консервации и реставрации библиотечных фондов

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая линия, д. 1
e-mail: itseveleva@yandex.ru

Tseveleva I. Development of the technology of documents encapsulation in the Russian Academy of Sciences Library

Tseveleva Irina — Senior Engineer of the Scientific Department of the Preservation and Restoration of Library Funds

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: itseveleva@yandex.ru

ABSTRACT

The planned work on the sheet encapsulating material has been underway in the RASL since 2005. These works are the part of a comprehensive program of preservation of documents. The encapsulation is mass methods from the point of view of technology and performance, but remains an individual approach to each separate document: experts make a decision for each document about whether or not to undergo the full treatment cycle before placing it in a polymeric envelope or some phases of work will be removed.

Keywords: encapsulation, preservation of the document, restoration, sheet document, technology of encapsulation, polymer film.

Информация

Горская Л.И., Люлеев М.В. «Библиофест-2017» (Санкт-Петербургский

государственный институт культуры, 16–25 мая 2017 г.)

Горская Лариса Игоревна — научный сотрудник Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук

Люлеев Михаил Валентинович — библиотекарь Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: Lvaganova@yandex.ru
n_bagenova@inbox.ru

Gorskaya L.I., Luleev M.V. «Bibliofest-2017» (Saint-Petersburg state Institute of culture, May 16–25, 2017)

Gorskaya Larissa — Researcher of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Luleev Michael — Librarian of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: Lvaganova@yandex.ru
n_bagenova@inbox.ru

ABSTRACT

This article offers an overview of the activities of 5th international student festival «Bibliofest-2017» prepared and conducted by students of Library and information Department of Saint-Petersburg state Institute of culture, from 16 to 25 May 2017.

Keywords: international student festival, Saint-Petersburg state Institute of culture, library.

Кудрин А.А. «Путь археографа»: научные чтения в честь 80-летия Николая Юрьевича Бубнова

Кудрин Алексей Александрович — библиотекарь Научно-исследовательского отдела рукописей

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: kudrin-ljosh@rambler.ru

Kudrin A.A. «The archeograph's way»: scientific readings in honor of the 80th Anniversary of Nikolay Yurievich Bubnov

Kudrin Aleksei — Librarian of Manuscript Department

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: kudrin-ljosh@rambler.ru

ABSTRACT

The review considers the main events dedicated to the 80th anniversary of the outstanding Russian archeographer, employee of Russian Academy of Sciences Library Manuscript Department Nikolay Bubnov. The description of the main scientific activities of

scientist in the field and cameral archeography is given in this article. The separate part of article devoted to the scientific readings in honor of the 80th Anniversary of Nikolay Bubnov «The archeograph's way» was held on May 25, 2017 in the Russian Academy of Sciences Library.

Keywords: scientific readings, bibliology, field archeography, Old Belief, Manuscript Department of Russian Academy of Sciences Library, St.-Petersburg.

